GRANITE OF SCIENCE
SCIENTIFIC AND POPULAR JOURNAL
№5 2021

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И СОПРЯЖЕННЫХ ОТРАСЛЯХ

PROF. ПРОКОПИО
О СТАТУСЕ ИСТОЧНИКОВ И АВТОРИТЕТНОСТИ ДАННЫХ

DR. МАЛЬЦЕВ
ИСТОЧНИКИ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СТОЛПЫ НАУКИ

DR. УЭСТ
МАНИПУЛЯЦИЯ ДАННЫМИ В НАУКЕ

DR. ИНТРОВИНЬЕ
ИНТЕРВЬЮ О ПОДХОДАХ К КРИТИКЕ ИСТОЧНИКОВ

PROF. DR. КРЕЙС
ЗАДАВАЯСЬ АКАДЕМИЧЕСКИМИ ВОПРОСАМИ

PROF. МИНАКОВ
ЧТО ДЕЛАЕТ НАУКУ /УЧЕНЫХ НАСТОЯЩИМИ?

PH.D. САГАЙДАК
«ПРОБЛЕМА ЗАСИЛИЯ ЦЕРКОВНОСТИ В НАУКЕ» — ЦЕРКОВНОСТЬ ИЛИ ОЛИГАРХИЗМ?

PROF. ЛЕПСКИЙ
ФАТАЛЬНЫЕ УЯЗВИМОСТИ НАУЧНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ КАК ОСНОВА ФЕЙКОВ

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

1. **Слово редактора** 4
2. **Ведение.** Проблема достоверности источников 6
3. **Prof. Дэвид Прокопио.** О статусе источников и авторитетности данных при проведении научного исследования 16
4. **Dr. Джеффри Уэст.** Манипуляция данными в науке: проблемы оценки результатов, полученных с помощью количественных и качественных методов 22
5. **Dr. Олег Мальцев.** Источники как фундаментальные столпы науки 24
6. **Dr. Массимо Интровинье.** Интервью о подходах к критике источников 34
7. **Ph. D. Александр Сагайдак.** «Проблема засилия церковности в науке» — церковность или олигархизм? 40
8. **Prof. Dr. Джером Крейс.** Задаваясь академическими вопросами 42
9. **Prof. Майкл Биллиг.** Обязательно ли «научный» означает «слишком сложный»? Кодекс науки против восприятия 56
10. **Dr. Дуглас Келлнер.** О ранге источников и надежности данных в научном исследовании 58
11. **Ph. D. Джеймс Финкенауэр.** Проблемы методов и источников в социальных науках 66
12. **Prof. Людмила Филипович, Prof. Олександр Саган.** Чи достовірні джерела з історії церкви 70
13. **Prof. Майкл Стривенс.** Отношения между философией и наукой сегодня 82
14. **Dr. Бернардо Аттиас.** Авторитет автора и приоритет источников 88
15. **Эндрю Марк Крейтон.** Балканизация научного авторитета 96
16. **Prof. Виталий Лунёв.** Этика науки и «прокрустово ложе» 102
17. **Энрике Санчез-Коста.** Оценивание источников и текущие проблемы социальных наук 104
18. **Мария Барилла.** О «профессии историка»: историография как научная практика 108
19. **Dr. Эмилио Виано.** Пандемия коронавируса: точная наука, эмоции и политика в поисках решений 116
20. **Джон Лаббок.** Роль Википедии: взгляд изнутри 120
21. **Dr. Ларри Сэнгер.** Интервью с со-основателем Википедии 122
22. **Dr. Владимир Левоневский.** Википедия, DBpedia и семантические процессы будущего 126
23. **Dr. Стив Дженнаро.** Является ли информация знанием в цифровом мире? 134
24. **Prof. Ph. D. Хосе Торральба.** Давление оценки в научных журналах 142
25. **Ph. D. Владимир Скворец.** Личность как источник научного творчества 144
26. **Член-корреспондент УАН Ирина Лопатюк.** Тенденции в области фотографии как комплексного источника и инструмента для научно-исследовательской деятельности 152
27. **Марина Ильюша.** Методика обучения работе с фотографией как с источником научных доказательств 156
28. **Prof. Михаил Минаков.** Что делает науку/ученых настоящими? 160
29. **Prof. Максим Лепский.** Фатальные уязвимости научного источниковедения как основа фейков 164
30. **Dr. Афина Караджоянни.** «Научная достоверность»: современные тенденции и проблемы 168
31. **Резолюция** 170

ГРАНИТ НАУКИ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
О УКРАИНСКОЙ И МИРОВОЙ НАУКЕ

ОТ РЕДАКТОРА

Здравствуйте, уважаемые читатели нашего журнала!

Каждый выпуск не похож на предыдущие, но мы уверены, что 6 й номер «Гранита науки» займет особое место в избранных документах идущих путём науки людей: обязательное. Он посвящен конференции Европейской академии наук Украины «**Проблемы источниковедения в современной науке и сопряженных отраслях**».

Три десятка известных учёных со всего мира собрались в ноябре 2020 года и продискутировали основополагающие для понимания профессии учёного вопросы:

- собственно, кто такой учёный? Что его создаёт, публикации в индексируемых журналах или монографии?
- на какие источники следует ему полагаться в научном изыскании? Приемлема ли в качестве источника Википедия?
- как отличить фейк от научной работы?
- как классифицировать наличествующие источники?
- как обезопаситься от манипулирования данными?
- проблема установок в современной науке
- «понятность» и «научность»: неужели нужно выбирать?

Причины обсудить все эти вопросы, несомненно, назрели давно. А поводом для организации конференции стала опубликованная в “**Jewish Revew**” статья профессора Давида Прокопио, который предложил конкретную модель классификации источников для ученого. Ее вы прочитаете в данном выпуске первой.

Будем рады принять на редакционную почту ваши личные истории и соображения по вопросам, по которым высказались именитые ученые. Ведь чем больше внимания мы с вами концентрированно уделим проблеме сейчас, тем меньше его придется тратить в дальнейшем, будущим поколениям, на отделение «зёрен» науки от плевел. Вооружим же их — не алгоритмами, но честно сформированным принципиальным эталоном! Хотя что тут «формировать»? Надо просто вспомнить, зачем мы все занимаемся наукой. Каждый из нас.

Доброго вам здоровья и продуктивного чтения!

Дарья Тарусова

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКОВ

Сегодня, как никогда, достоверная информация является актуальной проблемой не только ученых, а и каждого человека. В эпоху диджитализации и засилья простых решений, предлагаемых интернет-лоббистами, создаются гипер-условия, в которых детям уже в школе демонстрируется стереотип, что Google знает всё и что авторитетным лицам, написавшим ряд книг, можно верить.

Безусловно, что говорить о простых людях, если в академической науке, когда дело касается научных исследований, когда на базе изученных данных делаются выводы, организовываются целые проекты, экспедиции, пишутся монографии и книги — такого уровня информация должна быть исключительно достоверной и авторитетной. Поскольку, если в основе исследования лежит ошибка, то в результате также будет получена ошибка, выводы научных исследований будут ложью. Но, как часто бывает, информацию практически никто не проверяет, наоборот ее смело используют для написания статей, рефератов, дипломов, научных работ и т.д.

Несколько лет назад, в 2018 году, был огромный скандал в научном мире, когда трое ученых в США почти год (!) публиковали в рецензируемых журналах фейковые, выдуманные научные статьи, а затем сами же опубликовали разоблачение своего эксперимента. Они намеренно писали совершенно бессмысленные и даже откровенно абсурдные научные статьи в различных областях социальных наук, чтобы доказать: идеология в этой сфере давно взяла верх над здравым смыслом. Как отметили в BBC News:

Джеймс Линдси, Хелен Плакроуз и Питер Богоссян (слева направо) целый год писали откровенно безумные статьи

> *«Наука ставит своей целью установить истину, настаивают авторы, но в области социальных исследований истина уже давно мало кого интересует. Главное — это соответствие идеологическим нормам: осуждение угнетателей всех мастей и выражение поддержки «униженным и оскорбленным».*

Другим подтверждением того, что научный мир зашел в тупик с точки зрения авторитетности и достоверности информации, является то, что *«обозреватели BBC Future беседовали с группой экспертов о наиболее серьезных трудностях, с которыми человечество столкнулось в XXI веке, и выяснилось, что в числе наиболее актуальных проблем — дискредитация надежных источников информации (!). В некотором смысле эта проблема превосходит все остальные. Без общей отправной точки — ряда фактов, которые могут принять люди, не согласные друг с другом по остальным вопросам, — будет очень сложно решить хоть какие-нибудь из важных задач современности»,* отмечается в статье.

«БЛАГОДАРЯ ИНТЕРНЕТУ ВОЗМОЖНОСТЬ БЫТЬ УСЛЫШАННЫМ ПОЯВИЛАСЬ У МНОЖЕСТВА ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ РАНЬШЕ НЕ МОГЛИ ПРОБИТЬСЯ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ КОНТРОЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ»,

— рассказывает Пол Ресник, преподаватель информационных дисциплин в Мичиганском университете (США).

Сначала многие обрадовались перспективе ознакомиться с мнениями самых разных представителей общества. Но сейчас некоторые из этих людей говорят вещи, которые нам не нравятся, и главный вопрос заключается в том, как контролировать распространение информации, которая представляется ложной. Необходим новый способ определения сведений, заслуживающих доверия».

Год назад «Гранит науки» опубликовал ряд самых громких научных открытий последних лет, которые были разоблачены и опровержены. Как отметил автор статьи:

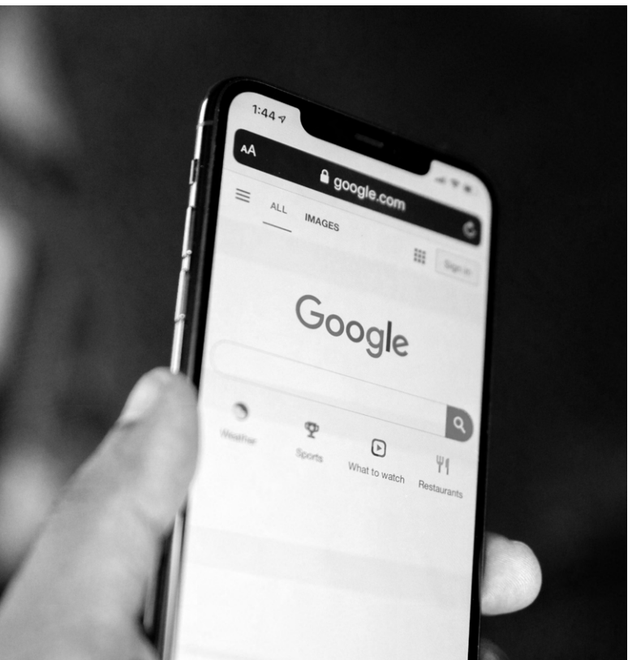
> *«не все, что публикуется в научных журналах, правда. Даже такие крупные и авторитетные издания как The Lancet, Science и Nature иногда публикуют статьи научных мошенников».*

К слову, больше года назад на эту тему произошел громкий скандал. В мае 2019 года многие СМИ писали о расшифровке средневековой рукописи Войнича — написанной неизвестным автором на неизвестном языке рукописи, которая украшена непонятными иллюстрациями. Академик из Бристольского университета (Великобритания) Джерард Чешир утверждал, что расшифровал манускрипт Войнича, который более 100 лет оставался загадкой для криптоаналитиков и лингвистов. Его выводы опубликованы в журнале Romance Studies. В это открытие поверили, потому, что статья об этом была опубликована в рецензируемом научном журнале. Вскоре выяснилось, что ее автор мошенник.

Еще одной нашумевшей историей, проявляющей проблемы источников в науке и противоречивость предоставляемой там информации, является, полагаю, известная многим «мистификация Сокала». Так, профессор физики Алан Сокал из Нью-Йоркского университета в конце 1994 года написал сатирическую статью под названием «Преступая границы: К вопросу о трансформа-

тивной герменевтике квантовой гравитации» (англ. «Transgressing the Boundaries: Towards a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity»), направленную привлечь внимание модных академических комментаторов, подвергающих сомнению притязания науки на объективность. Сокал послал статью в научный журнал «Social Text», который опубликовал её в специальном выпуске, посвящённом научным войнам. Впоследствии мистификация была раскрыта самим Сокалом в статье в майском номере другого научного журнала, «Lingua Franca», в которой он объяснил, что его статья в «Social Text» была «*обильно приправлена полной чепухой» и, по его мнению, была опубликована только потому, что хорошо выглядела и льстила «идеологическим предубеждениям*» редакторов.

В подавляющем большинстве случаев журналисты, ученые и люди, которые что-либо публикуют, несут юридическую ответственность за всю информацию, которую они распространили. При этом совершенно не важно, является ли сам человек автором текста, только перепечатал его или сделал репост. Поэтому, если человек работает с информацией, ему стоит относиться к ней, как к информации, требующей доскональной проверки. Основная же проблема при работе с документами: далеко не все письменные свидетельства можно считать документальными доказательствами.

Современный мир пришел в то состояние, что на уровне Википедии профессор университета с тремя научными степенями имеет тот же статус, что и пятнадцатилетний мальчик, который еще учится в школе. К примеру, профессору Туринского университета, известному итальянскому социологу религии и юристу, директору и сооснователю Центра изучения новых религий (CESNUR) Массимо Интровинье на страницах Википедии предъявлялись претензии подростком касательно достоверности и авторитетности его источников информации на его странице. Как говорил Жан Бодрийяр, «мы находимся в мире, в котором все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла», а свободная энциклопедия Википедия на сегодня превратилась в главенствующий и непререкаемый источник знания для большинства людей.

В мире современных высоких технологий и быстро распространяющейся разнообразной информации, ее достоверность и правдивость — стали одними из ключевых проблем, требующих немедленного реагирования и разрешения. Интернет-пространство заполонили разные средства массовой информации, блоги, сайты, активная популяризация разных соцсетей как Facebook, Vkontakte, Twitter, Instagram и многих других. Каждую секунду пользователи интернет-ресурсов получают тонны материалов, разобраться в которых порой не так просто. Проблема в том, что на сегодня любой желающий может написать что угодно, разместить это на ресурсе, а человек несведущий и не разбирающийся в вопросе (а таких, к сожалению, преобладающее большинство на планете) будет считать, что все написанное — является истинным. Но это совсем не так, и многие примеры из мировой науки даже за последние несколько лет являются тому неопровержимыми доказательствами.

Только за последнее время в медиа-мире известен ряд случаев, когда обналичивались лживые источники информации. Например, несколько месяцев назад на социальном новостном сайте Reddit один из его пользователей — Ultach — рассказал об интересном открытии, которое он сделал, когда

читал статью в «Википедии», что повлекло за собой целый ряд других публикаций по этой теме.

> **«Я ОБНАРУЖИЛ, ЧТО ПОЧТИ КАЖДАЯ СТАТЬЯ В ШОТЛАНДСКОЙ ВЕРСИИ ВИКИПЕДИИ НАПИСАНА ОДНИМ И ТЕМ ЖЕ ЧЕЛОВЕКОМ — АМЕРИКАНСКИМ ПОДРОСТКОМ (!), КОТОРЫЙ НЕ ГОВОРИТ НА ШОТЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ»,**

— говорится в заголовке его сообщения.

Пользователь Reddit разоблачил американского подростка, который опубликовал в Шотландской Википедии более 20 тысяч статей, при этом он совершенно не знает шотландского языка. Как выяснилось, с 2013 года пользователь «Википедии» из Северной Каролины AmaryllisGardener писал статьи на английском, но с большим количеством ошибок так, чтобы текст напоминал разговорный шотландский акцент. По подсчётам Ultach, американский подросток отредактировал или написал более одной трети всех (!) статьей на шотландском, а в среднем он исправлял или создавал около девяти статей в день. При этом на странице своего профиля в «Википедии» Amaryllis утверждал, что «только учится» шотландскому. Еще одной важной деталью является то, что это подросток, как выяснилось, является одним из администраторов шотландской версии «Википедии», поэтому теперь пользователи сайта не знают, что делать дальше. Пользователь Reddit сказал:

> *«Этот человек нанёс больше вреда шотландскому языку, чем кто-либо в истории».*

МИР ПРИШЕЛ В ТО СОСТОЯНИЕ, ЧТО ЧЕТЫРЕ “ЧЕРНЫХ ЭКРАНА” — МОНИТОР, НОУТБУК, ПЛАНШЕТ И СМАРТФОН, КАК ИНСТРУМЕНТЫ ВСЁ ЧАЩЕ СТАНОВЯТСЯ ПОСРЕДНИКОМ И ЗАМЕНИТЕЛЕМ ЗНАНИЯ.

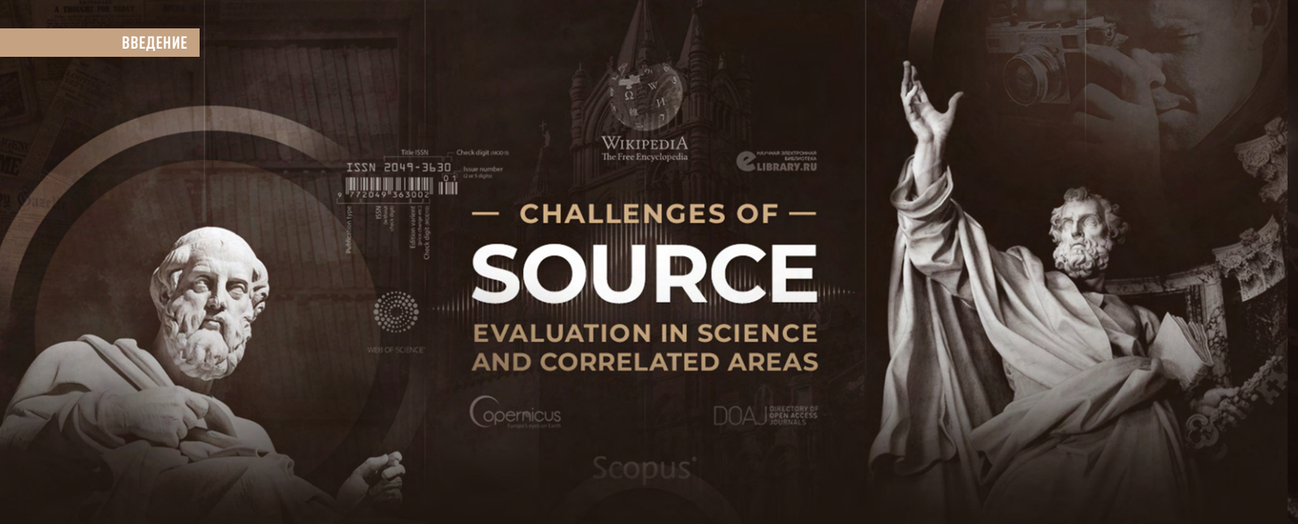
Это не источники, а программы и алгоритмы, с которыми не поспоришь, они обезличены и не ответственны за качество этих самых получаемых знаний.

НА СЕГОДНЯ ОСТАЮТСЯ ОТКРЫТЫМИ ГЛАВНЫЕ ВОПРОСЫ:

- Какие источники информации соответствуют действительности?
- С чем на самом деле можно работать?
- Можно ли бесповоротно доверять тому, что подписано «учеными»?
- Не изменились ли параметры и требованиями к уважаемым людям науки?
- Как отделить выдуманное и вымышленное от достоверного и эффективного?

Для создания условий конструктивного диалога на предмет разрешения вызовов современности в ключе источниковедения как отрасли междисциплинарного прикладного знания была организована Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и аспекты источниковедения в современной науке и сопряженных отраслях**», которая проходила **с 23 по 27 ноября 2020 года**.

На одной платформе собрались более тридцати ведущих мировых ученых и экспертов из разных областей науки для проведения научной дискуссии о валидности и научности данных, проблематике и достижениях современных знаний, о работе с источниками информации.

В течение пяти дней на дискуссионных онлайн-панелях обсуждались фундаментальные по своей сути и значимости вопросы:

- системное ориентирование в источниках и проблема приоритетов;
- проблема манипуляции данными в науке и дальнейшая репрезентация научных данных широкой аудитории;
- инструменты работы с информацией на предмет определения её объективности и достоверности;
- «**НЕписанные правила**» в науке или почему «принято делать то, что никак не связано с результатами научной деятельности, зато удовлетворяет бюрократический аппарат в научной сфере;
- есть ли некие параметры, технологии разграничения «**научного**» и «**псевдонаучного**»?
- что важнее: содержание научной работы или ее оформление? Способ донесения информации или обязательная её зашифровка? И многие другие вопросы.

ВВЕДЕНИЕ

ПАНЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И СОПРЯЖЕННЫХ ОТРАСЛЯХ»

КАК НАЙТИ ИСТИНУ? КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

23.11.20

- **Вопрос 1.** Классификация источников, представленная профессором David Procoppio. Дискуссия о представленной модели классификации источников
- **Вопрос 2.** Проблема допустимости источников для проведения научного исследования.
  Какие источники являются достоверными и научными? Какие источники можно использовать в научном исследовании?

Спикеры первой онлайн-панели конференции:

- Ph. D. Олег Мальцев
- Prof. Людмила Филиппович
- Prof. Максим Лепский
- Dr. Стив Дженнаро
- Дуглас Келлнер

СВОБОДНЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ И МАНИПУЛЯЦИЯ ДАННЫМИ

24.11.2020

- **Вопрос 1.** Может ли учёный использовать свободные энциклопедии в качестве источника научной информации? Википедия и роль аналогичных источников
- **Вопрос 2.** Проблемы манипулирования данными в науке, вопросы количественных и качественных показателей. Проблема установок в современной науке.

Спикеры конференции:

- Dr. Массимо Интровинье
- Dr. Джеффри Брайан Уэст
- Ph. D. Олег Мальцев
- Dr. Джеймс Финкенауэр
- Dr. Атина Каратцоджианни
- Луцюк Анатолий

ЧТО ДЕЛАЕТ УЧЕНОГО УЧЕНЫМ?

25.11.20

- **Вопрос 1.** Что создаёт ученого? Публикации в индексируемых журналах или его научные работы, например, монографии?
- **Вопрос 2.** Как отличить подделку (fake) от научной работы? Проблема “понятности обществу” и “научности”: огромное количество научных трудов непонятно широкой публике, для кого они написаны?

Спикеры третьей онлайн-панели конференции:

- Dr. Джеффри Брайан Уэст
- Ph. D. Олег Мальцев
- Dr. Атина Каратцоджианни
- Dr. Михаил Минаков
- Prof. Максим Лепский
- Ph. D. Владимир Скворец
- Дарья Тарусова

ПРОБЛЕМЫ ЦИТИРОВАНИЯ И НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ БАЗ

26.11.20

- **Вопрос 1.** Обязательно ли ссылаться на других ученых при проведении научного исследования?
  Проблема засилия церковности в науке
- **Вопрос 2.** Имеют ли требования наукометрических баз отношение к науке?
  Или они являются политическими/придуманными требованиями?
  Проблема Scopus в США и Web of Science в Европе.

Спикеры четвертой панели:

- Dr. Люсьен-Самир Улахбиб
- Prof. Максим Лепский
- Ph. D. Владимир Скворец
- Ph. D. Александр Сагайдак
- Ирина Лопатюк

ВОПРОСЫ АВТОРИТЕТА АВТОРА, ПРИОРИТЕТА ИСТОЧНИКОВ И ТОЧНОСТИ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ.

27.11.20

- **Вопрос 1.** Является ли авторитет автора гарантией надёжности источника научной информации?
- **Вопрос 2.** Приоритет источников: вопрос системоориентирования в источниках
  Роль экспериментов.
  Если факты противоречат науке, тем хуже для фактов? Или всё-таки таковые противоречия свидетельствуют о ненаучности предшествующих выводов?

Спикеры пятой онлайн-панели:

- Dr. Эмилио Виано
- Dr. Джером Крейс
- Dr. Джеймс Финкенауэр
- Dr. Бернардо Аттиас
- Prof. Максим Лепский

SOURCE EVALUATION IN SCIENCE AND CORRELATED AREAS

DR. МАССИМО ИНТРОВИНЬЕ

DR. ДЖЕФФРИ БРАЙАН УЭСТ

PH. D. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

PROF. МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

PROF. ЛЮДМИЛА ФИЛИППОВИЧ

DR. СТИВ ДЖЕННАРО

DR. ДЖЕЙМС ФИНКЕНАУЭР

DR. БЕРНАРДО АТТИАС

ДУГЛАС КЕЛЛНЕР

ЛУЦЮК АНАТОЛИЙ

DR. МИХАИЛ МИНАКОВ

DR. АТИНА КАРАТЦОДЖИАННИ

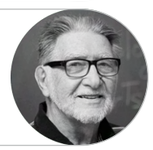

PH. D. ВЛАДИМИР СКВОРЕЦ

DR. ЛЮСЬЕН-САМИР УЛАХБИБ

PH. D. АЛЕКСАНДР САГАЙДАК

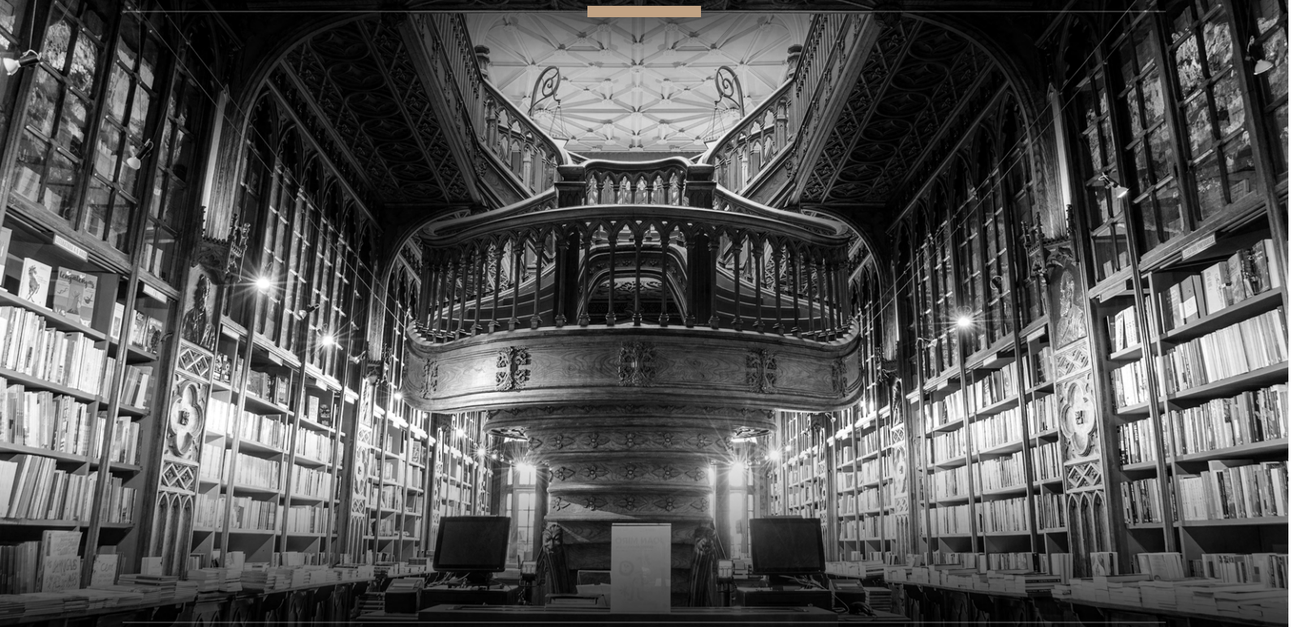

ИРИНА ЛОПАТЮК

DR. ЭМИЛИО ВИАНО

DR. ДЖЕРОМ КРЕЙС

ДАРЬЯ ТАРУСОВА

О СТАТУСЕ ИСТОЧНИКОВ И АВТОРИТЕТНОСТИ ДАННЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ПЕРЕВОД СТАТЬИ ПРОФЕССОРА ДЭВИДА ПРОКОПИО «ABOUT THE RANK OF SOURCES AND THE RELIABILITY OF DATA IN THE SCIENTIFIC STUDY»

Наука — это то, что отличает состояние невежества от состояния полного знания, которое постоянно дополняется и расширяется. **Цель науки** — научные открытия, исследование неизвестных явлений; для ученого неизвестное («X») является приоритетом. Современная академическая наука до настоящего времени не пришла к единой системе понимания и оценки статуса, достоверности и авторитетности источников. Тот факт, что источник рецензирован и/или издан несколько столетий назад, безусловно, не может являться единственным критерием его оценки. Чаще всего ученые сталкиваются с тремя основными проблемами при работе с первоисточниками. В рамках данной статьи представлена классификация источников с точки зрения их ранга и значимости, а также подробное описание статуса каждого из них, что позволяет отличить настоящую научную работу от продукта журналистской деятельности.

Первая проблема, с которой сталкиваются ученые, это сами источники, в которых предмет исследования не изучен, что влечет за собой новые трудности. **Во-вторых**, большинство источников «**разбросаны**» по времени и не всегда отражают эволюцию науки. Напротив, чаще всего они могут отражать деградацию в науке. Третья проблема, с которой сталкиваются ученые — это **проблема ранжирования источников**, то есть статус работы среди всех других в данной области. Как правило, чем достоверней содержание источника, тем выше его статус, и наоборот (чем больше сомнений в его правдивости, тем менее он является надежным). Я полагаю, что эта классификация станет неким путеводителем для ученых, которые сталкиваются с проблемой оценки авторитетности того или иного источника,

с чем я пытался разобраться на протяжении многих лет.

КЛАССИФИКАЦИЯ И РАНЖИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ

1) Составной комплексный источник
Он должен соответствовать трем характеристикам: содержать научную, прикладную и практическую составляющие.

Предположим, что предметом нашего исследования является фехтование. Примером составного комплексного источника, в таком случае, будет являться трактат **Иеронимо Санчес де Карранзы «Философия оружия»** (**De la Filosofía de las Armas y de su Destreza y la Aggression y Defensa Cristiana, 1582**). Он был отцом-основателем испанского фехтования, первым лицом в этой области, который написал трактат, соответствующий трем вышеупомянутым критериям:

- «**Философия оружия**» написана на стыке нескольких наук
- Она содержит прикладной аспект исследовани
- Содержит практические аспекты и примеры на практике.

Если рассматривать самого автора, то он однозначно является ученым, авторитетной фигурой в Испанском фехтовании, истинным дворянином и крайне уважаемой личностью. **Иеронимо Санчес де Карранза смог достичь наивысшего статуса в Испанской империи**, которого только мог добиться дворянин — он был **назначен командором ордена Иисуса Христа** за заслуги перед Испанской короной. Необходимо отметить, что на сегодня такого статуса источников, как «**Философия оружия**» — единицы.

2) Прикладной научный первоисточник
Этот вид источника ориентирован на прикладную часть; источник научный, но не содержит практической составляющей. Примерами таких неопровержимых первоисточников являются фотографии, архитектура, сама местность (территория) и т.д.

3) Практический составной первоисточник
Данный источник освещает одну узкую проблематику. Примером такого первоисточника может быть руководство по электротехнике.

4) Научно-теоретический источник / научно-популярный источник
Этот источник указан четвертым в списке по той причине, что каждая научная теория требует практической проверки. Этот вид источника содержит научную модель и результаты ее применения. Но, как правило, такого рода источники не содержат результатов применения на практике. В случае если, нет доказательств того, что автор источника применял им изложенное на практики, предполагается что источник

КЛАССИФИКАЦИЯ И РАНЖИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ

1. Составной комплексный источник
2. Прикладной научный источник
3. Практический составной первоисточник
4. Научно-теоретический / научно-популярный источник
5. Публицистика / личный опыт
6. Аналитическая публицистика
7. Архивные данные
8. Журналистские работы
9. Материалы СМИ
10. Художественные произведения и другие литературные жанры
11. Необработанные или сомнительные источники информации

требует верификации, несмотря на то, что источник является давно устоявшимся.

5) Публицистика/личный опыт
Как правило, этот тип источника имеет практическую сторону, без теоретической составляющей. Это работа, основанная на личном опыте, когда человек непосредственно видел все собственными глазами. К примеру, Питер пишет публицистическую книгу о пребывании в Антарктиде на протяжении 30 лет, книга отражает его личный пережитый опыт и практику без теории).

6) Аналитическая публицистика
Рассуждения человека на определенную тему, деятельность увлеченного энтузиаста, который потратил немало времени на сбор данных и их изучение. Сам источник является сомнительным и требует проверки, поскольку не содержит элементов научного исследования. Это попытка анализа и систематизации человеком некоторых данных на базе его собственного опыта и восприятия, перенесенные на бумагу. Но источник не содержит «признаков» научного исследования (применения научного инструментария для проведения исследования). Примером такого источника может служить книга о том, как в течение десятилетий кто-то искал Янтарную комнату.

7) Архивные данные
Частные данные и государственные архивы — это **слабо структурированный материал**. На первый взгляд может показаться, что государственные архивы содержат точные данные, но это не всегда так. Во-первых, вы сталкиваетесь с множеством разных данных, требующих длительного и тщательного анализа. Во-вторых, один документ из архива может полностью противоречить другому, расположенному в другой части архива. Поэтому, перед тем как давать какие-либо оценки, сначала надо проанализировать весь архив в полном объеме, проделать огромную научную работу. Не говоря уже о том, что нужно иметь доступ к полному объему данных в архиве по предмету исследования, а многие записи теряются (особенно во время войны). В общем, архивная работа — довольно трудоемкая. Источник является слабо авторитетным.

8) Журналистские работы (книги, статьи, расследования)
Журналистская работа затрагивает узкий предмет исследования, узкую тему. По сути, это взгляд человека на проблему, иногда поверхностно. Такой источник заслуживает внимания, но он не является авторитетным.

КЛАССИФИКАЦИЯ И РАНЖИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ

АВТОРИТЕТНЫЕ ИСТОЧНИКИ:

- Составной комплексный источник
- Прикладной научный источник
- Практический составной первоисточник
- Научно-теоретический / научно-популярный источник
- Публицистика / личный опыт

ИСТОЧНИКИ, ТРЕБУЮЩИЕ ПРОВЕРКИ:

- Аналитическая публицистика
- Архивные данные
- Журналистские работы
- Материалы СМИ
- Художественные произведения и другие литературные жанры
- Необработанные или сомнительные источники информации

9) Материалы СМИ
Статьи, публикации, очерки являются источником научной информации, но не проверенным источником.

10) Художественные произведения и другие литературные жанры

11) Неклассифицированные или сомнительные источники информации

Примечание: в некоторых областях может быть дефицит источников — «**любой**» источник становится авторитетным.

СТРУКТУРА И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

1. Классификация, представленная ранее, строго соответствует историческим требованиям к источникам; она **позволяет классифицировать любой источник**, даже независимо от даты его публикации.
2. Эта классификация **базируется непосредственно на методологии науки**. Она систематизирована на основе принципа изучения проблематики и проверки результатов на практике.
3. Параметры источника, которые следует принять во внимание:
   a. **Автор**. Интересы его исследовательской и основной деятельности могут многое рассказать о практической и прикладной составляющих источника.
   b. **Научная составляющая**. Источник должен продемонстрировать неоспоримые исследования на стыке наук. Исследования в рамках одной науки означают, что это научно-теоретический труд, а не составной комплексный источник.
   c. **Экспериментальные подходы и прикладной компонент**. Его основными характеристиками являются примеры и демонстрации.

В научных исследованиях **в первую очередь используются научные подходы**, методология и исследовательский инструментарий. Подход, представленный здесь, позволяет любому ученому классифицировать источники максимально быстро и просто.

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

ПРОБЛЕМА
↓
РЕЗУЛЬТАТ
↓
ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА

Классификация источников дает понимание того, на какие источники вы опираетесь и показывает достоверность вашего исследования. Если исследование опирается на ошибочные данные, то в результате также будет ошибка (если опираться не на авторитетные источники, то в результате получится не авторитетная работа).

Во-вторых, эта классификация позволяет вам самим определять, какую научную работу вы хотели бы создать (какого уровня). Этот инструмент также может использоваться, чтобы описать поэтапное становление ученого с точки зрения его работ.

Давайте предположим, что ученый может начать с личной публицистики (публицистической работы), основанной на его собственном пережитом опыте, например, в Антарктику. Он пишет свою книгу (книга его переживаний, записки путешественника), как Миклухо-Маклай, написавший труд «Путешествия в Новую Гвинею». Следующим шагом в становлении ученого будет разработка теоретических работ, за которыми следует написание им практических составных первоисточников, далее — прикладных научных работ и составных комплексных первоисточников. Это простой путь развития ученого, его роста в науке.

Статус ученого определяется в соответствии с уровнем работ, которые он может написать. Молодой ученый начал бы с личной публицистики. Затем под руководством научного руководителя он начнет писать научно-теоретические работы (практические составные источники, работа на узкую

тему). Его работы в статусе доктора уже будут являться прикладными научными первоисточниками, а написание им составного комплексного источника уже свидетельствует о его независимой исследовательской работе и становлении академиком. Таким образом, докторские работы — это уже определенный уровень, где степень присваивается, исходя из работ, как дополнение.

Верхняя часть источников в классификации — это работы научной деятельности, а в нижней части — источники, относящиеся к журналистской деятельности. Тем самым строго отделяя научную деятельность от деятельности журналиста. Безусловно, эта классификация, как и любая другая вещь в науке, дискутивна. Кто-то может оспорить представленную классификацию и представить свою с такими же параметрами в качестве альтернативы.

ДОПОЛНЕНИЕ

Как классифицировать научные статьи?
Проанализировав содержание статьи, мы должны определить, имеет ли она научно-теоретический источник и содержит ли личный пережитый опыт в публицистике. Дело в том, что научные статьи не могут выходить за рамки двух вещей (теория и личный опыт), в противном случае — требуется написание монографии из-за объема материалов. Научная или научно-популярная статья — это теоретический источник или публицистический источник, основанный на собственном опыте.

Некоторые ученые могут спорить о статусе научных и научно-популярных статей. Проблема в том, что научные статьи понятны лишь узкому кругу лиц и не читаются широкой публикой. По этой причине невозможно определить, насколько этот источник является авторитетным (научные статьи обществом не читаются), а сами ученые читают научные статьи, которые касаются их проблематики. Поэтому научно-популярная статья стоит выше научной статьи, несмотря на то, что она написана таким языком, который понятен широкой аудитории. Это может быть очень авторитетный источник.

Так или иначе, ученые охотно или неохотно «**интересуются**» базами данных о цитировании (которые, по моему мнению, отклоняются от того, что представляет собой настоящая наука, в стремлении опубликовать статью, которая соответствует списку требований).

Если бы пришлось сравнить две статьи, опубликованные в журнале базы **Scopus** уровня Q1, и две научно-популярные статьи, опубликованные в СМИ, какие из них были бы более надежными и имели бы более высокий рейтинг? Вероятно, большинство людей скажут, что статьи, опубликованные в журнале уровня Q1 в **Scopus** более авторитетны, но вот вопрос: сколько людей прочитало эту статью, кроме тех, кто ее рецензировал? Научно-популярные статьи могут прочитать миллионы людей и даже создать «имя» молодому ученому. Спекуляции в этом плане, очевидно, будут продолжаться — в конце концов, это личный выбор ученого, где его работа будет опубликована.

> *Лично я считаю, что мы не должны забывать о том, что такое наука на самом деле, и не «погружаться» полностью в виртуальный мир цитат, ссылок и баз данных в стремлении соответствовать «общепринятым правилам». Даже, если у ученого есть сотни статей в журналах, это еще ничего не значит. Каждый журнал имеет свои собственные требования, которые могут не соответствовать действительности. Научные индексы — вещь переменная. Следовательно, использовать их в качестве источника нельзя. Что, если все базы данных будут отменены, что дальше?*

Научные индексы нельзя соотносить с качеством самой работы.
Основатели современной науки, такие как Фома Аквинский, Сократ, Аристотель, Платон, Конфуций, Декарт, Фуко, Юм, Кант, Кьеркегор, Макиавелли, Маркс, Ницше, Руссо, Сартр, Эйнштейн, Спиноза и многие другие жили в разных странах и в разное время. И применяли очень разные подходы в науке, чем сегодня. Являются ли работы современных ученых более влиятельными, просвещающими и революционными, по сравнению с теми учеными? Конечно, нет. Те труды, которые они оставили нам, высоко

О СТАТУСЕ ИСТОЧНИКОВ И АВТОРИТЕТНОСТИ ДАННЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ценятся до сих пор, используются миллиардами людей и считаются очень авторитетными и надежными источниками, потому что они неизменны. **Источники, которые были актуальны вчера, но не являются таковыми уже сегодня**, логически не могут считаться надежными.

В заключение отмечу, что данная статья представила классификацию, которая позволяет иметь четкое представление об источниках, используемых в исследовании, и понимать, на какие материалы можно опираться в научном исследовании и анализе, и в результате работу какого уровня можно получить. Я считаю, что для многих эта классификация может сэкономить время и упростить систематизацию источников. Во-вторых, эта классификация представляет собой руководство, показывает путь повышения качества работ от молодого ученого до академика. В третьих, позволяет разделить журналистскую деятельность и научную деятельность.

Эта классификация максимально объективна. Изначальная задача, которую я поставил, состояла в том, чтобы учесть все параметры, предоставляя объективную оценку надежности и авторитетности источников. Классификация учитывает одновременно и академическую карьеру ученого, и исследовательскую деятельность журналиста, а также практический, прикладной профессиональный, научный академический подходы с учетом исчерпывающего числа научных и журналистских жанров, и все возможные виды источников, которые только бывают для ученых.

Кроме того, в этой классификации должным образом учитывается актуальность и возможность использования источника, независимо от времени его издания (можно использовать представленную классификацию как для оценки древних рукописей, так и совершенно новых статей и работ, опубликованных в 21 веке).

Каждый источник — это продукт интеллектуальной деятельности человека и, соответственно, является неким уровнем развития личности, который соответствует «эволюционной стадии» развития ученого. Начинающие журналисты не смогут написать составной комплексный источник за один день. Им сначала нужно вырасти профессионально, интеллектуально, научно, и только потом писать источник, а не наоборот. Уровень интеллекта, который существует у молодого ученого на данный момент, не позволяет создавать работу более высокого уровня без соответствующего навыка. Это еще одна причина, почему эта классификация настолько точна. Она учитывает интеллектуальные способности личности, которая подходит к созданию того или иного научного продукта.

Источник: «About The Rank Of Sources And The Reliability Of Data In The Scientific Study» (JewishReview)

Дэвид Прокопио

МАНИПУЛЯЦИЯ ДАННЫМИ В НАУКЕ: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ

ДЖЕФФРИ БРАЙАН УЭСТ

Физик-теоретик, бывший президент и заслуженный профессор Института Санта-Фе.

«ЕСЛИ Я И ВИЖУ ДАЛЬШЕ, ТО ЛИШЬ ПОТОМУ, ЧТО СТОЮ НА ПЛЕЧАХ ГИГАНТОВ».

Исаак Ньютон

Изначально существует множество аспектов, подходов, инструментов и даже подсказок для анализа и представления данных, которые впоследствии можно охарактеризовать как «манипулирование данными». В данном материале, подготовленном на основе онлайн-панельной дискуссии конференции «Проблемы оценки источников в науке и связанных областях», основное внимание будет уделено основным причинам и преобладающим обстоятельствам, которые приводят к манипулированию данными. С точки зрения профессора Джеффри Уэста, существует две части вопроса: доступ к данным и достоверность этих данных.

В течение многих лет я проводил свои исследования в области физики высоких энергий, имея должный доступ и, таким образом, получал данные от компаний, которые можно было бы образно описать как «**огромные научные ускорители**», например, ЦЕРН в Швейцарии (Женева). Собственно говоря, в этом случае исследователь сталкивается с определенными препятствиями, поскольку имеет дело с конкретными экспериментальными данными. Как правило, в физике высоких энергий у человека нет реальной возможности повторить эксперимент, что есть привилегия, которой он обладает в некоторых других традиционных научных дисциплинах. Я считаю, что это очень важный аспект, позволяющий подтверждать теории и предсказания, гипотезы и результаты анализа для других вещей для научного прогресса. Тем не менее, растет огромное доверие к тому, что все, что эта группа из тысячи экспериментаторов выполняла вместе, является правильными данными. Иногда такие экспериментальные группы заявляют: «**Это то, что мы измерили. Это правда. Остальные должны нам доверять**». И они манипулировали данными, потому что все виды исправлений вносились прямо в процессе исследования; нередко предпринимается множество малейших манипуляций, чтобы привести «**результат**» в «**общую форму**», которую могут использовать другие исследователи. Однако даже таким данным нужно доверять. Естественно, степень доверия, безусловно, зависит от репутации и роста научного профиля за многие годы. Это один из полюсов проблемы.

Есть еще один крайний полюс. Я сотрудничал с компаниями и общественными организациями и столкнулся с проблемой совершенно иного характера: права собственности на данные. Это означает, что либо данные могут существовать, но к ним нельзя получить доступ, либо нужно заплатить огромные суммы денег, чтобы получить требуемые данные. Опять же, эти данные в определенной степени «**замаринованы**»; в целом, ищут не чистые данные, а «**манипулируемые**» данные, даже если они платят эти деньги — например, данные, поступающие из налоговых деклараций компаний. В целом тенденция такова: высокая степень достоверности данных часто не проверяется, что является огромной проблемой.

Однако еще более поразительная трудность коренится в том факте, что если кто-то хочет понять организацию как систему или «**живой организм**», он намеревается понять, что «**происходит**» внутри этой организации. Затем возникает еще одна проблема, которую можно охарактеризовать с помощью вопроса: «**Что представляет собой конкретная компания или группа компаний для внутренних данных?**» Как правило, никто никогда не получает доступ к этому ящику «**внутренних данных**». Некоторые компании отправляют исследователю документы, аналогичные организационным схемам, которые представляют собой идеализированные версии того, чем является компания. Это не отражает реальности; он не указывает систему связи, системы взаимозаменяемости и так далее. В целом, это проблемная область, поскольку данные в той или иной форме подвергались манипуляции. Я не встречал какой-либо проверенной методологии или набора инструментов для оценки данных, чтобы обойти эти крайности, поскольку организации (подобные упомянутым выше) не обязаны предоставлять ученых или других (даже политиков), заинтересованных в необработанных данных. Следовательно, это важный вопрос, особенно в социальных науках. Что касается физических наук, я хотел бы отметить, что это меньшая проблема; это становится проблемой в некоторых биологических, медицинских и фармацевтических науках из-за неизбежной роли денег и вознаграждения и того, кто пришел первым. С этим связаны попытки федеральных агентств по всему миру, когда они поддерживают исследования, настаивать на том, чтобы исследователи делали свои данные доступными; нет никакой прозрачности. Однако многие исследователи игнорируют этот факт. Это действительно нерешенная проблема, поскольку ученых и исследователей заставляют применять данные, которые они предоставляют, что иногда не вызывает доверия.

В целом, это наиболее важные аспекты и проблемы манипулирования данными, которые необходимо решить. Я считаю, что у этих проблем есть решение, и оно может быть достигнуто в основном совместными усилиями членов научного и академического сообществ. Более того, я обеспокоен тем, что те же аспекты и аналогичные проблемы остаются за проблемой точности и достоверности данных **Википедии** (тот же вопрос касается других цифровых энциклопедий в Интернете).

Среда диктует свои условия и вносит изменения: в наши дни люди работают в основном через Интернет. У всех нас есть ограничения по времени, а также ограничения доступа. Меня беспокоит долгосрочный доступ к необработанным данным, к которым может иметь доступ исследователь, компания или политик; набор методов и подходов помогает проверять данные и обеспечивать их достоверность.

Меня в равной степени беспокоит то, что некоторыми частями данных традиционно манипулировали. То есть манипулируемые не отрицательно, а положительно представленные данные научной аудитории, которые может эффективно использовать любой исследователь. Тем не менее, это также должно быть завершено, и ученые часто получают, получают и даже производят данные, которые были «**модифицированы**» для тех, кто впоследствии имел дело с результатами исследования. Это сделано как с точки зрения их исследований, так и с точки зрения их прав собственности и их претензий на оригинальность. Наконец, я предполагаю, что если эти **проблемы манипулирования данными и источниками научной информации не будут решены сейчас, они только ухудшат общее положение науки в будущем**.

МАНИПУЛЯЦИЯ ДАННЫМИ В НАУКЕ: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ

ИСТОЧНИКИ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СТОЛПЫ НАУКИ

PH.D МАЛЬЦЕВ ОЛЕГ

Доктор философии, академик Украинской академии наук, основатель и руководитель Института Памяти, глава Экспедиционного корпуса, председатель Одесского фотографического общества

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ — НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА, ЗАНИМАЮЩАЯСЯ ОПИСАНИЕМ И КЛАССИФИКАЦИЕЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.

Толковый словарь Ушакова (Д. Н. Ушаков, 1935–1940)

Сегодня, в эпоху стремительного развития технологий, информация повсеместно распространена. Она невидимая, бесцветная, выживает даже в вакууме и действует буквально во всех сферах, распространяясь быстрее любого вируса. Работа с этим веществом — важный и необходимый навык для ученых или журналистов и, возможно, для каждого жителя нашей планеты. Но недостаточно иметь сверхзвуковой доступ к облачным репозиториям или библиотекам, которые сохранили наследие многих поколений до нас. Этого недостаточно. Что действительно важно, так это то, является ли информация, с которой ежедневно приходится сталкиваться, фактами, независимо от рода занятий, профессии, предпочтений, убеждений или национальности.

ИСТИННО ли то, что написано и заявлено? Мир ученого и мир науки отличаются от прочего определенными требованиями. Исследователь не может работать с информацией только потому, что она «**попала в его распоряжение**». Также не рекомендуется полагаться на какой-либо источник в качестве истины в последней инстанции. Требования к ученому разные; он или она должны уметь анализировать и обосновывать, аргументировать и представлять достоверные результаты своей научной деятельности. В данной статье отражена краткая научно-исследовательская работа, изложенная в популярном научном стиле и ориентированная на современные проблемы источниковедения как методологический раздел академической работы.

Сегодня в академических кругах преобладают общепринятые заявления и стереотипы о том, что человечество «шагнуло вперед в светлое будущее прогресса и технического совершенства», в первую очередь по сравнению с «необразованными предшественниками», существовавшими 300–500 лет назад. Правда ли это, остается открытым вопросом. Но, конечно, нереально делать вывод, что современная наука ежедневно побеждает и процветает благодаря открытиям и устойчивой эволюции. Напротив, чаще встречается обратная тенденция, что свидетельствует о стагнации. С точки зрения методологического дискурса о качестве научных результатов в 21 веке, важным аспектом научной основы является оценка и изучение источников.

Молодых исследователей знакомят с источниковедческой критикой и значением данного навыка. Говоря о письменных источниках, таких как книги, монографии, брошюры, научные публикации, все они должны быть точно позиционированы в соответствии с их рангом, качественно усиливая и, самое главное, проверяя проведенное исследование, подтверждая обоснованность суждений и актуальность результатов исследований. Однако с преобладанием информационных технологий и всеохватывающей цифровизации сама сущность научного знания — источниковедение — претерпела аномальные мутации и моделирование. Поддельные источники, неявный обычный способ, не требующий проверки источника данных, бизнес-проекты, которые научно обосновывают несуществующие вещи, среди прочего, становятся негативной тенденцией.

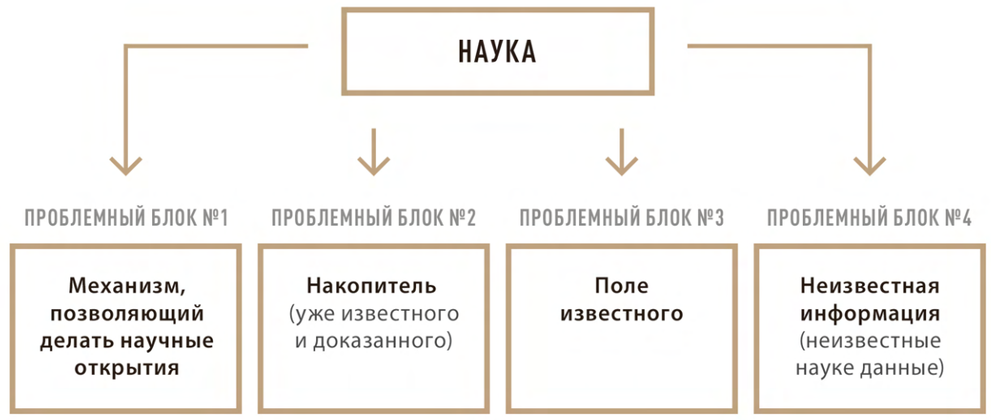
Вопрос в том, равна ли «**ссылка на источник**» «**качеству этого источника**»? Что, если давно установившийся источник является примером неточной информации? Неявно существует текущая странная тенденция, которая подразумевает, что письменный источник — это источник, который определенно следует использовать и ссылаться на него в исследовании. Имеет ли значение, было ли это преднамеренное искажение или результат теоретического проекта, не имеющего ничего общего с реальностью?

Прежде чем опровергать или опровергать актуальность упомянутых выше вопросов, предлагается вернуться к исходной точке — **самой науке как системе**. Для обсуждения предлагается следующая эвристическая модель; рассматривать науку как систему, образованную четырьмя взаимодействующими блоками:

1. **Механизмы**, позволяющие делать научные открытия;
2. Блок, условно именуемый «**Устройство хранения**» (для ранее доступных и проверенных данных).
3. **Поле неизвестного** — то, что еще предстоит исследовать, окружающая среда, которая требует открытия и исследования;
4. **Неопознанная информация** (данные неизвестны науке)

Согласно данной модели, можно сделать вывод, что **современная академическая наука сталкивается как минимум с четырьмя глобальными проблемами**.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

БЛОК ЗАДАЧ №1

Первый блок напрямую связан с **механизмами научных исследований**. Включая все механизмы, техники, процедуры, программы, подходы, тесты — **все, что позволяет нам создавать науку как таковую и ее наследие**. Однако наиболее распространена ситуация, когда современные исследователи не знают, какие механизмы они могли бы использовать (практически ни один институт или научный круг не делится знаниями как таковыми). Что еще более важно, они даже не ставят под сомнение достоверность своих методов исследования и тестов.

Действительность означает надежность. Подтвержденная надежность — **проблемный параметр № 1**. По какой-то причине акцент делается на определенных стереотипных «это принято», «все так делают», «да какая разница, что этот тест ненадежен, его уже 50 лет используют» и т.д.

Даже если сто лет пройдёт — какая разница? Право, что было неэффективным и через 50 лет окажется неэффективным. Что даёт ошибки в расчётах сегодня, завтра тоже даст ошибку. В общем, отсылка к тому, «что так делают все и уже давненько» — это не конструктивно и не позволяет добиваться надёжных научных результатов, продуктов, технологий и пр.

ПРОБЛЕМНЫЙ БЛОК № 2

Поговорим немного о так называемом «накопителе» — о тех базах данных и информационных «складах» вековой человеческой мысли, которые сегодня принято чаще использовать, не оглядываясь на критерии надёжности.

Итак, **базы данных и прочие своды информации образуют некую среду**. Сама по себе эта среда нейтральна — она не обладает качественными характеристиками на манер «хороший-плохой». Как таковыми характеристиками её наделяет человек, так или иначе воспринимая или пропуская её через призму собственного восприятия. Так называемая «призма» уже не является объективной сама по себе, поскольку формируется как результат взаимодействия различных установок. Так, и учёного есть установки — некие автономные клише, будь то историческая, социальная, культурная, психологическая или даже иррациональная установка.

Установки сразу подразделяют воспринимаемое на «правильное», «приемлемое», «конечно всё так и не иначе» и так далее — и это тоже накладывает свой отпечаток на учёного как на личность и эксперта, влияя прямо на ход и плоды его научной деятельности.

Пожалуй, **сама главная проблема «накопителя» — это проблема объективности источников**. Даже не буду классифицировать способы манипуляции любыми данными (научными, в том числе) с целью формирования той информационной субстанции в накопителе, которая «удобна» в тот или иной момент времени. К тому же, иные данные устаревают, они перестают быть актуальными с течением времени — и, конечно же, такие данные требуется «убирать», форматируя «накопитель», словно жёсткий диск на компьютере. К сожалению, проблематикой актуализации научной базы сегодня занимаются единицы — это сравнимо, скорее, с попытками стрелять в звёздное небо из рогатки. По факту — столь же весело, сколь и неэффективно.

ПРОБЛЕМНЫЙ БЛОК № 3

Поле неизвестного таит свои опасности, будь то непроходимые чащи невежества или чёрные дыры непонимания. Впрочем, помимо данных метафор ключевым аспектом выступает то, что «поле неизвестного» нечем разрабатывать. Именно нечем, ввиду отсутствия «лопат», добывающих машин и прочего. Другими словами, нет валидизированных методик и подходов — таких, которые позволяли бы работать с неизвестным, а не тех, что не одно столетие применяются безрезультатно к старым темам, не давая никакого эффекта. Сегодня введение новой методики или инструмента — подобно невероятному научному подвигу. И даже не потому, что «думателей» мало, то есть, достойных методистов, а потому что процедура апробация возведена в ранг космически непроходимого испытания, порой и длиною в жизнь. И напротив, существует в академических дисциплинах целая библиотека совершенно нерабочих методик (образно — дырявых лопат), которые и применять- не применишь, однако они считаются «приемлемыми» и «допустимыми». Повторюсь, толку и практического эффекта от этого — увы. Никакого. Такое складывается впечатление порой, что либо А) никто не заинтересован в настоящем развитии науки, либо Б) кто-то намеренно негласно тормозит научный прогресс. Впрочем, последнее замечание — скорее догадка.

ПРОБЛЕМНЫЙ БЛОК № 4

Неизвестные науке данные. Во-первых, **иные данные науке вроде бы известны**. То есть, они значатся, как известные, но на самом деле никто не понимает, «как это работает», но вслух говорить об этом не принято. Вторая ситуация: **нередко известная информация** — чистой воды заблуждение, введённое по каким-то политико-экономическим или социо-культурным причинам, однако, несмотря на наличие явления или феномена, опять-таки, как его применять или использовать — это неизвестная информация, подлежащая рассмотрению.

И в третьих, самый простой, но поистине ставящий в тупик вопрос: **а как исследовать то, что неизвестно**, если о нём и знать никто не знает? А даже если и догадывается, то:

a. почему-то должен сослаться на каких-то иных, несуществующих в этом поле исследователей;
b. продемонстрировать, что есть нечто ИНОЕ, порой настолько сложно, поскольку это рискует «сломать» уже устоявшуюся и удобную для манипулирования общественно-информационную среду.

По факту, дело даже не в проблематике инструментов исследования, и не в нехватке идей. Дело в том, что 90% открытий сегодня совершаются либо совершенно случайно (шёл — наткнулся на заброшенный дом — там библиотека — в ней труд 12 века), либо намеренно, вследствие реализации чьих-то интересов. Например, после становления Итальянской республики 1862 году новому элитному кругу «понадобились» герои, подтверждающие итальянскую идентность — и стали резко, словно по мановению волшебной палочки, появляться и герои, и книги, и сказки, и так далее.

> *«Откуда?» — подумаете вы, и тем самым непосредственно и прикоснётесь к проблематике источников научной информации.*

Хотим мы этого или нет, наука, в том числе, стоит на источниках. И зависит она от того, как эксперт в науке — он же «учёный» — будет пользоваться этими источниками (есть ли у него соответствующие рабочие методики, технологии, подходы), равно как и зависит, в первую очередь, от качества этих источников.

Именно о проблеме качества идёт речь.

> *«Источниковедение» — не просто премудрое слово, которым некоторые обозначают поле своей деятельности — это особый ключ, который имеет отношение ко всем — не только к учёным.*

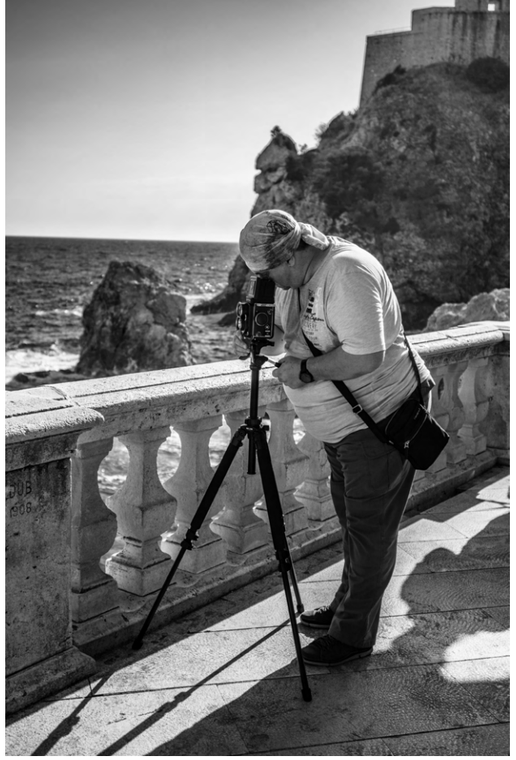
Так или иначе, мы все используем какую-либо субстанцию, какую-то информацию, как она к нам «попадает», мы чаще всего не раздумываем, а потом, на основании ложных источников и неправомерной информации пытаемся строить нечто под названием «жизнь», которой нередко, на склоне лет, почему-то не восхищаемся…

Впрочем, уклоняясь от короткого философского этюда, вернёмся к нашим базовым вопросам. По сути, сегодня исследовать или изучать что-либо могут абсолютно все, без исключения. Однако учёный от специалиста любой иной области отличается одним классификационным параметром: **это наличие инструментов проверки и доказывания некоей информации.**

И одним из таких прекрасных, мощных и объективных инструментов в 21 веке выступает фотография. Да, та самая «**фотография**», к которой почему-то достаточно надменно или невнимательно относятся, скорее всего, в силу избалованности технологическим прогрессом; зная, что любой телефон сегодня фотографирует одним прикосновением пальца, в быту человек обесценивает роль и значение фотографии. Однако, речь идёт не о нажатии кнопок и автоматического электронного захвата изображения, но о фотографии как об **ИСТОЧНИКЕ** научной информации и **ИНСТРУМЕНТЕ** научной деятельности.

НАУКА СТРОИТСЯ НА ИСТОЧНИКАХ

Однако, эта парадигма имеет и последствия. Дело в том, что существуют две ключевые переменные, которые определяют итоговые научные результаты. **Во-первых, это качество самих источников**. Логично, что ежели в базе исследования будут использоваться некачественные источники, заявленных качественных результатов от исследования ожидать не стоит. **Вторая переменная — это механизмы работы с субстанцией** (исходными данными, информацией, содержащейся в источниках) и то, насколько тот или иной учёный компетентен, насколько профессионально он умеет эти механизмы применять. В параллели можно было бы

привести пример с вождением автомобиля. Автомобиль может отвечать всем заявленным требованиям и быть рабочей, функциональной машиной. Другое дело — умение, навык вождения. Такая же логическая ситуация и с исходными источниками: они могут быть действительно качественными, однако работа с источниками, аналитическая деятельность и механизмы научно-исследовательского ряда затрагивают напрямую вопросы навыков учёных.

Справедливости ради, следует отметить, что как таковые вышеупомянутые навыки научной деятельности не передаются «с кровью матери» или каким-то иным автоматическим способом. Эти **навыки требуется приобретать** — для чего, естественно, требуются и соответствующие научные школы, и методологии, и профессиональный научный состав, заинтересованной в подготовке будущего научного поколения — интеллектуальной элиты страны. К сожалению, сегодня данная стратегическая концепция чаще всего остаётся лишь «написанным на бумаге», но не выступает национальной тенденцией. И это, в том числе, накладывает негативный отпечаток на качество научной деятельности в целом, и на проблемы отрасли источниковедения, в частности.

Усугубляет данное положение и принципы работы с «**накопителем**», которые по разным причинам, начинают «**входить в моду**» у некоторых учёных, даже обладающих профессорским званием. Сегодня некоторые лица в науке взяли за привычку не просто работать исключительно с некими **фантомными письменными источниками, не проверяя их на предмет достоверности**, но и вовсе ссылаться на источники, указанные на неких сайтах в интернете, а то и вовсе — на авторский проект Википедия, который реализует иные функции. Например, действительно способствует расширению кругозора ищущих базовую информацию о том или ином предмете. Однако Википедия не является авторитетным источником научной информации — это некая библиотека данных, коррективы в которую может вносить каждый — от школьника до пенсионера-любителя-рыбалки. Интернет-ссылка — это не источник для учёного, несмотря на тенденции сократить себе время при исследовании, «облегчить жизнь» или попросту в силу повторения за некоторыми лицами, которые считают, что в каких-то случаях им достаточно сослаться не на первоисточник, а лишь на интернет-ячейку. Может, для кого-то это прозвучит резко, но точно не для учёного: интернет и достоверность — это две субстанции по разные стороны «**информационных баррикад**».

Более того, та же хаотичная «**работа в интернете**» напрямую влияет на состояние и качество накопителя. Дело в том, что не существует единой системы или проекта, в рамках которого накопитель проходил бы критические проверки на предмет достоверности содержимого. Другими словами, никто не «форматирует» этот накопитель, не освобождает от устаревшей, неактуальной, заведомо ложной информации. Данные просто «складируются» в некий накопитель, захламляя и снижая качество работы с ним и быстродействие самого блока.

Безусловно, научная мысль устремляется к горизонтам открытий, не взирая на «накопитель». Учёные применяют методики и исследовательские механизмы к полю неизвестного, проясняя неизвестное в какой-то его части, и уже **результаты научной деятельности — открытия, изобретения, тот самый, уже проявленный блок неизвестного**, ставший известным — снова попадает в накопитель, пополняя его. Схематично мы могли бы изобразить это следующим образом:

Таким образом, накопитель становится богаче и обширнее, однако проблематичный аспект в другом: до этого времени никто не смог структурировать и упорядочить содержимое накопителя. Тем самым каждому учёному приходится не только «мыть золото» как на прииске Поля Неизвестного, словно золотодобытчик на Аляске в прошлом веке, но и немало трудиться, работая с архивами и библиотеками самого накопителя.

В науке всё подлежит сомнению, будь то «заявления Аристотеля», которого мы сегодня никак не услышим или речи Платона, которые достоверно были известны, наверное, только его ученикам, но точно не нам, обывателям 21 века. Тем, кто не согласен с таковой парадигмой, следует,

вероятно, вспомнить: в науке нет «хороших людей и хороших мнений, которым надо верить», как нет и «дьявольски-чудовищных формаций».

> *Наука — это не церковная категория, в ней всё, повторюсь, абсолютно всё подлежит сомнениям, проверкам, пересмотру, экспериментированию и так далее. В противном случае, вместо научных достижений, открытий, технологий и прочих показателей прорыва и движения вверх мы получим очередную порцию абсурда, недостоверности и «церковности от науки», что совершенно не соответствует изначальным научным критериям.*

Кредо учёного содержит эти простые прописные истины. Учёный и отличается от прочих категорий наличием как особых требований, так и инструментами проверки и доказывания плодов научной деятельности.

Как таковую, историю человечества можно было бы поделить на два периода: ДО и ПОСЛЕ открытия фотографии. Что было ПОСЛЕ — можно свободно исследовать и изучать, однако, что было ДО (а это огромный, поистине несопоставимый фрагмент человеческой истории) — исследовать объективно — крайне затруднительно. Многие не раз и не два сталкивались с последствиями срабатывания такой мудрости как «**историю пишут победители**». Слишком многое написано и переписано. Затем забыто, затёрто, сожжено и вновь написано. И нередко написанное в 21 веке и вовсе выдаётся за нечто старинное и от того сакральное. Письменный источник — это далеко не всегда надёжный информационный источник. И можно, конечно, болезненно реагировать на данную истину, хватаясь за сердце и даже искренне удивляясь, «как такое вообще можно было написать», но всё же факт остаётся фактом. Всё, что было ДО появления фотографии подлежит сомнению и, прежде чем позиционироваться как «надёжный источник информации», должен пройти соответствующую проверку на достоверность.

ФОТОГРАФИЯ: ДО И ПОСЛЕ

Всё, существующее и существовавшее ДО момента появления фотографии — сегодня дискутивно. Именно так: **научная информация дискутивна в силу отсутствия фотографии**. Без такого инструмента учёный не можем быть объективным и не может «верить на слово» сказанному в письменных источниках. Более того, мы могли бы сказать, что именно фотоаппарат как гениальное изобретение человечества позволяет создавать самую настоящую хронологию науки. Вслед за развитием фотографии миру явилась и видео-хроника. Совокупно, фото и видео образуют прекрасную пару, позволяющую сохранять информационные блоки памяти «без информационных потерь» для последующих поколений.

Помимо функции хронологической, с точки зрения исследования фотографического инструмента как источника научных данных, мы должны сказать и о функции регистрационной. Фото (и видео) позволяют регистрировать некие события, не накладывая некий отпечаток на происходящее. Другими словами, фотоснимок обладает функцией «беспристрастного судьи», который просто, без слов, демонстрирует: «Да, был такой-то факт». Естественно, могут возникнуть вопросы «А как же подделки и фальшивые фото?» Безусловно, речь идёт о принципе и регистрационной функции фотографии. И существует множество способов работать с фотографическим материалом. Во-первых, аналоговое фото подделать невозможно, а навстречу любым возникающим вопросам всегда можно предъявить негатив — по факту, оригинал. Во-вторых, опытные эксперты всегда помогут отличить фальшивую фотографию от подлинной (к счастью, это гораздо проще, чем различить в клубке-накопителе фальшивую историю, например, от фактической).

Соответственно, мы могли бы с вами заключить следующее: цифровое фото несёт регистрационную **функции; аналоговое — выступает и регистратором, и средством доказывания**. Более того, всё, что не подлежит, по чьему-либо мнению, регистрационно-проверочной функции, сомнительно. Даже то, что в некоторых кругах принято

ИСТОЧНИКИ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СТОЛПЫ НАУКИ

считать «устоявшимся» в силу негласных привычек и множественных ссылок. Учёный способен, может и должен подвергать сомнению ту субстанцию, с которой доводится иметь дело. И без фотографии, конечно же, это достаточно непросто.

Фотоаппарат — научный инструмент, создающий объективную научную информацию

Так, задаваясь вопросами эффективного научного исследования, разработки качественных методик и методологических систем научного анализа, следуя прогрессу и отвечая требованиям времени, учёному необходимы такие универсальные инструменты, которые не только позволяют «добывать» информацию из бездонных карьеров поля неизвестного, но и производить объективные продукты научной деятельности.

Фотография также может выступать надёжным инструментом, позволяющим проводить качественные проверки на предмет достоверности и актуальности содержимого накопителя. Собственно, накопитель также может выступать частью поля неизвестного, в силу отсутствия стриктуры, объективных исследований и временных парадоксов незаметного превращения теорий и гипотез в нечто доказанное и «не допускающее вопросов в силу очевидности». Так, например, существуют люди, убеждённые в том, что эволюция по Дарвину — это каноническая картина миропонимания, не зная, что изначально эта концепция приобрела черты теории Дарвина, от которой он впоследствии отказался. Ещё одним примером последствий ловили точки опоры, например, в американских письменных источниках (в том числе, высочайшего научного производства) является лоббирование нейротеорий и репликаций классификации «нейронаук», утверждающих, например, что «человек думает мозгом» и продолжающим «спускать эту парадигму» далее. Убедиться в том, что мозг и мыслительная деятельность человека очень несложно, если отправиться в ближайший морг, в котором находятся трупы. У трупов, как ни странно, мозг есть, однако, признаков мыслительной активности они не демонстрируют.

Впрочем, дело не в таких парадоксах истории науки. Ключевой посыл касается того, что, к сожалению, в массе источников сегодня существует немало подделок и продуктов вуалирования желаемого под действительное.

В общей сложности, любые источники научной информации можно было бы справедливо разделить на 2 категории: достоверные и недостоверные.

Научная деятельность требует наличия в арсенале учёного таких инструментов, которые бы позволяли критически рассматривать исходные данные, выявляя недостоверности уже на начальном этапе научного проекта, предотвращая вовлечение ошибочной информации в ход исследования и, тем самым, значительно сокращая время и затрачиваемые ресурсы.

Фотография и выступает таковым инструментом, который, словно беспристрастный судья, демонстрирует исключительно факт — некое изображение, с которым в дальнейшем можно работать и как с источником, и как с инструментом доказывания, и как инструментом познания и проникновения в среду, и как

Фотография не допускает искажения. И в силу этой особенности, безусловно, разработка методологии работы с фотографией как источником научных данных является самой актуальной и перспективной научной стезёй.

Годами применяя фотографию в экспедиционной деятельности, в научных изысканиях, по долгу деятельности я, вероятно, как никто другой отмечаю ценность фотографии как инструмента и её глобальную роль и пользу. В 2020 году совместно с моими дорогими коллегами — профессором, доктором философских наук, академиком Максимом Анатольевичем Лепским и журналистом, действительным членом Экспедиционного корпуса, член-корреспондентом УАН Алексеем Самсоновым — было принято единогласное решение развёрнуто и комплексно изложить основы работы с фотографией как с источником научной информации в специальной монографии. Именно сейчас происходит создание этого фундаментального научного труда.

Безусловно, в данной статье были рассмотрены ключевые аспекты, затрагивающие самые «воспалённые» очаги источниковедения современности. Подводя итоги, мы могли бы сказать, что главными проблемами

ПРОБЛЕМАТИКА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

- **Церковность**
- **Абсурд**
- **Недостоверность**

данной научной дисциплины можно было бы назвать следующие:

Под «церковностью» как фактором подразумевается тенденция отрицать необходимость и обязательность критического и сомнительного отношения к каким-либо источникам. «Нельзя пересматривать этот трактат — его написал уважаемый Человек» или «как вы можете ставить под сомнение нейронауки — это же миллионы долларов и вообще самое динамичное поле исследований» — лишь некоторые примеры проявления такого рода религиозного отношения к научной деятельности. В науке — всё подлежит сомнению, в религии же царит вера без знания. Именно поэтому мы можем утверждать, что тенденция «церковности» и некоего рода эпатажности («сегодня так принято думать»), ангажированного отношения к науке создаёт ненадёжные источники, ограничивающие научный потенциал и замедляющий развитие научного прогресса.

Абсурдность как параметр можно было бы описать посредством следующего высказывания: «Когда наука противоречит фактам, тем хуже для фактов». Собственно о такой позиции я и узнал от одного своего коллеги-психоаналитика, ёмко описавшего уровень ущербности, присущий, к сожалению, современной академической науке. Более того, непосредственно «тенденция церковности» и порождает фактор абсурдности, создавая шлейф «научных работ», написанных на «злобу дня» или в «силу интересов определённого круга заказчиков». Как это ни прискорбно, абсурд «долго не живёт», растворяясь в жерновах времени, поскольку в его основе лежит выгода. Выгода, как известно, топливо краткосрочное (что выгодно сегодня, уже невыгодно завтра).

И третий параметр — ненадёжность. Ввиду описанных тенденций мы наблюдаем в среде источников настоящую какофонию, в которой сплелись и чистые голоса непредвзятых источников, и фальшивые фальцеты подделок.

Таинству использования фотографии как источника научной информации и посвящена будущая монография 2020 года — особая книга, полезная всем, кто имеет дело с информацией — тем самым источником силы, которым одни пренебрегают, а другие — активно пользуются, не обязательно играя «по правилам».

В завершении считаю полезным добавить следующее: это будет монография не просто о фотографии или о том, «как её правильно использовать в качестве источника информации». Это академический труд, посвящённый самому сложному и порой неблагодарному делу в науке — стремлению к объективности, победоносному её обнаружению и демонстрации результатов оного — вовне, в мире. Мало уметь работать с источниками, мало отличать «зёрна от плевел», неплохо бы уметь это всё применять и в жизни, не так ли? Поэтому, наблюдая за тем, как продвигается работа над созданием этой монографии, подсматривая, словно в замочную скважину, определённо можем заключить: эта монография будет полезна всем — от менеджера и директора — до журналиста и учёного, любому обладателю пытливого ума и ценителю практичного, эффективного и достоверного.

Ph.D Мальцев Олег

ИНТЕРВЬЮ МАССИМО ИНТРОВИНЬЕ (ИТАЛИЯ) О ПОДХОДАХ К КРИТИКЕ ИСТОЧНИКОВ

ПРОФЕССОР ИНТРОВИНЬЕ

Социолог религии и адвокат по интеллектуальной собственности, основатель и управляющий директор Центра изучения новых религий (CESNUR). Dr. Интровинье был представителем в вопросах по борьбе с расизмом, ксенофобией и дискриминацией, уделяя особое внимание дискриминации в отношении христиан и представителей других религий в ОБСЕ. Академик Европейской Академии Наук Украины

— Для начала позвольте мне сказать, уважаемый профессор, что это большая честь говорить с вами. Мы будем говорить о статусе источниковедения, критики источников и также об аспектах и проблемах источников, связанных не только с определенными научными проблемами, но также и с соотносящимися областями, потому что не важно кто перед нами — бизнесмен ли это, либо ученый, либо просто человек, который чем-то занимается для того, чтобы улучшить свою жизнь, он все равно должны знать, как справляться со всеми различными источниками и как удостовериться в том, достоверная ли это информация или же недостоверная. Итак, позвольте мне начать наше интервью со следующей темы. Мы оставляем половину нашей жизни, а некоторые люди даже больше, в Интернете. Можем ли мы верить, что каждый ресурс, опубликованный в Интернете достоверен и использовать информацию как будто она научная и заслуживает доверия?

— Нет, и я считаю, что одна из самых многообещающих областей социальных исследований — **это изучение фейковых новостей**. Фактически они появились с позволения Дональда Трампа, потому что так много медиа говорят о фальшивых новостях, а затем их самих, конечно, обвиняют в создании фальшивых новостей, но этот вопрос может быть академическим и в частности в рамках философской школы с такими именами, как **Александр Гебхартер** (Alexander Gebharter) в Германии или **Реджина Рини** (Regina Rini) в их академическом курсе о фейковых новостях. То есть фейковые новости превращаются в академическую научную дисциплину, и уже существует научное изучение фейковых новостей. И возвращаясь к вашему вопросу, в чем разница между фейковыми новостями и традиционными ложными новостями? Люди всегда распространяют ложь, правительства распространяют ложь, политические партии распространяют ложь, религиозные экстремисты распространяют ложь, медиа распространяют ложь. Так в чем разница? Итак, почему фейковые новости выводят нас на следующий уровень, более высокий уровень, когда возникает много дискуссий среди академиков о концепции фейковых новостей. **Превосходящий уровень** — это Интернет, потому что Интернет позволяет фальшивым новостям проникать в ваш дом, проникать в ваш офис и быть представленным в очень соблазнительной манере, чтобы многие поверили. Поэтому мир всегда должен быть связан с фейковыми новостями, которые широко распространены. Власть и криминальная власть — все используют лживые новости как стратегию.

И конечно, в вашем регионе, когда Советский Союз существовал, был даже Институт, который изучал дезинформацию. Итак, что нового в фейковых новостях — это широкое использование Интернета, чтобы распространять и продвигать их. И фейковые новости в интернете более могущественны, более агрессивны и более опасны.

— Дорогой профессор, мы говорим о фейковых новостях, но на самом деле сегодня люди, особенно некоторые профессора — мне стыдно об этом говорить, но это факт — некоторые профессора публикуют даже фальшивые открытия, или они преподносят что-то, что никогда не существовало, как нечто супер-новое, что кто-то нашел это, открыл и т.д. И никто не реагирует. Что нам делать в этой ситуации, когда определенные люди говорят: «Это научное открытие», однако это не так?

— Да, есть определенный опасный уровень фейковых новостей, и это как раз часть той дисциплины. Иногда фейковые новости попадают в очень респектабельные ресурсы, или же те, которые многие уважают и читают.

Я считаю, что у нас есть фантастический пример, когда речь заходит о статьях о COVID-19, потому что некоторые статьи о COVID-19 должны были быть удалены или устранены, и журналисты принесли свои извинения за каждое опубликованное неподдерживаемое исследование или фейковое исследование, которое они публиковали в ведущих академических медицинских журналах. Тогда статьи пробыли там несколько дней, а потом они поняли, что исследование было фейковым или же было сделано на заказ некоторой фармацевтической компанией, которые предоставили фейковые данные для того, чтобы заработать денег.

И конечно другой пример — это **Википедия**. Многие люди могут полагать, что Википедия полностью независима, но есть много исследований того, что правительство, религиозные экстремисты, те у кого есть бизнес-интересы — они все манипулируют **Википедией**. И бывает, что ученые верят, что могут внести хороший вклад в Википедию, но их легко побеждают организованные группы, чьи идеи не имеют ничего общего с истиной.

И снова — это хороший пример, но есть много других примеров, когда даже очень уважаемые медиа, такие как **BBC** или **New York Times**, которые опубликовали новости, а потом они оказались неправдой, и они извинились. Это большая проблема ресурсов, потому что я бы сказал 10–15 лет назад профессор мог учить студентов опираясь на источники. Возможно, таблоидам из маленького городка в Иллинойсе нельзя было верить, но если это публикует **New York Times**, то ему можно доверять, и если это научный журнал, вы можете доверять ему. И теперь мы видим совершенно другую картину, в частности, в области медицины, и даже в религиозной сфере, которая является моей областью деятельности. У них та же проблема — иногда они поддерживают определенные интересы лоббистов, или даже спецслужб, ведь им удавалось везде публиковать ложную информацию или фейковые новости, даже в очень уважаемых СМИ. Поэтому мы не можем с чистой совестью сказать, что новость, опубликованная научным журналом, связанным с университетом или изданная в **New York Times** или **BBC** — это правда. Конечно, я хочу отметить что **New York Times** больше проверяет факты, чем какой-то студент, написавший в блоге, или чем дешевый таблоид, но все же мы не можем полностью доверять даже **New York Times**.

Недавно я писал для научного журнала, эта интересная статья об обвинении корейской религиозной группы под названием **Shincheonji** в том, что в Южной Корее именно они распространили COVID-19, и в статье цитируют меня kar одного из ученых, который восстанавливает правду. Они преувеличивают, но почему я говорю о статье корейских ученых, потому что они говорят, что эти фальшивые новости, распространяющихся в Корее, относительного этого инцидента сначала были приняты в **New York Times** за правду. Потом **New York Times** старались отказаться от этих слов,

и публиковать более неоднозначные или сбалансированные статьи. Так что мы не можем полностью верить даже **New York Times** или **BBC** или другим подобным изданиям. Конечно, я еще буду учить студентов, что эти источники надежнее, чем блог, который принадлежит непонятно кому, но, в конце концов, повсеместное распространение лоббирования продуктов фейковых новостей настолько велико, что в действительности нет источников, которым можно полностью доверять.

— Если на самом деле почти нет источников, которым человек может доверять, то что нам делать? Может быть, вы могли бы дать нам какие-то подсказки или советы? Позвольте мне сказать, я молодой ученый, я только начинаю свою карьеру и поняла, что мы сталкиваемся с огромной проблемой, связанной с фейковыми новостями и ресурсами. Что можно сделать в данном случае? Может быть, требуется определенная методология?

— Поговорим о моей области. **Моя область — это религия**. Один из моих учителей всегда говорил, **что важная часть наших инструментов — это наши «теннисные туфли»** (то есть полевые исследования), потому что это реальный способ учиться. И сейчас мы говорим о современной религии. Если вы изучаете древнегреческую религию с римской религией, вы можете исследовать только документы, или выводы археологов. Это совершенно другой подход. Но если мы говорим о современной религии, то вместо того, чтобы нырять в фальшивых новостях — лучше пойти и посмотреть самому. Это называется включенным наблюдением. Вы хотите узнать о религиозной группе, тогда вы идете и смотрите, и, конечно же, вам нужно посетить разные группы. Конечно вы также берете интервью у критиков этой группы.

Но я бы сказал, что существует обычное возражение со стороны непрофессионалов, со стороны людей, которые не являются специалистами в религиозных исследованиях. Они сказали бы, что если вы посетите религиозную группу, то они покажут вам только хорошие ее части, и поэтому это скорее фейковые данные, но это неправда. Потому что из моего 40-летнего опыта, если вы посещаете эту группу, вы знаете, какие вопросы задать, вы проведите некоторое время с ними, и через несколько дней кто-то выметет сор из избы, вы обнаружите, что кто-то не совсем доволен. Скажем, что есть что-то, что должно быть реформировано, и они начнут говорить, и вы даже поймете каковы негативные стороны этой группы. И, конечно же, вам следует также общаться с людьми, которые критически относятся к группе, но один из способов, конечно,— это пойти и самому убедиться в этом. Я считаю, что это различие между настоящими учеными, и псевдоучеными. Есть люди, которые могут написать книгу о саентологии, но они никогда не знали саентологов и даже не знакомы с курсом саентологов. Конечно будет ошибкой написать книгу о саентологии и не знать критиков саентологии. Я не рекомендую так делать. Если вы хотите написать книгу о саентологии, вам нужно взять интервью у саентологов, провести с ними время.

Один из самых известных ученых по религии — это **Родни Старк** из Университета Бэйлора в Техасе. Он говорит, что «**есть люди, которые пишут о религии, при этом не имеют религиозного опыта**». И это то же самое, когда некоторые люди не пытаются даже летать, никогда в жизни не садились на самолет, но потом, конечно, они пишут книгу об авиации. Он может собирать информацию здесь и там, но у него гораздо меньше возможностей проверить, является ли информация верной или ложной. Так что лучший способ — самому получить опыт, но конечно это не всегда возможно для некоторых наук. Вы читаете об эксперименте, и попробуйте его воссоздать. Но даже для молодого студента у меня есть очень старый совет от одного из моих школьных учителей, который оказался Иезуитом. Он сказал, **СМИ полны лжи, но даже студент может получить более правильное и более обдуманное мнение, прочитав три разные газеты**. Одна — от левых, вторая — правых и одна из центра. И прочитать в них одну и ту же новость. И этот эксперимент, который я предлагал моим студентам на курсе, чтобы увидеть, как покупают СМИ.

Эти эксперименты можно увидеть на примере международного футбольного матча. Например, Италия против Франции. Посмотрите на игру. Когда вы читаете описание во французской газете и потом в итальянской газете, то, похоже, что это две разные игры. Вы увидите, что судья подсуживал Франции в итальянской газете, а во французской будут писать то же самое про Италию. И так далее … Так что просто посмотрите, и это очень наглядный пример того, как СМИ не пишут с точки зрения правды, они пишут, чтобы удовлетворить их мнения.

И итальянские сторонники и, конечно же, французские сторонники требуют разного подхода к футбольному матчу Италия против Франции. Если это так легко увидеть на простом примере с футбольным матчем, то представьте, что пишут о войне, об американской политике, Китае, COVID-19. Что может сделать 15-летний ученик? В этом случае Интернет может даже помочь ему. Просто посмотрите на разные газеты. Если вы хотите знать об американской политике, смотрите **CNN**, и смотрите **FOX**, а потом сравните их. Потому что, если мы будем смотреть только один канал, он приведет к определенному мнению.

— Большое спасибо за этот обзор. Правильно ли я заключила, что на самом деле плюрализм точек зрения помогает сравнивать и противопоставлять разные ресурсы и разные фрагменты данных, и эти фрагменты на самом деле помогают строить и реконструировать реальный образ действительности — того, что происходит. Однако сегодня люди немного ленивы. Они не хотят этого делать сами. Им не терпится послушать, как кто-то другой делает за них этот разбор. И, конечно же, ученые или академики — это большая привилегия среди профессионалов в этом деле. Однако главный вопрос заключается в том, что сегодня создает грань между научным и ненаучным, потому что люди говорят, общаются, переживают на опыте. Как мы можем провести различие между настоящим ученым, профессионально выполняющим свою работу, и человеком, который, позвольте мне сказать, разделяет определенные интересы, например, политические и т.д.

— Я не знаю о других странах, но статистика в Италии показывает, что общественное доверие к науке резко упало за последние несколько месяцев. Как это случилось? Потому что каждый день итальянцы видят, наверное, десять экспертов телевидения, говорящих о COVID-19, а также собственного профессора университета или ведущих врачей-медсестер, и они говорят совершенно разные вещи, а иногда даже сами эксперты говорят разные вещи.

Один и тот же человек говорит, что маска нужна, а потом, что не нужна и т.д. И это очень смешно, многие комики даже делают нарезку из видео, где эксперты по одним и тем же вопросам говорят противоположные вещи. Это смешно, но это очень нехорошо для науки, потому что доверие к ней снижается — и это касается всех областей науки.

Но, конечно, мнение профессора более весомо, чем мнение журналиста, который еще вчера снимал сюжет совершенно на другую тему. Но возвращаясь к вопросу о том, что не стоит никому верить, сам коронавирус — это сложная тема, мы мало что знаем об этом, но возможно они допускают ошибки, потому что их исследования поддерживаются фармацевтическими компаниями. И конечно мы должны помнить о противоречии, которое есть относительно ВОЗ, поскольку Китай является главной экономической опорой этой организации, то ВОЗ конечно никак не будет критиковать Китай и стараться избегать острых углов.

Ученый — это тот, кто опубликовал определенное количество статей в рецензируемых журналах, или опубликовал книги в рецензируемом академическом издательстве, такими как издательство **Оксфордского университета** или **Springer** и других подобных ему. Но снова возникла большая полемика по поводу **Springer**, что они получают деньги из Китая. И что они проводят отбор публикаций, в которых критикуют Китай или нет. Итак, опять же, мы не можем быть уверены на сто процентов даже в этих критериях, потому что все издатели, рецензируемые журналы и т.д. все они также подвергаются давлению со стороны правительства и неправительственных организаций, поэтому это не значит, что мы должны надеется на их достоверность. Мы должны быть очень осторожны и снова сравнивать разные мнения и что разные ученые говорят по этому вопросу.

— Так что основная идея — не просто верить чьему-то мнению, даже если оно профессиональное мнение, но проверять и подтверждать данные. Могу ли я сделать такой вывод?

— Да, одна из моих сфер деятельности связана с Китаем. Я один из редакторов ежедневного журнала о правах человека в Китае, и мы даже не публикуем определенные новости — потому что это стало скучным — о том, что почти каждый день по всему миру возникают скандалы с профессорами, которым заплатило Китайское правительство, чтобы те отвергали то, что происходит в Тибете или Синьцзяне. И в США даже за это кого-то отправили в тюрьму. И теперь в Австралии проводится множество расследований о том, сколько профессоров получают своего рода регулярную зарплату от китайского правительства для защиты интересов Китая. Так что, я специалист по Китаю, и не они не верят что Китай — единственных «плохой парень» в мире. Есть много других. Есть и профессора в **Оксфорде**, которым платит, например, **Microsoft** или **Google**.

Так что единственная защита — это даже после того, как вы сделали отбор ресурсов (что-то вроде Оксфорда будет на вершине такой пирамиды), но даже после этого, если захотите узнать, например, о **Shincheonji**, то прочитайте 3 разные книги разных авторов, с разной научной ориентацией. Если вы хотите знать о Джо Байдене, то прочитайте несколько журналов, чтобы понять историю Байдена.

В любом случае, прочтите разные источники. Это единственное, что я могу предложить в качестве совета. И я не говорю, что теория пирамиды знаний совсем не работает, я бы все же сказал, что профессор Гарварда более авторитетен, чем журналист, и книга опубликованная, Оксфордским университетом более авторитетна, чем книга, опубликованная неизвестным изданием. Но даже следуя идеи пирамиды знаний, принимая во внимание есть манипуляция учеными ненаучными интересами определенных сил, поэтому первая линия защиты — это сравнить мнение различных источников и ученых.

— Большое спасибо, дорогой профессор. Еще один последний вопрос. На самом деле можно сказать, что атмосфера, с которой мы работаем, в этом состоянии реальности требует новых подходов и новых методологий?

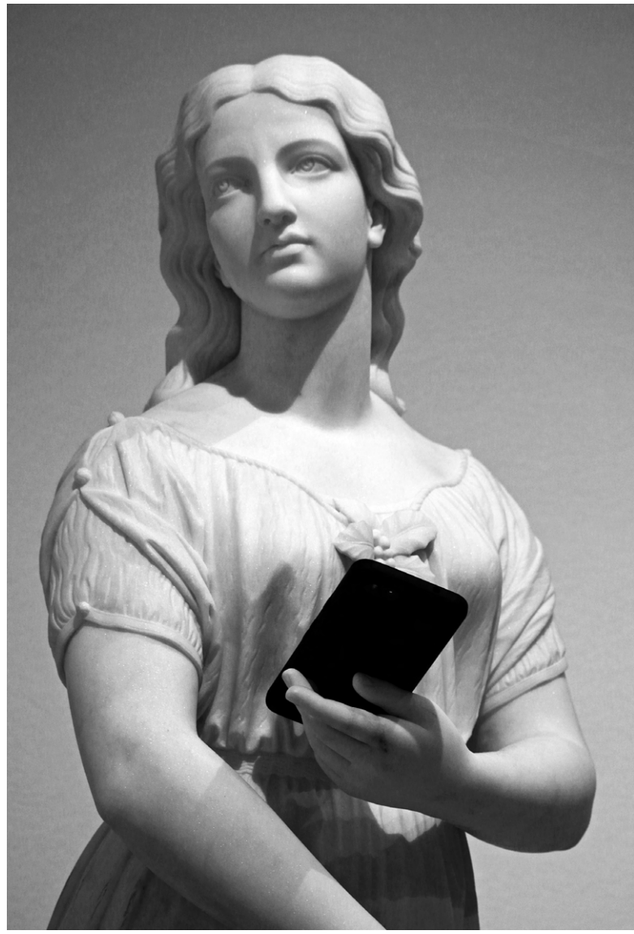
— Я бы сказал так, потому что мы все для быстроты имеем дело с Интернет-источниками. Итак, мы все учим наших учеников, что эти источники опасны, но когда мы хотим узнать что-то очень быстро, мы наверно все равно заходим в **Википедию**. Все учителя советуют ученикам не использовать **Википедию**, но когда вы путешествуете, то говорите себе: «О, это хороший город. Что мне посмотреть в этом городе?», и у вас есть смартфон и вы

пользуетесь **Википедией**. И я говорю, что это нормально. Конечно, мы не можем исключить эти источники, не можем исключить местные телеканалы. Но ко всем этим вещам следует подходить с недоверием.

Так что вы относитесь к этому с долей скепсиса, и я считаю, что, возможно, одна из великих целей культурных организаций, академий и даже школ — это воспитывать молодежь с этой степенью недоверия. Мы не можем запретить людям получать удовольствие от использования **Википедии**, **Facebook**, **Twitter**, **Instagram**, но во многих отношениях это нормально. Мы не можем избежать этого, но всегда относитесь к этому с недоверием и спрашивайте себя: «А правда ли это?». Никогда сразу легко не верьте. Любой человек сегодня знает, что это неправда, что демократия или мнимая демократия в новых медиа позволяет публиковать правду — это касается **Facebook** или **Twitter**, или **Instagram**, или **Wikipedia** или **блогов**. В демократии теоретически у всех равные права, и вы можете писать то, что вы хотите, но мы знаем, что демократией манипулируют сегодня. Так что не верьте, что если это в **Википедии**, **Twitter** или **Facebook** — то это правда.

Это просто означает, что определенные силы или интересы временно разрешили некоторым голосам звучать громче, чем голосам других. Так что используйте тот же подход, будьте осторожны, получайте удовольствие от этих ресурсов, но будьте расслаблены и не верьте так просто во все, что видите.

И новая методология, о которой вы говорите, это то, чему мы должны научить людей. Чтобы люди могли быть способны смотреть за занавес, созданный новостями и людьми за ними. И снова мы должны переучить потребителей, чтобы они также легко не верили опубликованному. И на это может уйти очень много времени. Потому что мы не можем предотвратить то, что **«плохие парни» будут в Интернете**. И единственный способ научить потребителя, это вспомнить фразу римлян, которая говорит, что «**от тех, кого покупают, следует отказаться**». И поэтому не покупайтесь на все, что пишут, нужно быть очень осторожным. Итак, римляне знали это очень давно.

— Огромное спасибо, дорогой профессор Интровинье, за ваши советы, за это замечательное интервью и за прекрасную возможность поговорить с настоящим ученым. И я считаю, что на самом деле ваши добрые советы очень полезны для каждого человека, который понимает, что мы живем в 21 веке, в эпоху появления новых информационных технологий, некоторые из которых на самом деле довольно опасны, потому что они формируют новое восприятие данных. А у людей нет инструментов в повседневной жизни, чтобы на самом деле проверить, что достоверно, а что нет.

Массимо Интровинье

«ПРОБЛЕМА ЗАСИЛИЯ ЦЕРКОВНОСТИ В НАУКЕ» — ЦЕРКОВНОСТЬ ИЛИ ОЛИГАРХИЗМ?

PH.D. АЛЕКСАНДР САГАЙДАК

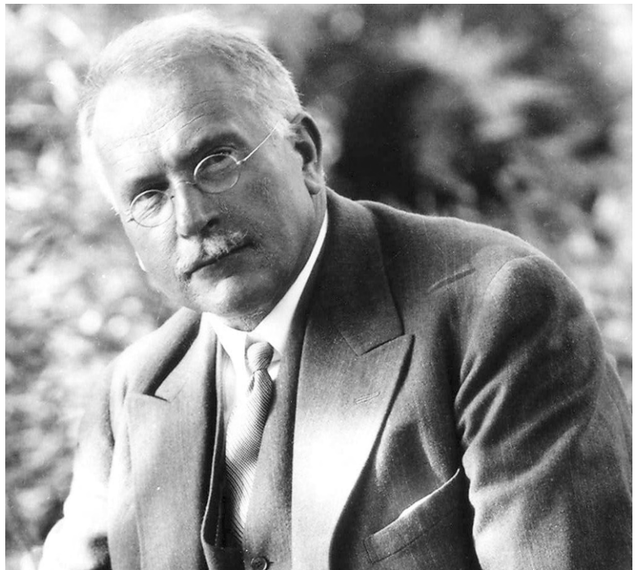
Психолог, юнгианский аналитик, гипнолог, глава ассоциации Theurung, председатель Одесского психолого-философского научного общества при УАН

Прежде всего хотелось бы отметить, что одним из фундаментальных принципов научного познания является принцип генезиса. Ещё со времен древнегреческой натурфилософии, заложившей и методологические, и эмпирические основы европейской науки, нам известен постулат о том, что всё имеет свою причину и всякое явление или объект связаны некой преемственностью с первоистоками. Выявление причин и является одной из важнейших задач любого научного исследования. И если мы говорим о логике развития самой науки, то принцип генезиса имеет в ней такое же имманентное значение, как и в исследуемых ею предметах. За исключением крайне редких прецедентов, любое научное исследование и сделанные в его ходе открытия имеют своих предшественников, как минимум — на методологическом уровне. Например, описывая в своих трудах истоки аналитической психологии, К. Г. Юнг говорил о философии «**предвечного огня**» Гераклита, философии совершенных идей (архетипов) Платона, герметических учениях Зосимы Панополитанского и Мейстера Экхарта, диалектической философии Г. Гегеля и в его трудах, соответственно, мы встречаем частые ссылки, цитирования etc.

Но! Эти ссылки и цитирования не являются перипатетическим «**Magister dixit!**» [1]. В исследованиях **К. Г. Юнга** такие ссылки — это прежде всего полемика, диалог, сравнительный анализ, герменевтическое понимание, опирающееся на проверенные веками традиции. И ни в коем случае не доктринёрство и начётничество, и уж тем более не угодничество перед авторитетами. И нам нет необходимости обосновывать конкретными указаниями на труды, цитаты и т.д., чтобы отметить, что любой выдающийся деятель науки, чей авторитет проверен временем и практикой, относился к авторитетам прошлого и цитированию их суждений точно так же. Ибо генетический принцип в науке неразрывно связан с другим, столь же фундаментальным и неотъемлемым — полемизмом, плюралистичностью, дискуссионностью.

Карл Густав Юнг

«ПРОБЛЕМА ЗАСИЛИЯ ЦЕРКОВНОСТИ В НАУКЕ» — ЦЕРКОВНОСТЬ ИЛИ ОЛИГАРХИЗМ?

Зная историю и логику развития науки, мы прекрасно отдаём себе отчёт в том, что выйдя за пределы т.н. «**донаучного периода развития общества**» — с конца XVIII-начала XIX вв, когда научное познание начало становиться ведущим в общественной жизни, отношения науки и общества существенно изменились. Так же существенно изменились отношения науки и государства — в сторону интеграции этих двух социальных институтов. «**Дружба**» этих двух доминантов эпохи **Модернизма** дала очень многое им обоим и мы можем долго перечислять те преимущества, которые обрела, например, наука от союза с государством. Но мы прекрасно знаем и о цене, которую науке приходилось и приходится за это платить. Одна из самых дорогих цен такого рода для науки — **бюрократизм**. Выдающийся немецкий социолог **М. Вебер** в свое время убедительно доказал, что в эпоху **Модернизма** (промышленного капитализма) **бюрократизм** — неизбежный и более того, обязательный процесс развития государства и общества. Но он же указывал и на серьёзные риски этого процесса. Ещё более глубоко и фундаментально исследовал социальные риски бюрократизации **Р. Михельс**, сформулировав свой знаменитый «**Железный закон олигархии**», где с очевидностью доказал связь процессов бюрократизации с процессами олигархизации. Позволю себе процитировать (sic!) этого замечательного социолога, а именно — привести выявленные им этапы олигархизации **ЛЮБОГО** сообщества:

1. появление руководства;
2. появление профессионального руководства;
3. формирование бюрократии;
4. централизация власти;
5. переориентация целей с конечных на текущие;
6. усиление идеологического режима;
7. растущая разница между интересами и идейной позицией вождей и общества;
8. снижение роли членов общества (партии) в принятии решений;
9. кооптация лидеров общественной (партийной) оппозиции в ряды олигархии существующего руководства;
10. ориентация общества (партии) на поддержку всех избирателей.

Роберт Михельс

Обратите внимание на 6-й этап — **усиление идеологического режима.** Что такое идеология в науке мы, представители постсоветской научной школы, знаем очень хорошо. Но не менее хорошо мы знаем, что идеологизация в науке возникает не только на почве марксизма-ленинизма. И со времён открытия Р. Михельсом в 1911 году «**Железного закона олигархии**», история Новейшего времени дала нам более чем достаточно примеров того, что **Р. Михельс** — подлинный учёный, открытый им феномен отвечает всем критериям научности и прежде всего — критерию подлинности.

Нет нужды говорить, что в наше время индексы научного цитирования, власть наукометрических баз в научных сообществах etc это процессы, всё более и более связанные с 3, 4, 5 и 6 этапами «**Железного закона олигархии**» — это наглядно и очевидно. Когда сугубо техническая процедура становится инструментом власти в том или ином сообществе — это безошибочный признак бюрократизации, идеологизации и олигархизации данного сообщества. Поэтому я бы применил к обсуждаемой нами теме не термин «**церковность**», а именно определения **Р. Михельса** — **бюрократизм**, идеологизированность, олигархичность.

[1] Букв. «**Так сказал учитель**» — фраза, которую использовали последователи **Аристотеля**, ссылаясь на его авторитет, как на непререкаемый.

ЗАДАВАЯСЬ АКАДЕМИЧЕСКИМИ ВОПРОСАМИ

ДОКТОР ДЖЕРОМ КРЕЙС

Почетный профессор, социолог, профессор Мюррея Коппельмана, Школа гуманитарных и социальных наук

ЧАСТЬ 1

В первой части этого эссе меня попросили ответить на следующие вопросы:

- **Вопрос 1**. Допустимо ли ученым использовать бесплатные энциклопедии как источники научной информации? Роль Википедии и подобных источников.
- **Вопрос 2**. Манипулирование данными в науке: проблемы оценки результатов, полученных с помощью количественных и качественных методов. Проблема разделения и дисциплинарных предубеждений в современной науке.

Что касается первого вопроса, то мой простой ответ заключается в том, что Википедия и подобные, в основном открытые и совместные онлайн-проекты, не сильно отличаются от других, более социально приемлемых источников (академического, профессионального, научного типа в отличие от «отклоняющихся»). Они имеют одинаковую ценность для пользователя в той степени, в которой предоставленная информация подвергается такой же (возможно, большей) проверке. В целом ценность информации в Википедии и др. зависит от редакторов страниц и дополнений. Следует отметить, что это стало моделью научного сотрудничества, которой широко подражают все более и менее «авторитетные» дисциплинарные и междисциплинарные организации. В некотором смысле вызов, брошенный Википедией академической гегемонии, привел к значительным результатам.

Если можно быть здесь «новатором», я бы разделил вопрос 2 на несколько частей. Что касается первого вопроса о сравнении количественных и качественных методов, я написал много и здесь буду только резюмировать, а позже, в эссе, дополню его дополнительной автоэтнографией. (Krase 2018) Как я утверждал, социальные науки, как и все другие науки, представляют собой социальную организацию (общество) профессионалов, члены которой стремятся получить вознаграждение своей ассоциации, следуя ее правилам и принимая ее цели. В **«Теории аномии» Роберта К. Мертона** успешных приверженцев назовут «конформистами». И хотя он назвал остальных «новаторами», «ритуалистами» и «ретреатистами», более эмпирически точными терминами для этих трех категорий лучше было бы быть «не нанятые», «неопубликованные» и «необеспеченные».

> *Меня учили, что наиболее важными целями выбранной мной профессии являются создание новых знаний или внесение вклада в существующий общепринятый запас знаний (аксиоматических или канонических) посредством достоверных, надежных и объективных исследований или осознанной критики.*

Здесь я должен настаивать на том, что проверка заявлений о достоверности, надежности и объективности в научных сообществах требует другого уровня проверки, или уровня анализа, помимо самой работы, которая должна оставаться в пределах общепринятых параметров — социальной организации обществом традиционного процесса принятия решений, в котором подтверждаются утверждения.

> *Я бы добавил предостережение о том, что на самом деле ничто никогда не «доказывается», поскольку, подобно логическому процессу аналитической индукции, принятые гипотезы (открытия) должны постоянно проверяться и модифицироваться (особенно в наших изменяющихся социальных мирах), по мере того как возникают новые реальности или понимания «истины».*

В этом эссе я представлю и кратко расскажу о некоторых способах, которыми другие и я сам подошли или сейчас подходят к этим взаимосвязанным вопросам. Поскольку по необходимости я намерен быть нетрадиционным и рисковать быть названным постмодернистом, я подумаю о недавнем обмене мнениями на тему «**Постправда и будущее**» (Резник 2020) и о виртуальном американском историческом Платформа для обсуждения ассоциаций, приводящим к другим нетрадиционным «источникам», в котором историк-исследователь Кеннет Циммерман прокомментировал «конец истории» Фукуямы — признав, что финал может измениться, т.е. никогда не окончательный.

Вкратце, для Фукуямы либеральная демократия может представлять собой «конечную точку идеологической эволюции человечества» и «окончательную форму человеческого правления» и, как таковая, составляет «конец истории». Но, как сегодня очевидно, он ошибался.

> *Правда всегда движется вперед. Историки это знают. В противном случае они не стали бы продолжать писать о тех же темах, действующих лицах и событиях, которые были в прошлом, или о тех же историках, которые изучали и писали.*

Написание истории — это разговоры историка с действующими лицами, событиями и темами из прошлого. И эти разговоры существуют в своем собственном контексте. Поскольку я не только историк, но и антрополог, антрополог мог бы так выразиться. Культура относительна. Это зависит от времени, места и действующих лиц.

> *Поскольку истина является культурной (разделяемой внутри культуры), истина, очевидно, относительна.*

Например, правда Европы 11 века — это не правда Европы 21 века. Так же, как правда Америки революционной эпохи — это не правда Америки 21 века. Иногда у них есть общие элементы, но они имеют смысл только в их собственном контексте. «Переводами» внутри этого поля занимаются историки и антропологи. И это непростая работа. (Циммерман 2020)

В том же разговоре далее Кевин Яблоновски поднимает связанный с этим вопрос об истине, который ближе к нашему социальному научному подходу к истории.

> *В отличие от тех, кто видит цель постмодернизма в истории, говоря, что «нет ничего правдивого, нет причин и следствий, и все происходит случайно», он утверждает, что «… постмодернизм заставляет нас пересмотреть то, к чему мы пришли, принять как абсолютную истину и критически определить, являются ли наши убеждения «достаточно ценными» или «истинными», чтобы продолжать их принимать».*

Отмечая также, что Фукуяма думал, что либеральная демократия (была?) неизбежна, как и Маркс на аналогичной траектории к совершенству.

Постмодернизм требует, чтобы мы критиковали все, что представляется истинным, очевидным, неизбежным, совершенным или данным. Наша критика может обнаружить, что есть основания считать одни вещи истинными и отвергать другие как ложные; по крайней мере, мы можем лучше понять, почему мы верим в то, во что верим. Постмодернизм, если он реализован надлежащим образом — это не полный

отказ от «истины», а, скорее, отказ принять «истину» без критики.

Здесь я должен вставить недавнее наблюдение, которое я почерпнул из ежедневного чтения газеты **New York Times**. В субботнем выпуске 21 ноября 2020 г. на странице 2, столбец 1, было размещено три рекламных объявления, одно над другим: «Из наших архивов в ваш: доступны репринты фотографий…»; «Хорошие друзья заслуживают выдающейся журналистики. Порекомендуйте кого-нибудь в The Times» и самое вопиющее, выделенное жирным шрифтом: «Правда важна». Что Бодрийяр, Фукуяма и Маркс сказали бы об этом удобном наборе товаров?

Чтобы перейти от неземного к земному, Николь Браун обратилась к этим связанным проблемам истины и метода в другой, более прагматичной структуре в Призыве к докладам. В нем она отметила, что **сегодня конкуренция среди ученых за постоянно сокращающиеся фонды очень высока. Мало того, что они стремятся к оригинальности, больше нет четких границ между качественными и количественными методами или даже внутри них**. Например, там, где этнография когда-то была особым подходом к проведению исследований, требующих недель и даже месяцев, проведенных в поле для изучения, использование данных социальных сетей, например, позволяет относительно быстро собирать информацию за гораздо более короткий период времени.

Она признает, что исследования «беспорядочные, хаотичные, неопрятные», но «отчеты об исследованиях не учитывают такой их характер». В отличие от текущей практики в наших дисциплинах, Браун поощряет сосредоточение внимания на трудностях, неудачах и заблуждениях инноваций, чтобы сделать исследования менее «иерархичными, более широкими, более доступными, более современными и соответствующими развитию нашего социального и культурного мира». Особую ценность для тех, кто занимается транс- и междисциплинарной работой, является ее признание проблемы методов сбора данных, которые может быть нелегко передать, особенно в межкультурном контексте.

Вероятно, **основная причина известных «неудач и заблуждений» исследовательской практики — это социальная организация рецензирования**. Здесь мы должны помнить, что успех оценивается по публикации, получению гранта или другой положительной оценке коллег. По крайней мере, в отношении мультимодальной этнографии Севасти-Мелисса Нолас и Христос Варвантакис считают, что возможен иной (имеется в виду социально справедливый?) процесс проверки (2018). Для этого они создали новый журнал Entanglements, вызвавший большой интерес за короткий период времени. После обсуждения действующей нормативной практики рецензирования они отмечают:

> «НАШ СОБСТВЕННЫЙ ОПЫТ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ, КОГДА МЫ ОБА ОТПРАВЛЯЛИ СВОИ РАБОТЫ В ЖУРНАЛЫ, НАХОДИТ ОТКЛИК В ЭТОМ НЕСООТВЕТСТВИИ КАЧЕСТВА. У НАС БЫЛИ ОБЗОРЫ КАЧЕСТВА: НЕКОТОРЫЕ ОТЛИЧНЫЕ, КОНСТРУКТИВНЫЕ, КРИТИЧЕСКИЕ, ОБНАДЕЖИВАЮЩИЕ И ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ, КОТОРЫЕ ПОМОГЛИ НАМ РАЗВИТЬ НАШУ РАБОТУ».

Другой опыт рецензирования лучше всего описывается фигурой «# reviewer2»: **мелочный, педантичный, критический, короткий, противный, бесполезный и, иногда, разрушительный.** Фигура # reviewer2 преследует не только нас. Страница Facebook «Рецензент 2 должен быть остановлен» на момент написания насчитывала более 17 274 участников, и пародийные аккаунты в Твиттере, такие как Grumpy Reviewer, содержат примеры комментариев, приписываемых # рецензенту2, а также раздраженные ответы автора. Возможно, неудивительно, что в последний Хэллоуин 2018 года переодевание # reviewer2 стало мемом среди ученых в Твиттере.

У такого обзора много негативных последствий, и они выходят за рамки отказа конкретной публикации. Они могут иметь разрушительные последствия для уверенности в себе и хрупкой карьеры как молодых, так и более старших ученых.

Новый журнал **Entanglements** стремится избежать этой «токсичной динамики» с помощью обратной связи, «жизненно важной для обучения и развития». Редакторы Севасти-Мелисса Нолас и Христос Варвантакис видят в академии «воспитание коллегиальности».

Часто эта «**токсичная динамика экспертной оценки» кажется ограничивающим ресурсы политическим вопросом, и является частью «структурного насилия, практикуемого в неолиберальном университете**». В конце они цитируют Марка Фишера, автора, которым они восхищаются:

> «НАМ НУЖНО НАУЧИТЬСЯ ЗАНОВО НАУЧИТЬСЯ СТРОИТЬ ТОВАРИЩЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЛИДАРНОСТЬ, ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ДЕЛО КАПИТАЛА, ОСУЖДАЯ И ОСКОРБЛЯЯ ДРУГ ДРУГА» (2019).

Такая академическая утопия «искренне желанна», но ее пролегомен для социально справедливого общества ученых требует пристального внимания к социальной организации того, как мы оцениваем друг друга как субъект и объект.

В том же ключе, что касается **«Семиотики башни из слоновой кости», Маршалл Блонски** (1985: xx) прокомментировал поручение Дедала Джонатану Каллеру оценить пределы и концептуальные достижения в области семиотики. Каллер воспользовался возможностью, чтобы поразмышлять

о первом конгрессе Международной ассоциации семиотических исследований, состоявшемся в Милане в 1974 году, который звучит очень знакомо.

Семиотика, наука о знаках, стала чем-то, с чем нужно считаться даже тем, кто отвергает ее как галльское или технологическое заблуждение. И, конечно же, когда дисциплина создает организацию с комитетами, должностными лицами, публикациями, когда она распределяет титулы и обязанности среди своих адептов, она символически навязывается научному миру. (1981: 95–96).

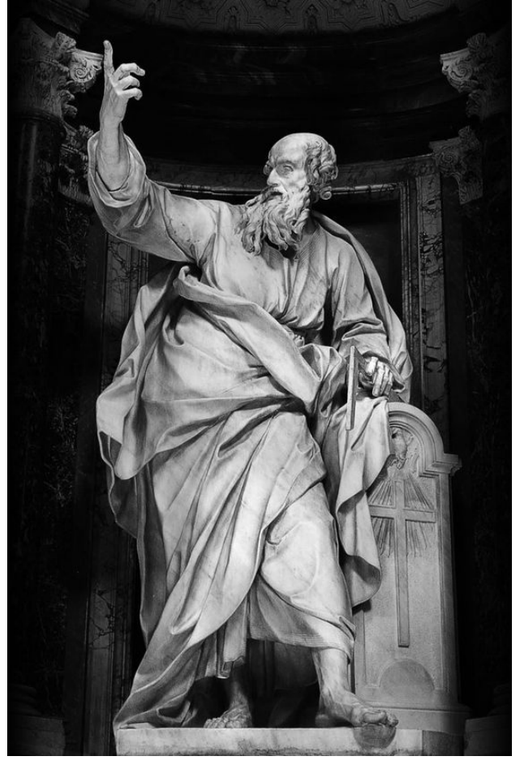
Во второй части этого эссе последует автоэтнография некоторых из этих «токсичных» практик, или, лучше сказать, «пращи и стрелы возмутительной научной дисциплины».

ЧАСТЬ 2

В качестве дополнения к моему ответу на вопросы, связанные с вопросами в части 1 этого эссе, 24 ноября 2020 года я был рад принять участие в другом сегменте конференции «Проблемы оценки источников в науке и связанных областях», в ходе которого мы рассмотрели следующие вопросы:

- **Вопрос 1**. Гарантирует ли авторитет автора достоверность научной информации?
- **Вопрос 2**. Приоритет источников и роль экспериментов. Что, если факты противоречат науке? Указывают ли подобные противоречия на ненаучность предыдущих выводов?

Поскольку они тесно связаны, я попытаюсь здесь, в части 2, объединить их вместе и предоставить несколько автоэтнографических примеров некоторых «**токсичных**» практик, которые ставят под сомнение, за неимением лучшего слова, «**управление**» родственными дисциплинами. в котором я практикую. Как я утверждал, социальные науки, как и все другие науки, являются социальной организацией профессионалов, члены которой стремятся получить вознаграждение за свое членство, следуя ее правилам и принимая ее цели (Krase 2018).

Следовательно, в отношении вопроса 1. мы должны рассмотреть, откуда берется авторитет автора или текста? Макс Вебер писал о традиционной, рационально-правовой и харизматической власти. Не вдаваясь в подробности, я думаю, что читатели этого эссе согласятся, что, по крайней мере, для ученых, авторитетность утверждения автора должна основываться на рациональных основаниях. Это верно даже несмотря на то, что во многих случаях авторитет классических / ведущих ученых в любой дисциплине дается во многом так же, как дается традиционный авторитет. К сожалению, верно и то, что установившиеся «ведущие огни» в любой полевой команде во многом напоминают харизматический авторитет, некоторые из которых были «рутинны» через практику уважаемых профессиональных ассоциаций и учреждений. (См. также Krase и Krase 2018).

Для социологов моего поколения наше понимание отношений между лидерами и последователями было оговорено Максом Вебером как «**Типы законного господства**» и «**Три чистых типа власти**» (1978: 215). Обоснованность претензий на авторитет остаётся на:

- **Рациональные основания** — основываются на законности принятых правил и праве лиц, облеченных властью в соответствии с такими правилами, отдавать приказы (юридические полномочия).
- **Традиционные основания** — основанные на устоявшейся вере в святость извечных традиций и легитимность тех, кто осуществляет власть под ними (традиционная власть) или, наконец,
- **Харизматические основания** — основанные на преданности исключительной святости, героизме во имя порядка, открытого или установленного им (харизматический авторитет).

Как объяснил Вебер:

> «ЕСТЕСТВЕННО, ЛЕГИТИМНОСТЬ СИСТЕМЫ ДОМИНИРОВАНИЯ МОЖЕТ ТРАКТОВАТЬСЯ С СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТОЛЬКО КАК ВЕРОЯТНОСТЬ ТОГО, ЧТО В ОПРЕДЕЛЕННОЙ СТЕПЕНИ БУДЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ СООТВЕТСТВУЮЩАЯ УСТАНОВКА И ЧТО ПОСЛЕДУЕТ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ»

(1978: 214).

Чтобы подчиняться добровольно, подданные должны предоставить легитимность своим правителям.

В этом отношении, как я обсуждал в другом месте, для Вебера человеческое общество становится возможным, когда социальные действующие лица могут представить себя на месте других, с которыми они взаимодействуют, и тем самым правильно предвидеть поведение других. Каждое общество как зависимое от такого общего или разделяемого «текста». (Krase 2018)

Вебер определил социологию как науку, целью которой является интерпретация значения социального действия и, таким образом, причинное объяснение способа, которым происходит действие, и эффектов, которые оно производит. Под «**действием**» в этом определении подразумевается человеческое поведение, когда и в той степени, в которой агент или агенты рассматривают его как субъективно значимое […] «Значение», на которое мы ссылаемся, может быть:

- либо значением, на самом деле подразумевающим либо отдельного агента в конкретном историческом случае или несколько агентов в приблизительном среднем значении в данном наборе случаев, или
- или значение, приписываемое агенту или агентам, как типам, в чистом типе, построенном в абстрактном виде.

Ни в том, ни в другом случае «**значение**» не может рассматриваться как объективно «**правильное**» или «**истинное**» по какому-либо метафизическому критерию. В этом разница между эмпирическими науками о действии, такими как социология и история, и любыми априорными дисциплинами, такими как юриспруденция, логика, этика или эстетика, цель которых состоит в том, чтобы извлечь из своего предмета его «**правильное**» или «**действительное**» значение. (1991 [1921]: 7)

Поскольку авторитет происходит от репутации, мы должны задуматься, откуда взялась репутация; какие социальные процессы создают и обеспечивают ее? Хотя обсуждение всех способов создания академической репутации, таких как экспертные обзоры, показатели ранжирования, импакт-фактор, цитирование и т.д., выходят далеко за рамки данного эссе, здесь будут рассмотрены некоторые из них.

Второй вопрос также можно перефразировать относительно фактов и истины, а также того доверия, которое как научная, так и общественная аудитория может или не может иметь в заявлениях (выводах) ученых всех убеждений, таких как нынешняя общественность. дебаты о реальности пандемии COVID-19. («Научные войны Covid», https://www.scientificamerican.com/article/the-covid-science-wars1/)

Когда я преподаю, я объясняю своим ученикам:

> *«То, что я говорю вам в классе, может быть или не быть фактом или правдой, но всегда факт и правда, что я сказал это».*

Более того, факты могут быть правдой, но истинность утверждения проистекает из отношения фактов к другим фактам в нем, а также нашей способности подтверждать достоверность и надежность этих утверждений посредством разумного применения общепринятых практик научного метода (который само по себе тоже социальная практика).

Как человек, выросший в относительной бедности в США, я признаю, что мое желание добиться респектабельности было особенно сильным, и статус (престиж) профессуры высшего образования был весьма желанным. Это было особенно привлекательно, поскольку сулило мир за пределами стереотипной подлости и простодушия жизни рабочего класса. Я хорошо помню, например, объяснения (извинения?), данные моим часто неработающим отцом для пращей и стрел его возмутительных несчастий. Высшее образование, аспирантура, а затем и профессорская должность казались высшим достижением (побегом?).

Мое разочарование в этом наивном взгляде на мир, в котором я был достаточно успешным, пришло довольно быстро. По сравнению с опытом моих отца и матери, мои «страдания», конечно, были довольно безобидными, но они информативны в описании академического, научного мира таким, какой он есть на самом деле, в отличие от того, как он представляется себе и посторонним.

Во время получения степени независимого магистра социологии в Университете Индианы меня кратко наставлял Альфред Линдесмит, ведущий социолог / социальный психолог криминологии. Под его руководством я разработал тезисное предложение, чтобы исследовать, почему, как мне казалось, смертная казнь не была основным сдерживающим фактором для совершения убийств. Я уже провел вторичный анализ данных обследования осужденных / заключенных в тюрьму преступников, показывающий, что, хотя поначалу страх наказания был основным сдерживающим фактором для совершения преступлений, чем большим было их взаимодействие с системой уголовного правосудия, тем их страх наказания снижался. Мой план состоял в том, чтобы применить «Теорию поля» Курта Левина, чтобы доказать, что по мере того, как их непосредственный опыт работы с системой увеличивается, они узнают, что вероятность ареста, судебного преследования, вынесения приговора и заключения в тюрьму снижается. Хотя Линдесмит был согласен с предложением, мне нужен был хотя бы еще один член комитета, чтобы продолжить. Когда я вошел в его кабинет, чтобы посмотреть, как идут дела, я увидел на его столе записку от другого преподавателя криминологии, в которой частично говорилось: «Что это за хрень с теорией поля?» В следующем семестре я учился в Нью-Йоркском университете и для защиты докторской степени искал более отзывчивых преподавателей-консультантов. Это был яркий пример социальных сил внутри дисциплин, научных школ и факультетов, в результате чего **не многие преподаватели хотят заниматься работой, не связанной с их собственными**.

Феноменология и этнометоды, к которым я позже должен был приобщиться, в то время зарождались на периферии допостмодернистских гуманитарных наук. Лучшим примером этого все более и более междоусобного конфликта являются материалы симпозиума Пердью по этнометодологии (Hill & Crittenden, 1968). Стенограммы обменов между этнометодологами, как Гарольд Гарфинкль, и количественными социологами, такими как Карл Шуесслер (который обучал меня статистике в Университете Индианы), **больше похожи на спор между кликами, которые использовали свой собственный жаргон для оскорбления друг друга, чем на научный разговор коллег, который мог бы привести к общему пониманию методологических и теоретических различий**.

Гадамер утверждал, что **«истина» и «метод» противоречат друг другу**, потому что противоречат подходы к гуманитарным наукам. Один подход к пониманию конкретного текста основан на естественных науках, а другой подразумевает, что его интерпретация требует знания первоначального намерения его автора. По его мнению, смысл не может быть сведен к намерениям автора, он все же зависит от контекста интерпретации. **По мнению Гадамера, люди обладают сознанием, «сформировавшимся исторически», и встроены в определенную историю и культуру, которые их сформировали. Эти «предрассудки» влияют на их интерпретации, но не являются препятствием**, а являются предпосылками для интерпретации. То есть ученый интерпретирует историю текста, связывая ее со своей историей. Согласно Малпасу, работа Гадамера в сочетании с работой Хайдеггера была «… не отрицанием важности методологических проблем, а, скорее, настаиванием на ограниченной роли метода и приоритете понимания как диалогической, практической, ситуативной деятельности» (Malpas 2013, в Krase 2018).

Ганс-Георг Гадамер

Хотя было много других подобных опытов изучения канатов академической карьеры, этих должно хватить. Как и во всех социально организованных системах, исследования в области социальных наук иерархичны. Следовательно, **качественные исследователи в целом и этнографы в частности чувствуют необходимость «оправдать» свои собственные практики ссылками на те, которые рассматриваются как более высокие**. Внутри самой этнографии существует ранжирование от классической, через автоэтнографию, до краткосрочной автоэтнографии. Я представляю себе, что на дне ствола находится краткосрочная визуальная автоэтнография, которой я часто занимаюсь (Krase 2018).

Что касается уверенности, то как научные, так и общественные сообщества могут иметь или не иметь в науке и стипендиях. Мариэлла Ноченци, писавшая о политических и культурных причинах неопределенности, в своей книге об электромагнитном загрязнении в Италии отметила развитие экологически чувствительного законодательства в Европейском сообществе и межправительственных программ, которые способствовали защите окружающей среды и устойчивому развитию. Однако доверие общества к решениям правительства было подорвано через средства массовой информации, которые передавали информацию через призму влиятельных лиц в различных областях. Ссылаясь на текущую дискуссию, она обратила особое внимание на то, как подрывается общественное доверие к источнику информации, когда «научные» эксперты не соглашаются друг с другом, например, в отношении риска для людей употребления в пищу генетически модифицированных пищевых продуктов. Общественность уже перестала доверять экономическим, политическим институтам и средствам массовой информации, поэтому неопределенность порождает еще больший риск и способствует росту культуры, в которой риск ожидается как аспект повседневной жизни. Конечно, то же самое можно сказать и в нынешней атмосфере сомнений в отношении рисков Covid-19 и их снижения, а также того, что выдается за «научную журналистику» (это еще одна длинная история).

Более позорной с академической точки зрения утратой уверенности в учености была «Дело Сокаля» или «Обман Сокала» 1966 года, в котором профессор физики представил статью в «Журнал постмодернистских культурных исследований Social Text». Он утверждал, что материалы для специального выпуска «Science Wars», «Преодолевая границы: к трансформирующей герменевтике квантовой гравитации», предназначены для проверки интеллектуальной строгости журнала, и редакторы которого примут статью «… обильно пропитанную чепухой, если (а) звучало хорошо и б) льстило идеологическим предубеждениям редакторов ». Через три недели после публикации Сокал сообщил на Lingua Franca, что статьи были подделкой.

Ниже приводится ответ редакции на заявление Сокаля в Lingua Franca о том, что его статья была пародией и что он задумал эту мистификацию как критику научных исследований.

> «ПОЧЕМУ НАУКА ТАК ВАЖНА ДЛЯ НАС? ПОТОМУ ЧТО ЕЕ СИЛА КАК ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ, КАК СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО АВТОРИТЕТА, ВЛИЯЕТ НА НАШУ ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ И УЖАСНОЕ СОСТОЯНИЕ МИРА ПРИРОДЫ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛЮБАЯ ДРУГАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ. СЛЕДУЕТ ЛИ ИЗ ЭТОГО, ЧТО ЛЮДИ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ УЧЕНЫМИ, ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ ПРАВО ГОЛОСА В ПРОЦЕССАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ, КОТОРЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ И ФОРМИРУЮТ РАБОТУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА? НЕКОТОРЫЕ УЧЕНЫЕ (ВКЛЮЧАЯ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО, СОКАЛЯ) ОТВЕТЯТ УТВЕРДИТЕЛЬНО, А В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ ГРАЖДАНЕ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ЭКСПЕРТАМИ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УЧАСТВУЮТ В ЭТИХ ПРОЦЕССАХ. ОДНАКО АД ВЫРВЕТСЯ НАРУЖУ, КОГДА ЗАДАДУТ СЛЕДУЮЩИЙ ВОПРОС.
>
> ДОЛЖНЫ ЛИ НЕСПЕЦИАЛИСТЫ ЧТО-ТО СКАЗАТЬ О НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ? ПОСЛЕ СТОЛЕТИЙ НАУЧНОГО РАСИЗМА МОЖНО БЫЛО ПОДУМАТЬ, ЧТО ЭТО УМЕСТНЫЙ ВОПРОС, СВЯЗАННЫЙ С НАУЧНЫМ СЕКСИЗМОМ И НАУЧНЫМ ГОСПОДСТВОМ НАД ПРИРОДОЙ»

(Брюс Роббинс и Эндрю).

В лучшем случае статья, признание Сокаля и особенно ответ редакции являются четким указанием на социокультурную природу, **в отличие от объективно невинных миров Академии в «башне из слоновой кости», в которых поиск истины является высшей целью.**

Мой опыт поиска признания в социальных мирах социальных наук, в которых я трудился, научил меня многому о методах, повышающих вероятность успеха; некоторые из которых я принял. Однако с точки зрения того, на что я надеялся, большинство из них были отрицательными; например, **плагиат, кража идей (идеи не могут быть защищены авторским правом), в основном из неопубликованных рукописей, или использование студенческих работ без указания авторства. Как с новичком, такое «заимствование»** случалось со мной несколько раз, но, как и в реальном мире, быть всего лишь информатором для кого-то — это рецепт профессиональной катастрофы молодого ученого. В мемуарах мы склонны отмечать тех, кто не обидел нас в учебе. Для меня исключениями из неофеодального правила академического «железного закона олигархии» были Альфред Линдесмит, Рональд Д. Корвин, Эдвард Сагарин и мой последний наставник Феликс Гросс. Например, в отличие от обычной практики, когда младшие преподаватели и аспиранты не включаются в число «авторов» статей, в которых они участвовали, Сагарин ставил мое имя первым, в отличие от обычного ранжирования, а Гросс регулярно давал мне возможность публиковать вместо него, даже когда он помогал.

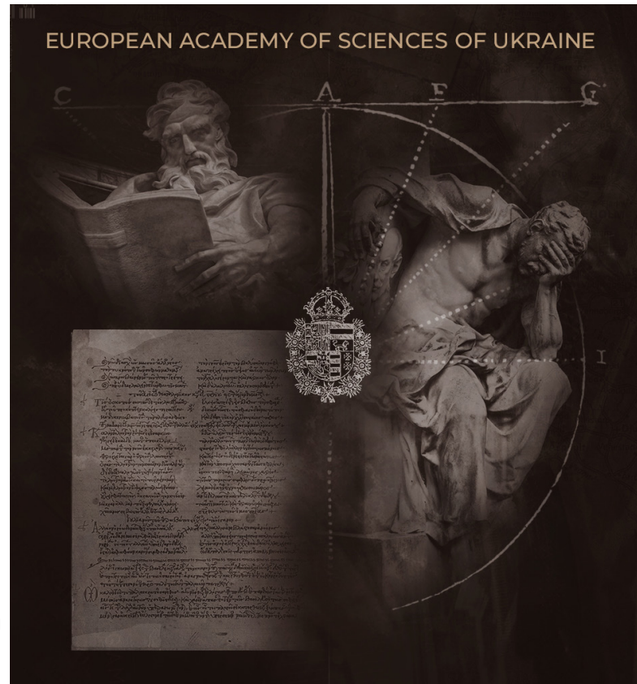
Даже когда человек поднимается по профессии, он понимает, что его работы могут не цитироваться или не признаваться по разным причинам. Мы редко смотрим на себя как на винтики в машине — возможно, неолиберальной капиталистической. Например, **отправляя статьи для публикации, авторы понимают, что рейтинг публикаций источников влияет на оценку их работы рецензентами. Следовательно, они могут исключить источники из второстепенных публикаций.** Соответственно, поскольку работы также ранжируются по

количеству цитирований в других работах, авторы испытывают искушение цитировать свои собственные работы, релевантные или нет, в своих публикациях.

Мы также должны отметить, что сами книгоиздатели неофициально оцениваются учеными, и они все чаще «владеют» академическими журналами, так что мотивация получения прибыли и академическая «звездная сила» не остаются без внимания при выборе, который они делают в публикациях и маркетинге. **Academe** — это рынок на многих уровнях; самый крупный — студенческий рынок (в 2018 году в США рынок учебников составил 8,79 млрд. долларов).

Кстати, в настоящее время я вхожу в комитет по присуждению книжных премий, и меня засыпали «**номинациями**» от крупных издательств, в то время как книги из небольших издательств, как правило, самовыдвиженцы, и авторы сами должны оплачивать стоимость покупки и отправки книги по почте. все члены комитета. На данный момент я получил 60 книг, каждая из которых стоит около 50 долларов в розницу, и 10 членов комитета также получили копии на общую сумму 30000 долларов. Если мы умножим это на все книжные награды, присуждаемые профессиональными организациями, и добавим рекламу и другие рекламные расходы, легко увидеть масштаб социальной проблемы. Это профессиональные практики, на которые мы редко обращаем внимание. Сколько существует наград и кто может позволить себе участвовать в конкурсах за них? Мы также должны признать наличие иерархии издателей. У элитных издателей часто есть элитные авторы в своей писательской конюшне. У них также есть возможность предоставлять редакционные и сопутствующие услуги, улучшающие качество конечного продукта. Они также могут оплачивать или вознаграждать рецензентов рукописей и последующие одобрения, а также вносить плату за материалы, защищенные авторским правом, используемые в тексте. Кроме того, существуют расходы на участие в книжных ярмарках и выставках конференций, продвижение книг, рекламу и отправку экзаменационных копий преподавателям, которые не получают компенсацию за розничную торговлю. Хотя не так грубо, как коммерческие издания, которые становятся «бестселлерами» до того, как книги продаются; основано на элитных обзорах и одобрениях на задней обложке. Таким образом, репутация / авторитет в контексте неолиберальной академии страдает от проблемы закона непрерывного накопления. На более низких уровнях академического труда неофеодализм кажется более подходящим термином, признавая, что в более крупных системах эксплуатации существуют локальные варианты. Например, **международный или глобальный капитализм зависит от феодальных систем труда в колониях или колониях неоколоний, которые сегодня имеют тонкие слои политической независимости**.

Рецензирование книги и то, где она рецензируется, не говоря уже о том, как она рецензируется, также отражает принятый общественный порядок. Крупные журналы также подтверждают доминирующую идеологию профессии, ее лидеров, научные школы и ключевые клики в рамках дисциплины. Исторически сложилось так, что академические «посторонние» склонны создавать собственные журналы. Эта проблема предварительного ранжирования распространяется и на рецензирование, когда рецензенты «оценивают» источники

и цитаты. Я видел Мы видели узнаваемые, обязательные образцы источников во всех типах публикаций, которые выглядят так, будто авторы следуют образцу. Редакционные коллегии журналов также могут иметь свои собственные предпочтения не только в отношении тем, но и в отношении того, как они освещаются. Я обычно учил своих студентов быть хорошими социологами и изучать работу редакционных коллегий и рецензентов, чтобы увеличить шансы на принятие. Я часто сталкивался с проблемой, когда рецензенты (как привратники) предполагали, что я что-то «пропустил», когда это не было необходимым для вывода результатов исследования. Для визуальных социологов проблема сложнее, поскольку немногие рецензенты, за исключением таких журналов, как Visual Studies (в чьем совете я работаю), обладают компетенцией оценивать, например, визуальные свидетельства и изображения как данные. Для такого прагматика, как я, когда я просматриваю рукописи книг или публикации в журналах, я смотрю на обоснованность аргументов и содержание, например данные, а цитаты имеют значение только в том случае, если чего-то не хватает, что могло бы улучшить статью. Обычно это становится публикацией с оценкой «незначительные изменения».

Хотя я мог бы пойти намного дальше в составлении перечня того, что мы все знаем, но боимся рассказать кому-либо в академических кругах, нескольких других должно хватить. Что касается еще одной странности исследования, люди редко сообщают об отрицательных результатах исследования при отклонении нулевой гипотезы в количественных исследованиях, когда такие отчеты имеют равную ценность. Мы должны помнить, что многие рецензенты, как правило, находятся на нижнем конце академической пищевой цепочки, и задания на рецензирование, вероятно, отражают этот социальный порядок. Поскольку вознаграждение за труд в этой области было низким, возникла кредитная служба, чтобы отметить их важную роль в профессии и их биографические данные. (См. **Publons** https://publons.com/about/home/). Я предпочитаю, чтобы рецензенты не были полностью анонимными, так как в одном случае я получил (отклоненный) рецензию и смог ответить редакторам о нефактических основаниях для отказа; приводит к рекомендации «незначительного исправления», чтобы не оскорбить рецензента. В другом случае статья в крупном журнале о том, как люди подвергаются стигматизации в таких местах, как трущобы и гетто, в которых они живут, была отклонена после «смешанной» проверки. Редактор написал мне лично и извинился, по сути, за то, что у меня не хватило смелости опубликовать это вопреки, вероятно, желанию особо влиятельного рецензента. Что касается рецензентов грантов, иногда им не хватает опыта для проведения обзора, например, когда я предложил исследование Польши как «приграничной территории», которое было отклонено рецензентом, который сказал, что Польша никогда не была приграничной территорией. Это, конечно, будет новостью для польских и других ученых из Центральной и Восточной Европы.

Наконец, что касается личного опыта с академическими социальными расстройствами, я заметил, что **когда человек достигает руководящих должностей в профессиональных организациях, его статус подобен меду для пчел**. Например, издатели видят в вас ведущих участников, которые могут покупать их продукты. Когда я возглавлял свой отдел, я стал очень популярен на ежегодных собраниях, и меня переполняли соискатели. Аналогичным образом, редакторы журналов и книг, а также должностные лица крупных профессиональных организаций также пользуются подобным статусом знаменитостей. Как президент одной ассоциации, помимо того, что меня приглашали и платили за выступление, я просил писать книги или редактировать серии, которые могли бы быть проданы членам ассоциации. Мы также должны признать, что иногда **издателям просто нужно заметное имя в учебнике**. Крупное издательство предложило мне работу, чтобы я мог участвовать в написании учебников по нескольким научным дисциплинам, 1которым я мало обучался.

Я пережил несколько периодических идеологических, теоретических и методологических кризисов в дисциплинах социальных наук. Кажется, что каждое решение следует классической гегелевской диалектике, поскольку оно чаще всего представлялось как «**тезис, антитезис, синтез**» до следующего нового кризиса. Помимо постмодернизма и добавления «критического» практически к любому предмету, многие ошибочно по**лагают, что междисциплинарность является ответом на проблему разделения и предубеждений в практике современных наук и гуманитарных наук.**

В своей работе «Междисциплинарные исследования: процесс и теория» Аллен Ф. Репко (2008) обратился к проблеме академической дисциплинарности, в которой университеты по всему миру полагались на отдельные дисциплины для передачи и генерации знаний. Он утверждает, что:

> СЕГОДНЯ НЕОБХОДИМА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ, ПОТОМУ ЧТО СЛОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕ МОГУТ БЫТЬ АДЕКВАТНО РАССМОТРЕНЫ ИЛИ РЕШЕНЫ КАКОЙ-ЛИБО ОТДЕЛЬНОЙ ВЕТВЬЮ ОБУЧЕНИЯ ИЛИ СОВОКУПНОСТЬЮ ЗНАНИЙ (КАНОНАМИ).

Что касается этой слабости, он цитирует Шульмана, который сказал, что каждая дисциплина имеет свою собственную «контрастирующую сущность и синтаксис — способы самоорганизации и определения правил для аргументов и утверждений».

Тем не менее, междисциплинарность не стремится полностью выйти за пределы дисциплин и объединить знания. Проблемы с такими грандиозными нарративами подробно описаны мыслителями постмодерна. Скорее, **междисциплинарный подход предлагает корректирующие меры для доминирующих образований знаний любого рода путем расширения их контекста и установления синтетических отношений между ними.** Таким образом, междисциплинарная идея превратилась из простой критики дисциплин в более изощренную миссию ведения переговоров внутри и вне эпистемологических рамок, которые они проецируют. (2011: 31–32)

В начале этого краткого обсуждения я должен был отметить, что **междисциплинарность, будучи социологически предсказуемой, кажется, быстро превратилась в отдельную дисциплину** (в связи с появлением отдельных социальных наук из великих социальных философий XIX века). И, как и следовало ожидать, эта контрсоциокультурная система сформировала свои собственные фракции и клики. (О трансдисциплинарности см., Например, Jahn 2008). В некотором смысле, что касается многих неосознанных неудач методов исследования, междисциплинарность стала просто еще одной дисциплиной, о чем свидетельствуют их собственные журналы в различных областях:

- Journal of Interdisciplinary History (https://www.mitpressjournals.org/toc/jinh/42/ 4? MobileUi = 0);
- исследования (https://www.jis3.org);
- экономика (https://journals.sagepub.com/home/jie);
- образование (https://dergipark.org.tr/en pub/jietp)
- и др.

Наконец, за эти десятилетия я отправил много статей, некоторые по просьбе редактора, в журналы, которые так или иначе называли себя «междисциплинарными». Что я обнаружил через экспертные оценки, так это то, что у них, похоже, есть свои собственные каноны, нормы проверки и языки. Или, как писал Шульман:

> «... СПОСОБЫ САМООРГАНИЗАЦИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВИЛ ДЛЯ АРГУМЕНТОВ И ЗАЯВЛЕНИЙ, КОТОРЫЕ БУДУТ ПОДТВЕРЖДЕНЫ ДРУГИМИ. У НИХ РАЗНЫЕ СПОСОБЫ ГОВОРИТЬ О СЕБЕ И О ПРОБЛЕМАХ, ТЕМАХ И ПРОБЛЕМАХ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ИХ ПРЕДМЕТ».

(Schulman 2002: vi-vii)

Даже если меня могли попросить представить что-то с моей точки зрения, меня мягко проинформировали, что для публикации я должен отредактировать ее, чтобы она соответствовала требованиям журнала. Как и ожидалось, мое решение, конечно, было нормативно социальным.

ССЫЛКИ:

1. Блонски, Маршалл, изд. (1985) О знаках, Балтимор, Мэриленд: Johns Hopkins Press.
2. Каллер, Джонатан. (1981) Погоня за знаками, Итака, Нью-Йорк: издательство Корнельского университета. (Перепечатано из «В погоне за знаками», Дедал 5 (2).
3. Яблоновски, Кевин. (2020) 1 мая. «Постправда и будущее.— Новый член AHA ». Американская историческая ассоциация. https://communities.historians.org/home Дата обращения: 1 ноября 2020 г.
4. Krase, Джером. (2018) «Этнография: преодоление качественно-количественного разрыва» в публикации «Городская антропология: производство эмпирических знаний и их значение для общества», под редакцией Джулианы Б. Прато, Итало Пардо, Вальтера Кальтенбахера. Диоген, мудрец.
5. Нолас, Севасти-Мелисса и Варвантакис, Христос. (2018) «Возможен другой обзорный процесс», Запутанности: эксперименты в мультимодальной этнографии 2 (1). https://entanglementsjournal.files.wordpress.com/2019/05/another-review-process-is-possible.pdf Дата обращения: 1 ноября 2020 г.
6. Резник, Марти (2020) 27 апреля. «Постправда и будущее.— Новый член AHA ». Американская историческая ассоциация. https://communities.historians.org/home Дата обращения: 1 ноября 2020 г.
7. Циммерман, Кеннет (2020) 1 мая. «Постправда и будущее.— Новый член AHA ». Американская историческая ассоциация. https://communities.historians.org/home Дата обращения: 1 ноября 2020 г.
8. Ян, Томас, 2008, «Transdisziplinäre Forschung», В:Маттиас Бергманн/Энгельберт Шрамм (Hg.): Transdisziplinäre Forschung. Интегративный Forchungsprozesse verstehen und bewerten. Франкфурт / Нью-Йорк: Campus Verlag, 21–37 (английский перевод, еще не опубликован) http://www.isoe-publikationen.de/uploads/media/jahn-transdisciplinarity-2008.pdf По состоянию на 6 декабря 2020 г.
9. Krase, Джером и Krase, Кэтрин, 2018, «Подрыв легитимности правительства: несбывшиеся надежды на подотчетность сообщества», Urbanities. 8, Приложение 1, Легитимность дебатов этнографов, 2018: 42–48. http://www.anthrojournal-urbanities.com/wp-content/uploads/2018/04/11-Krase-Krase.pdf
10. Крейс, Джером, 2018 г., «Этнография: преодоление качественно-количественного разрыва», в книге «Размещение городской антропологии: производство эмпирических знаний и их значение для общества» под редакцией Джулианы Б. Прато, Итало Пардо, Вальтера Кальтенбахера. Диоген, мудрец. 2018. Впервые в сети: DOI: 10.1177 / 0392192117740027
11. Мальпас J (2013) Ханс-Георг Гадамер. В: Э. Н. Залта (ред.) Стэнфордская энциклопедия философии.
12. http://plato.stanford.edu/archvies/win2013/entries/gadamer
13. Ноченци, Мариэлла, 2002 Vivere l'incertezza Sociologia, politica e cultura del rischio ambientale nelle insecurezze da inquinamento elettromagnetico. Милан: Франко Анджели, Милан.
14. Репко, Аллен, Ф. 2008 «Дисциплинарная часть междисциплинарных исследований», Междисциплинарные исследования: процесс и теория.

Джером Крейс

ЗАДАВАЯСЬ АКАДЕМИЧЕСКИМИ ВОПРОСАМИ

ОБЯЗАТЕЛЬНО ЛИ «НАУЧНЫЙ» ОЗНАЧАЕТ «СЛИШКОМ СЛОЖНЫЙ»? КОДЕКС НАУКИ ПРОТИВ ВОСПРИЯТИЯ

ПРОФ. МАЙКЛ БИЛЛИГ

Академик Британской академии наук, почетный профессор социальных наук в университете Лафборо (Англия). Научная работа профессора сосредоточена в основном в области современной социальной психологии, хотя часть его трудов выходит за рамки дисциплинарных границ в социальных науках. Им были изучены альтернативные способы исследования социально-психологических проблем. Является автором книг «Учитесь писать плохо: как добиться успеха в социальных науках», «Больше примеров, меньше теории: исторические исследования письменной психологии», статьи «Почему ученые могут не писать».

Какие из научных источников информации заслуживают доверия? Легче сказать, какие из источников информации не являются заслуживающими доверия. Если вы обратитесь к Фейсбуку и там будет написано, что «американские выборы украдены», не верьте этому источнику информации, ищите тот, которому вы можете доверять. Что их отличает? Здесь нет магической формулы: «если погрузить тестер в оригинальную информацию, то она станет красная, а ежели станет синей, то значит, не стоит ей доверять». Вы должны изучать информацию, расследовать, проверять ее, пока решите, можно ей доверять или нет. Нужно читать, что говорят об этом другие люди. Но не доверяйте источникам, у которых целая история «**изобретения**», выдумывания вещей или явного их непонимания, **искажения**. Посмотрите: лучшие ученые ищут вакцину… они пришли к тому, что не знают, могут ли сами доверять своим идеям, пока не проверили их на практике! Нету короткого пути в науке.

Почему язык научных публикаций столь сложен, будто некий код, должно ли так быть? Не стоит обобщать, я считаю. Физике действительно нужен специализированный словарь: для их понятий, о которых обычные люди не говорят, попросту нет слов в обычных языках. В социальных науках по-другому, поскольку они касаются обычного мира. И если они описаны непонятным языком, то ученые, выходит, предлагают нам **непонимание** того, что происходит в этом обычном мире. В науке существует этос, как будто необходимо переводить действия людей в вещи и процессы, которые не содержат информации о людях — и это, на мой взгляд, просто катастрофично, это делает вещи сложными; дает поверхность науки, без ее глубины.

Гарантирует ли точность информации авторитет ученого? Бесспорно, существуют области, где к ученым стоит прислушиваться. Но есть ученые, которые по причине своего неуемного ума выходят из тех областей, где они профессионалы, и распространяются в те сферы, в которых они ничего не смыслят. Английский философ Томас Гоббс считался одним из величайших умов, пока его заинтересовала геометрия, где он высказал полнейшую свою посредственность и непомнимание. Нам всем следует быть скромнее. Примеров достаточно и в современном академическом мире: есть люди на самых выдающихся позициях, но если вы посмотрите на их идеи и переведете их из больших слов в малые, то ценность испарится!

Все мы делаем человеческую работу, а следовательно, ее нельзя называть совершенной. Но не может быть академической дисциплины, в науке ли или искусстве, которая не должна быть основана на хорошем простом письме.

Также мне хотелось бы в этой статье коснуться **проблемы подготовки аспирантов**. Профессора норовят воспитывать их как своих личных последователей, в своей теории или по крайней мере отрасли. И это означает для социальных наук, что аспирант должен использовать конкретно эти слова, которые использует его научный руководитель, и не дай Бог ему упомянуть другие — маркеры, что ты принадлежишь к другой, «**враждебной**» научной группе. Такое отношение нехорошо для критического мышления. Как бы не вышло, что мы тренируем в молодых учёных узость мышления!

О РАНГЕ ИСТОЧНИКОВ И НАДЕЖНОСТИ ДАННЫХ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

ДУГЛАС КЕЛЛНЕР

Заслуженный профессор факультетов образования, гендерных исследований и германских языков Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе; автор статьи о Жане Бодрийяре в Стэнфордской онлайн-энциклопедии

В своем исследовании «**О рейтинге источников и надежности данных в научном исследовании**» **Дэвид Прокопио** предлагает систему классификации, которая «**дает возможность иметь четкое представление об источниках, используемых в исследовании**», и помогает отличать научную работу от публицистической» [1]

Его статья является всеобъемлющей, и у меня нет внутренней критики ее: я считаю статью Прокопио полезной, оригинальной и продуктивной. Я действительно хочу предложить внешнюю критику, основанную на работе британских культурных исследований и исследований в области науки и технологий (STS), в которых утверждается, что **наука — это социальная конструкция** и что **концепции науки, истины и свидетельства меняются со временем исторически и часто оспариваются**. Я также утверждаю, что науки включают в себя естественные, социальные и культурные, и поскольку моя собственная работа попадает в последнюю категорию, я подхожу к понятию источников, надежности данных и науки с точки зрения социальных и культурных наук, как это показано в работа по критической теории Франкфуртской школы, британской культурологии и французской теории постмодерна, такой как представлено у Бодрийяра. Я также буду проводить различие между надежной и сомнительной журналистикой и источниками информации, а не только между научной работой и журналистской работой.

Работа Прокопио включает этап истории, когда книги, рецензируемые журналы, стандартные канонические академические тексты и учебники стояли на вершине рейтинга источников и давали надежные данные для научных исследований. Я предполагаю, что сейчас мы живем в новом мире, подробно описанному Маршаллом Маклюэном в его книге 1964 года «**Понимание средств массовой информации**» и в последующих работах, в которых книжная культура была вытеснена медиа и электронной культурой в новой культурной конфигурации, также описанной французским теоретиком постмодерна Жаном Бодрийяром. «**Галактика Гугенберга**» была провозглашена **Маклюэном** в честь печатного станка, который, по его мнению, открыл современный мир, глубоко сформировав его экономику, социальный порядок, политику, культуру и систему образования — и я бы добавил туда концепции разума, истины, доказательств и науки.

В новой же культурной матрице информация оцифровывается и виртуализируется, распространяется через вещательные и социальные сети, и даже книги и академические журналы распространяют информацию в Интернете и социальных сетях, что делает оценку и ранжирование источников как никогда важными, чтобы иметь четкое

представление о них, понимание источников книг, статей и исследований, которые якобы являются научными.

Это важно, потому что в Соединенных Штатах и странах по всему миру, особенно в тех, где есть авторитарные и правые лидеры, такие как **Дональд Трамп**, **мы ведем культурные войны и войны против науки, разума и правды**; авторитарные режимы и их сторонники продвигают фальшивые новости и фальшивую науку, а также нападение на доказательства, истину и саму науку. Более того, в Соединенных Штатах и во всем мире мы погружены в пандемию вируса Covid-19.

С самого начала Трамп неоднократно лгал в отношении пандемии, что способствовало более чем 12.000 случаям подтвержденной лжи, которую он сказал на посту президента по состоянию на 8 августа (Кесслер, Риццо и Келли, 2020) — общее число растет с каждым днем. Одно из его вранья продвигало неутвержденные методы лечения, такие как гидроксихлорохин, вплоть до утверждения, что он принимает гидроксихлорохин для защиты от COVID-19, несмотря на заявления его научного советника Тони Фаучи и других экспертов о том, что это не работает. [2] Еще более смехотворно то, что Трамп одно время утверждал, что, возможно, употребление чистящих средств, используемых для мытья и дезинфекции поверхностей, может стать лекарством.

Это может показаться смехотворным, но, к сожалению, миллионы преданных последователей Трампа воспринимают его комментарии и действия как евангельскую истину и образец для подражания — которым уже воспользовались тысячи его последователей, часто с фатальными результатами. Этот пример подчеркивает важность наличия надежных источников для публичных заявлений по серьезным вопросам, таким как здоровье и пандемии. К сожалению, последователи Трампа с самого начала восприняли его как источник информации о пандемии COVID-19, причем Трамп сначала полностью отрицал это, как и его последователи, а затем сказал, что это не хуже гриппа и скоро исчезнет [3] — он бушует и устанавливает рекорды в декабре 2020 года, так что это был катастрофический совет от совершенно ненадежного источника, который, однако, продолжает быть Голосом Истины для своих последователей.

Неудивительно, что к осени 2020 года Трамп действительно заразился вирусом, как и его жена и двое его сыновей от разных браков, а также бесчисленное количество его сотрудников, охранявшие его сотрудники секретных служб и многие другие, с которыми он контактировал. Ложный медицинский совет Трампа порождает «**инфодемию**», описывающую перегрузку информации от государственных чиновников, СМИ, Интернета и социальных сетей. Ложная информация о вирусе заставляет людей прибегать к опасным медицинским решениям, часто со смертельным исходом. Facebook, Twitter, ответственные сайты социальных сетей и медицинские органы вынуждены бороться с опасной дезинформацией и реагировать на нее, но в условиях инфодемии трудно контролировать ложную информацию и распространять достоверную информацию.

Сам Трамп неоднократно отказывался признавать ошибки, поскольку журналисты противостояли его ложным заявлениям или ошибочным утверждениям о вирусе COVID-19 и кризисе, вместо этого обвиняя многих других. По оценкам Washington Post, около 15% выступлений Трампа 6–24 апреля было потрачено на обвинение других в пандемии Covid-19, причем наиболее частыми мишенями были Джо Байден и демократы, за которыми следовали СМИ, губернаторы штатов и Китай. Трамп зашел так далеко, что на одной пресс-конференции атаковал науку, заявив, что «**наука не знает**», как бороться с вирусом Covid-19.

В этом контексте я бы сказал:

> *Защита науки, разума, фактов, доказательств и истины — это вопрос жизни и смерти.*

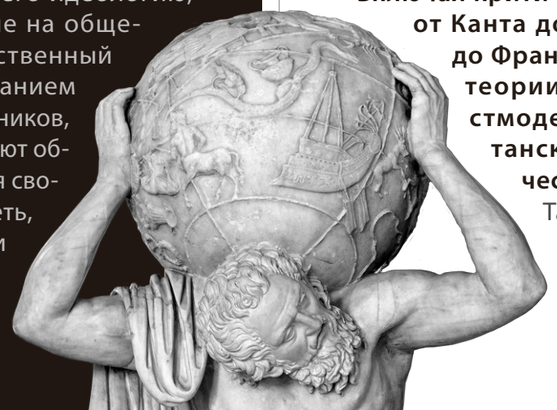
И все это подвергается нападкам со стороны Трампа и его последователей,

авторитарных лидеров и правительств во всем мире. Также стоит посмотреть, как СМИ и Интернет играют важную роль в распространении новостей и информации и представлении оспариваемых научных понятий, фактов и медицинской информации, что делает делом жизни и смерти возможность различать достоверные новости и информацию от фальшивых новостей, научных и медицинских доказательств, основанных на фактах, и шарлатанства.

В статье я предложу стратегии различения между надежными и фальшивыми новостями и информацией, а также правдой и ложью. Я предложу концепции критических средств массовой информации и цифровой грамотности, разработанные мной, Джеффом Шэром и Стивом Дженнаро, в ответ на вопрос о том, что представляют собой надежные свидетельства и источники, отвечающие рациональным научным и эпистемологическим критериям.

Сразу хочу ответить на два возможных возражения против моей собственной концепции и подхода. Во-первых: в июле 2006 года, когда я был приглашенным профессором Тюбингенского университета, в городе, где я изучал философию в рамках стипендии DAAD в Тюбингене с 1969 по 1971 год, меня попросили вести курс культурологии, который я преподавал в различных формах в США с 1970-х годов на основе моей книги «Медиакультура в 1995 году».

Я поручил студентам написать работу с критикой культурных исследований медиатекста, который может быть фильмом, сериалом, документальным фильмом или новостной программой: они должны проанализировать его идеологию, ценности и влияние на общество, провести собственный анализ с использованием двух интернет-источников, которые предоставляют обзоры или обсуждения своей темы, чтобы увидеть, как выбранный ими артефакт был воспринят в обществе, то есть для обсуждения различных интерпретаций или дебатов по этому поводу и своей собственной позиции.

Я быстро был проинформирован о том, что в Германии студенты не могут использовать Интернет-источники в академической статье. Я настаивал на том, что темой курса были исследования культуры, и пока мы читали ключевые академические учебники и статьи в этой области, объектом изучения были средства массовой информации и цифровая культура, и что студенты, их семьи и друзья, и даже многие учителя получили свои знания. Информация из средств массовой информации и Интернета, которая сформировала их взгляд на мир, работу, семью и общественную жизнь, а также на их собственные идеи и личность. В этом контексте я утверждал, что **чрезвычайно важно различать надежные и ненадежные средства массовой информации и Интернет-источники**, и что обширные исследования и серьезный академический анализ могут помочь им в решении этой задачи.

Здесь я, возможно, должен заявить, что мои собственные предубеждения и история являются продуктом книжной культуры, преподавания философии и культурных и технологических исследований на протяжении более 50 лет — половина в UT Austin, половина в UCLA с приглашенными профессорами по всему миру, так что я полностью книжный парень, который продолжает проводить по крайней мере 8 часов в день за чтением и 8 часов за изучением средств массовой информации — график, необходимый в условиях пандемической изоляции, которая поразила Лос-Анджелес с марта и которой не видно конца.

Более того, **я бы назвал свою интеллектуальную матрицу критической теорией, включая критическую философию от Канта до Маркса и Ницше до Франкфуртской школы, теории Бодрийяра и постмодерна, а также британские культурологические исследования**. Таким образом, моя собственная ориентация является критической, поскольку я критикую медиатексты, артефакты, политические дискурсы и идеологии, а также книги и академические исследования в зависимости от их истинной ценности, надежности, прогрессивных или регрессивных политических эффектов и того, как они функционируют в современном обществе.

В эпоху Трампа и **нового релятивизма** я вернулся, чтобы подчеркнуть важность разума и рациональности, истины, фактов, надежной информации, а также демократии и демократических норм перед лицом атак на них со стороны Трампа и его политических деятелей, средств массовой информации и других стран. Да, академические союзники, которые нормализовали ложь, пропаганду, разрушение политических и эпистемологических норм и продолжают свою разрушительную работу даже после того, как Трамп потерпел решительное поражение на выборах 2020 года [4]. В этом мире данные темы важны как никогда, и я выскажу свое собственное мнение о важности критических средств массовой информации и цифровой грамотности.

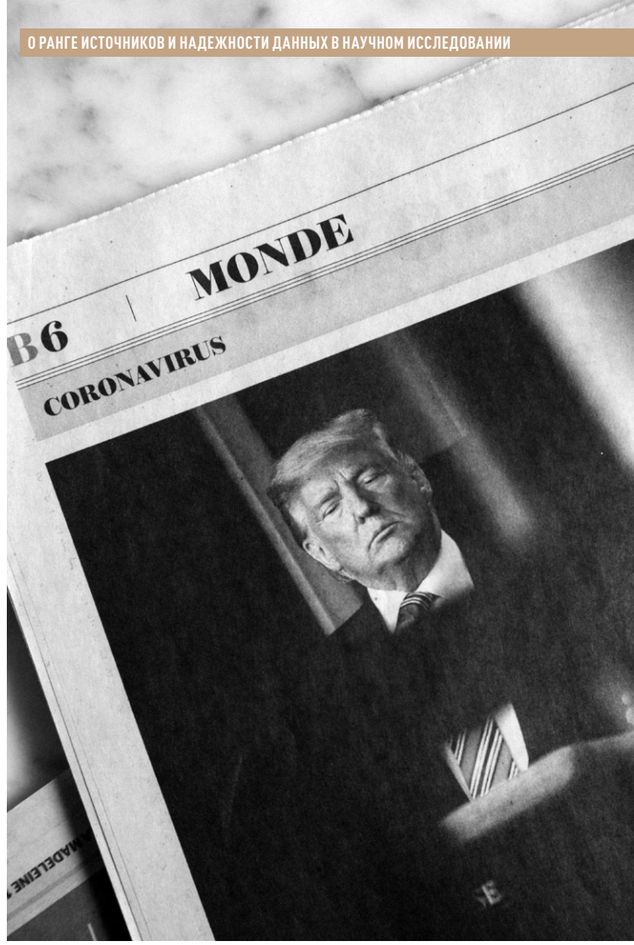
При обсуждении вопроса, как отличить достоверную информацию от ложной, фейковых новостей и лжи важно оценить источники новостей и информации, чтобы отличить факты от лжи, а науку — от суеверий, лжи и идеологии. [5]

> *Если взять в качестве примера COVID-19 и вопрос, «что считается надежным доказательством», очевидно, что простой ответ — наука.*

С самого начала пандемии COVID-19 доктор Энтони Фаучи, а также наши научные и медицинские организации и эксперты предоставляют достоверную информацию о COVID-19.

Наука доказала свою надежность, поскольку ранее успешно боролась с эпидемиями с помощью вакцин и обнаружила источники эпидемий и пандемий, а также способы борьбы с ними и прививки от них общественности. **Так было с испанским гриппом 1920-х годов и эпидемией полиомиелита в 1950-х**, когда меня лечил врач,

О РАНГЕ ИСТОЧНИКОВ И НАДЕЖНОСТИ ДАННЫХ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

который сам принимал участие в исследованиях по поиску вакцины против полиомиелита, и поэтому мои родители надежно доверили этому врачу привить нашу вакцину. Никто из моей семьи или друзей, которым сделали прививку от полиомиелита, никогда не заболели никогда ужасной болезнью. Вакцины вылечили многие другие болезни, такие как оспа, и даже грипп был взят под контроль, а в некоторых местах и вовсе ликвидирован.

Действительно, перед тем как я впервые приехал в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе в середине 1990-х, я в течение многих лет путешествовал по миру, читал лекции и посещал конференции, и, казалось, заразился всеми мыслимыми гриппами от Латинской Америки до Азии. В Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе я начал получать новую вакцину от гриппа каждый год, и с тех пор я избежал серьезного гриппа. Таким образом, очевидно, что **наука и современная медицина, которая**

хорошо проверена, подтверждена и успешна, предоставляют надежную информацию и доказательства, а статья Прокопио охватывает широкую область для оценки надежности источников.

Что касается оценки средств массовой информации и интернет-источников, то это более сложно, поскольку была распространена противоречивая и противоположная «информация» о борьбе с COVID, так как же нам отличить надежную и ненадежную информацию, достоверные новости и науку, фейковые новости и шарлатанскую науку? Здесь нам нужен подход к изучению культуры и СМИ, который оценивает источники СМИ, чтобы распределить их между ящиками «надежные» и «ненадежные». Когда я рос, в 1950-е годы, это было легко: у нас было три коммерческих телевизионных сети и одна общественная вещательная сеть, и в большинстве стран были государственные вещательные сети, такие как BBC в Великобритании или французское, немецкое, российское государственное вещание, которое доминировало в новостях, представляя доминирующие идеологии своих стран. Поэтому телевизионные новости в первые дни не были особенно надежными, контролировались крупными вещательными корпорациями, у которых были свои предубеждения, или государственными СМИ.

В то время в моей семье было единодушное мнение, что **CBS News был лучшим источником новостей и информации**. Мой

отец и дяди сражались во время Второй мировой войны против немецкого и итальянского фашизма, и радиокомментаторы и репортеры CBS, такие как Эдвард Р. Меррроу, Кронкайт, Эрик Сивед и позже Дэн Рэзер, были признаны моими самыми надежными источниками телевизионных новостей и информации. Семья и мы **ритуально смотрели вечерние новости CBS** каждый вечер. Это была 30-минутная передача, поэтому нужно было читать газеты и журналы, чтобы быть в курсе событий.

Главным источником новостей для моей семьи были газеты. Моя первая работа в Фоллс-Черч, штат Вирджиния, в 1950-х годах заключалась в распространении газеты **Washington Post**, которая считалась одной из лучших национальных газет и на которую подписывались почти все дома в моем районе, поскольку все, включая моего отца, работали на правительство США, военные или разведывательные службы, и их нужно было проинформировать о том, что происходит с США и мировой политикой. Post считалась надежным источником. Во время Уотергейтского скандала в начале 1970-х годов, когда репортеры Washington Post Карл Бернштейн и Боб Вудворд опубликовали важные истории о скандале в Уотергейте о коррупции в администрации Никсона, газета завоевала известность, почти все награды в области журналистики того периода и продолжает пользоваться уважением по сей день.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов моя семья переехала в Valley Stream New York, и я сразу же устроился разносить газету Лонг-Айленда, а также New York Times и другие ежедневные газеты Нью-Йорка. Я читал New York Times каждый день после того, как доставлял газеты, и моя семья тоже считала New York Times лучшей газетой США. Получив свою первую работу преподавателя философии в Техасском университете в Остине в 1970-х, я был взволнован, когда Times стала доступна для ежедневной доставки по всей стране, и до сих пор продолжаю читать New York Times в Лос-Анджелесе, которую я считаю, наряду с The British Guardian, лучшими источниками новостей на английском языке.

В 1980-е и 1990-е годы произошел подъем цифровых медиа, и я снова был восхищён, когда в Интернете стали доступны New York Times, Washington Post и Guardian, которые я продолжаю читать и считаю их самым надежным источником новостей в эпоху Трампа. Что касается кабельного телевидения, я изначально следил за CNN в 1990-х годах, который был первой глобальной телевизионной сетью и надежным источником новостей. Тем не менее, в 1990-е годы также наблюдался рост телевизионных кабельных сетей MSNBC против Fox News, MSNBC на стороне либеральных и демократических партий и Fox News на стороне консервативных и республиканских партий; в годы правления Трампа MSNBC с самого начала преследовал Трампа, в то время как Фокс был сторонником Трампа почти до конца, когда он необъяснимым образом повернулся против них после того, как они объявили, что Джо Байден победил на президентских выборах в США в 2020 году, в то время как Трамп и по сей день настаивает против всех доказательств и фактов: он «выиграл выборы» и отказывается уступить.

В целом, для оценки надежности Интернета, теле- и радиовещания и печатных СМИ необходимы критически важные средства массовой информации и **цифровая грамотность, чтобы научиться оценивать свои предубеждения с точки зрения корпоративной собственности**, при этом основные телевизионные сети ABC, CBS и NBC ориентированы на привлечение массовой аудитории, в то время как кабельные сети имеют свои предубеждения, как я указал выше. Также необходимо уметь оценивать конкретные новостные агентства в соответствии с их предубеждениями. В то время как телесети и CNN претендуют на нейтральный и центристский характер, исследователи на протяжении многих лет отмечали либеральный уклон; кабельные сети MSNBC строго либеральны и настроены против Трампа, тогда как Fox строго консервативен и поддерживает Трампа.

Эти предубеждения нетрудно обнаружить, хотя нужен опыт работы с критическими средствами массовой информации и цифровая грамотность, чтобы оценивать интернет-источники, чтобы увидеть, какие из них наиболее надежны, а какие изображают ложь и дезинформацию. Тем не менее, с моей точки зрения, ориентированной на книги, книги и лучшие печатные журналы остаются лучшими источниками информации, и действительно, критический анализ средств массовой информации из книг телевизионных сетей и источников в Интернете от надежных экспертов является отличным источником надежной информации.

Очевидно, что у каждого человека есть свои политические пристрастия, и их **предубеждения в СМИ зависят от их личной истории с молодости**, от использования СМИ и Интернета, и я указал на некоторые из моих предубежде-

ний в этих комментариях. Однако каждый человек должен развивать критически важные средства массовой информации и цифровую грамотность для правильной оценки надежных СМИ и интернет-источников (Kellner and Share 2019). Есть консенсус относительно некоторых источников, тогда как другие оспариваются. Таким образом, каждый человек несет ответственность за развитие критики к средствам массовой информации и развитие цифровой грамотности, чтобы иметь возможность думать, читать и оценивать надежные источники самостоятельно.

РЕКОМЕНДАЦИИ:

1. Келлнер, Дуглас (1995) Медиа-культура. Нью-Йорк и Лондон: Рутледж; второе обновленное издание 2020 г.
2. Американский кошмар: Дональд Трамп, Медиа-спектакль и авторитарный популизм. Роттердам, Нидерланды: Sense Publishers, 2016.
3. Американское шоу ужасов: Выборы 2016 и восхождение Дональда Трампа. Роттердам, Нидерланды: Sense Publishers.
4. Кесслер, Гленн. Сальвадор Риццо и Мег Келли: «Трамп в среднем делает более 50 ложных или вводящих в заблуждение заявлений в день», Washington Post, 10 октября 2020 г., https://www.washingtonpost.com/politics/2020/10/22/president-trump-is-averaging-more-than-50-false-or-misleading-claims-day/ (доступ 11 декабря 2020 г.).
5. Маклюэн, Маршалл (1964) Понимание СМИ. Нью-Йорк: Основные книги.
6. Куаммен, Дэвид (2013) Распространение: инфекции животных и следующая человеческая пандемия. Нью-Йорк: Нортон.
7. Тубин, Джеффри (2020) Истинные преступления и проступки. Расследование Дональда Трампа. Нью-Йорк: Doubleday.
8. Трамп, Мэри Л., доктор философии (2020) Слишком много и никогда не хватит. Как моя семья создала самого опасного человека в мире. Нью-Йорк: Саймон и Шустер.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] https://jewishreview.co.il/about-the-rank-of-sources-and-the-reliability-of-data-in-the-scientific-study-10202/.

[2] Для получения информации о происхождении пандемии COVID-19 см. «Рынки дикой природы и COVID-19», Humane Society International, 19 апреля 2020 г., https://www.hsi.org/wp-content/uploads/2020/04/Wildlife-Markets-and-COVID-19-White-Paper.pdf (по состоянию на 11 августа 2020 г.). Историю по этому вопросу см. В Quammen 2013.

[3] О лжи и дезинформации Трампа см. Toobin 2020 и Mary Trump 2020.

[4] См. Мой анализ в Kellner 2016 и 2017.

[5] Я не использую понятие «идеология» в этой статье, хотя существует обширная литература по теме «правда против идеологии» и «наука против идеологии», которые являются основными темами в исследованиях науки и технологий. См. мои предыдущие исследования идеологии: Дуглас Келлнер «Критическая теория и критика идеологии» в журнале «Критическая теория и эстетика», Рональд Роблин, редактор, Lewiston: The Edwin Mellen Press, 1990, 85–123; Идеология, марксизм и развитый капитализм », Социалистическое обозрение 42 (ноябрь-декабрь 1978 г.), 37–65; и обзор Джона Томпсона, Идеология и современная культура, Американский журнал социологии, 1991: 1184–1186.

Дуглас Келлнер

О РАНГЕ ИСТОЧНИКОВ И НАДЕЖНОСТИ ДАННЫХ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОВ И ИСТОЧНИКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

ДЖЕЙМС О. ФИНКЕНАУЭР

Доктор философии, заслуженный профессор в Университете Рутгерса, эксперт по организованной преступности, в прошлом директор Национального института юстиции в Вашингтоне

Основой всех знаний является информация. Поскольку наши знания о мире растут почти в геометрической прогрессии, критически важно понимать, что является информационной базой для этих знаний. Размышляя о проблемах, с которыми сталкиваются ученые, а также широкая общественность, при оценке и оценке информации, я прихожу к мысли о моей собственной дисциплине, которая попадает в широкую категорию, называемую общественными науками. Обозначение этой категории как «**наука**» само по себе вызывает сомнения, потому что есть некоторый вопрос относительно того, **действительно ли социальная наука является наукой?** Когда кто-то думает о естественных науках, то есть о биологии, химии, физике и т.д., или о математических науках, т.е. об алгебре, кибернетике, геометрии, он думает о лабораторных условиях для экспериментов, а также о точности и прецизионности измерений. Ясно, что большинство социальных наук не такие. Однако с годами предпринимались все более активные усилия по тому, чтобы исследования в области социальных наук больше походили на естественнонаучные / математические исследования с точки зрения надежности и достоверности.

В моей собственной области социальных наук, например, в криминологии, был сделан значительный шаг в направлении того, чтобы криминологические исследования стали более количественными, а не качественными. Это привело к **игнорированию таких методов, как этнография, в пользу сложных статистических анализов больших наборов данных**. Одним из недостатков этого было давление на ученых, особенно молодых ученых, с целью создания количественных исследований, которые будут опубликованы в высокоэффективных журналах, чтобы выжить в мире публикации — или исчезновения, которое сейчас характерно для крупных исследовательских институтов. К сожалению, это может стать уравнением целей и средств, которое может повлиять на достоверность опубликованных исследований в области криминологии. В этом контексте позвольте мне вернуться к моему собственному опыту этих разработок.

За 50 лет работы в качестве криминолога я редактировал два уважаемых криминологических журнала, входил в состав редакционных коллегий еще десятка других и был рецензентом множества рукописей, представленных на рецензирование в различные журналы по общественным наукам. Кроме того, я работал буквально в сотнях комитетов по защите докторских диссертаций, курирующих подающих надежды ученых. Во всех этих случаях моя роль заключалась в оценке и оценке качества и правдивости информации и сообщаемых результатов; и большая часть этой оценки включает изучение методов, использованных для получения представленных результатов. На основании оценки, по мнению рецензента, можно ли доверять результатам?

В социальных исследованиях используются в основном два типа данных: первичные данные и вторичные данные.

> *Первичные данные — это те данные, которые первоначально собираются исследователем с помощью методов, которые я вскоре опишу. Вторичные данные — это уже существующие данные, собранные кем-то другим для других целей, кроме конкретного исследования, о котором сообщается.*

Примером последнего могут быть данные **Uniform Crime Report**, ежегодно собираемые **ФБР**, которое сообщает о преступности в Соединенных Штатах.

Социологи (криминологи) обычно используют один или несколько из примерно полдюжины исследовательских методов для сбора первичных данных. Только одно из них (рандомизированные контролируемые испытания) действительно похоже на лабораторные методы, используемые в естественных науках. У каждого из этих методов есть преимущества и недостатки, и у каждого есть место для ошибок, которые могут повлиять на результаты.

Некоторые криминологи используют наблюдение для сбора своих данных. Это именно то, на что это похоже, но осуществляется в соответствии со структурированным набором правил о том, кто, что и когда наблюдает. Сделанные наблюдения обычно кодируются так, чтобы их можно было свести к количественной форме. Очевидно, что в этом процессе используется значительное субъективное суждение, и эта субъективность позволяет закрасться ошибке. То же самое верно и в отношении контент-анализа — еще одного метода исследования в области социальных наук. Здесь исследователи просматривают какие-либо документы, такие как письма, дневники или отчеты, и кодируют данные в соответствии с планом исследования. Опять же, это довольно субъективный процесс. Одним из способов исправления этой субъективности является возможность независимого кодирования данных более чем одним исследователем в соответствии с систематизированным протоколом.

Основной способ получить информацию от людей — просто спросить их мнение или опыт. Это делается посредством собеседований, проводимых лично или по телефону. Или это можно сделать с помощью почтовых опросов. Есть множество способов, которыми ошибки могут войти в каждый из этих процессов. Одним из примеров является выбор выборки людей для интервью или опроса. Если выборка слишком мала или особенно если она не репрезентативна для населения, на которое исследователь хочет обобщить, результаты могут и, вероятно, будут вводить в заблуждение. Пример этой проблемы можно увидеть на президентских выборах, проведенных в США как в 2016, так и в 2020 году. В обоих циклах опросов общественного мнения фактические результаты выборов значительно отличались от прогнозов, полученных в результате опроса. Социологи все еще пытаются разобраться в объяснениях этого, но, по крайней мере, некоторые утверждают, что сторонники Трампа были недостаточно представлены в выборках опросов.

Некоторые другие способы внесения ошибки в методы интервью / опроса — это использование плохо сформулированных вопросов, которые неправильно понимаются испытуемыми; или субъекты могут лгать в ответах; или, как я убедился на собственном опыте, интервьюеры могут просто сами заполнять ответы, а не проводить интервью. Низкий процент ответов в почтовых и телефонных опросах может привести к получе-

нию нерепрезентативных выборок. Любой из них приведет к вводящей в заблуждение и ошибочной информации.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что золотым стандартом проведения исследований является использование рандомизированных контрольных испытаний (РКИ). Это верно как для естественных, так и для социальных наук. Например, поиск вакцины от пандемии Covid-19, который продолжается, когда я пишу это, использует рандомизированные контрольные испытания для проверки эффективности той или иной формы вакцины против плацебо с использованием экспериментальных и контрольных групп субъектов. Предположение, лежащее в основе рандомизации, состоит в том, что она контролирует любые посторонние переменные, которые могут повлиять на результат, например, возраст, пол, этническая принадлежность, состояние здоровья и т.д. Эти эффекты контролируются, так что влияние экспериментальной переменной может быть отделено.

Однако даже здесь может закрасться ошибка, потому что «**самые лучшие планы мышей и людей иногда (часто) сбиваются с пути**»! Например, несколько лет назад я провел исследование эффективности программы посещений тюрем для несовершеннолетних под названием **Scared Straight**. Я тщательно сформировал экспериментальные и контрольные группы путем рандомизации из пула подходящих кандидатов. Идея заключалась в том, что экспериментальная группа подростков будет участвовать в программе посещения тюрьмы, а контрольная группа — нет. Затем я свяжусь с обеими группами, чтобы оценить результат. Среди недостатков этого дизайна, которые, к сожалению, довольно типичны, было то, что некоторые спонсоры взяли в тюрьму тех, что должны были быть контрольными субъектами (не предназначенными для посещения тюрьмы), и, таким образом, они по определению стали экспериментальными субъектами. Это, очевидно, создавало проблемы с поддержанием размера и состава контрольной группы в сопоставимых условиях. Кроме того, в некоторых случаях субъекты не могли быть найдены для последующего наблюдения или, в частности, в контрольной группе субъекты отказывались от дальнейшего участия, потому что не видели причин для этого. Я сделал ряд корректировок, которые, как мне кажется, правильно учли эти проблемы, но в других случаях размер выборки может быть уменьшен настолько, что ставит под сомнение достоверность исследования, или может быть внесена систематическая ошибка в реконструкцию выборки. чтобы получить ненадежные результаты. В общем, **даже при наиболее строго построенных условиях исследования могут возникать ошибки** — и эти ошибки могут дать менее правдивую и вводящую в заблуждение информацию.

Основным средством устранения этих различных угроз является процесс **экспертной оценки**, о котором я упоминал ранее. Отчет об исследовании, включающий все, от постановки задачи исследования до гипотез, определения переменных, методов сбора данных, анализа, результатов и, что наиболее важно, ограничений исследования, предоставляется для ознакомления. независимая оценка группой коллег, то есть лиц, которые являются признанными экспертами в определенной области исследования. Затем этим рецензентам предоставляется возможность определить надежность и достоверность исследования и полученной информации. И только если они согласятся, эта информация будет (должна быть) добавлена в нашу базу знаний.

Несмотря на все это, по-прежнему есть место для проверки неточной информации. Эта неточность может быть результатом честной ошибки или, к сожалению, неправомерного поведения со стороны исследователя (–ей). В любом из этих случаев из-за различных ошибок в процессе рецензирования рецензентам может быть очень сложно обнаружить какие-либо неточности. Среди этих подводных камней можно выделить следующие:

- Рецензенты почти всегда видят только данные и методы, с помощью которых они были собраны, поскольку они представлены исследователем, что означает, что рецензент должен доверять честности исследователя в сообщении о них;
- Исследователи могут сообщать только частичные результаты, как если бы они были полными;
- Исследователи не сообщают об отрицательных результатах, то есть о тех, которые не подтверждают исходные гипотезы, отчасти потому, что большинство научных журналов мало или не заинтересованы в публикации отрицательных результатов;
- Исследователи могут переформулировать свои гипотезы, чтобы они соответствовали фактическим результатам, и таким образом избежать проблемы отрицательных результатов; и в конце концов, когда ничего не помогает.
- Рецензенты зависят от репутации исследователя (ов), поскольку они открыты и честны в любых вопросах.

Каким бы ни был случай, представляющий риски этой зависимости от репутации исследователя, **в 2019 году пришлось отозвать как минимум шесть исследовательских статей, опубликованных некоторыми из самых престижных криминологических журналов, потому что редакторы этих журналов больше не доверяли правдивости результатов, о которых сообщалось** — и что они опубликовали; статьи очень уважаемого ученого в данной области. Что касается экспертной оценки, проблемы / проблемы с этим опубликованным исследованием были обнаружены не рецензентами, а впоследствии другим исследователем, который работал над некоторыми из тех же проектов, о которых сообщается. Этот последний соавтор указал на фальсификацию данных и отказ раскрыть необработанные данные со стороны главного старшего автора в качестве причин для беспокойства. Редакция журнала, очевидно, согласилась с этими обвинениями и, следовательно, с опровержениями.

Проблемы, с которыми потребители исследовательской информации, будь то ученые или непрофессионалы, могут решить, верить или не верить тому, что они видят или слышат, кажутся весьма устрашающими. По общему признанию, на эту дилемму нет простых ответов. В этом коротком месте я хотел бы упомянуть только две области, требующие внимания. Во-первых, так называемые честные ошибки в отчетности могут быть обнаружены и исправлены путем предоставления более полных данных рецензентам в процессе проверки. Затем критически важным для корректирующего процесса является повторение исследований для обеспечения надежности результатов. Ни одно исследование не может считаться последним словом! Только тогда, когда несколько исследований по разным сценариям дают сопоставимые результаты, можно быть уверенным в результатах.

Во-вторых, что, пожалуй, **наиболее пугающе, это случаи нечестности и неправомерного поведения в исследованиях. Здесь мы могли бы подумать о том, чтобы сделать больший упор на этическую практику и улучшить наставничество при обучении молодых ученых. Исследовательские институты, особенно университеты, могут переосмыслить изречение «публикуйся или умри» для исследователей, ищущих продвижение по службе и работу, а также исследовательские гранты**. Достигает ли давление со стороны производителей настолько, чтобы побудить ученых срезать углы в своих исследованиях? Наконец, потребители исследований должны крайне скептически относиться к любой информации, предоставленной учеными, которые имеют частный интерес к результатам исследования. На ум приходят два недавних примера последнего — ученые, нанятые компаниями по производству сигарет, и ученые, нанятые фармацевтическими компаниями. Чтобы никто не сомневался в потенциальном вреде плохой информации, полученной в результате плохого исследования!

Джеймс О. Финкенауэр

ЧИ ДОСТОВІРНІ ДЖЕРЕЛА З ІСТОРІЇ ЦЕРКВИ

ОЛЕКСАНДР САГАН
Професор

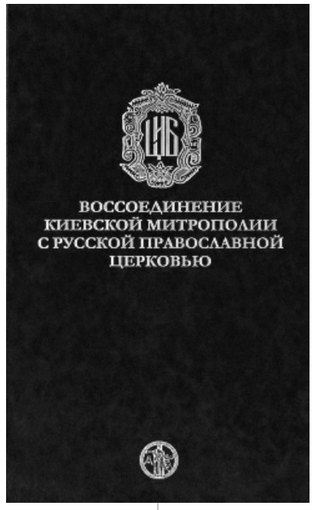

ЛЮДМИЛА ФИЛИПОВИЧ
Професор

Церковно-науковий центр «Православна енциклопедія» — нині є однією із найавторитетніших російських церковно-наукових платформ, яка об'єднує зусилля як богословів, так і світських вчених, які досліджують історію та особливості православ'я як релігійного напряму. У 2020 р. цей центр надрукував збірник документів «**Воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью 1676–1686 гг. Исследования и документы**» [1]*.

Причина появи цього збірника чітко сформульована керівником відділу зовнішніх церковних зв'язків Московського патріархату, митрополитом Волоколамським Іларіоном Алфєєвим у передмові до книги. Зокрема йдеться про те, що, на думку митрополита, до 2018 р. Константинопольський патріархат, «беззастережно визнавав повноту юрисдикції» Московського патріархату над Київською митрополією. І лише «у 2018 р. Константинополь зробив спробу відкликати акт 1686 р.

і поширити свою юрисдикцію на Україну. Саме тоді вперше прозвучали заяви Константинопольської патріархії і її представників про те, що передача Київської митрополії Московському патріархатові ніби мала тимчасовий і умовний характер..».[2]

Тобто цей збірник фактично є відповіддю (із затримкою у два роки) Московської патріархії на рішення Святого і Священного Синоду Константинопольської ПЦ від 11.10.2018 р., згідно якого було скасовано «зобов'язання Синодального листа 1686 р., виданого за обставин того часу, який надавав у порядку ікономії право Патріарху Московському висвячувати Київського митрополита, обраного собором духовенства та вірян його єпархії, який мав згадувати Вселенського Патріарха як свого Першоієрарха за будь-яким богослужінням, проголошуючи та підтверджуючи свою канонічну залежність від Матері-Церкви Константинополя».[3] Формат «відповіді» (спрямованості на відстоювання своєї позиції) суттєво позначився на якості супроводжуючих матеріалів та подачі самих документів. Йдеться про підміну понять, відсутність оригінальних текстів, маніпулятивну подачу текстів у сучасному перекладі та довільне скорочення джерел.

Підміна понять починається уже із самої назви збірника. Адже на момент **приєднання Київської митрополії до Московської патріархії** ні про яку «Русскую Православную Церковь» не могло йтися, бо такої **ще не існувало у природі**. Цю назву вона отримала лише у 1943 році. З початку XVIII ст. і до 1943 року ця Церква називала «Российская Православная Церковь». У XVII столітті (період, який аналізується у збірці) ця церква мала назву «Московська Православна Церква». Паралельною і рівноцінною назвою до неї був «Московський патріархат». Підміна давніх історичних назв інституцій, які існували в інших межах і якостях, на сучасні — маніпулятивна і антинаукова техніка. Намагання укладачів збірника документів маніпулювати думкою читачів підтверджується і тим, що автори вступних та заключних аналітичних статей не вживають назву «**Руська Церква**» (часто вживана у XVII ст. синонімічна назва для Київської православної митрополії), очевидно, щоб не плутати читача — бо тоді буде не зрозуміло хто з ким «воссоєдинявся». Крім того, всі назви, що стосуються давніх українських інституцій, або тих, що займалися українськими питаннями, не змінено. Наприклад, «Малороссия», «Малоросійський приказ» тощо.

На фоні цих маніпуляцій є також питання і до історичності назв і суті деяких документів, які цитуються у збірнику. Складається враження, що вони ще у царські часи проходили певну цензуру і мають давно внесені зміни. Наприклад, лише із початку XVIII ст., за наказом Петра Романова, Московське царство починає змінювати свою назву на Российське царство, згодом — імперію. Проте у збірнику уже під 1679 роком фігурують назви «русскіе посли» (документи № 23, 26, 27 та ін.). Тобто Московські царі делегували у 1679 р. «русскіх послів», що виглядає достатньо дивним.

До того ж, термін «**воссоединение**» (з'єднання знову, приєднання відторгнутого) використовується тут у контексті «приєднання відторгнутої Київської митрополії до Московської патріархії». Але, якщо об'єктивно слідувати за історичним перебігом подій, це Московська митрополія (згодом — патріархія) самовільно виділилася із Київської митрополії. Про це самовідділення свідчить і той факт, що митрополити, які правили вже самостійною (із 1448 р.) Московською митрополією, носили титул «Київський і всієї Русі». І лише з 1461 р. вони іменуються «Московськими».

Враховуючи викладене, можемо зробити висновок, що укладачі вже у назві збірника свідомо спотворили суть подій, які відбувалися в останній чверті XVII ст. у Київській митрополії.

Маніпулятивний підхід продовжується і у тексті передмови митрополита Іларіона Алфєєва. Відкол від Київської митрополії і створення у 1448 р. самостійної Московської митрополії митрополит побіжно пояснює нібито підписанням Константинопольським патріархом документів Флорентійської унії. Хоча, як визнає митрополит, лише у 1458 р., тобто через 10 років після розколу московитами Київської митрополії і створення Московської митрополії, на Київську катедру був призначений «**уніат**» Григорій Болгарин. Тому виникає питання — Флорентійська унія була причиною чи приводом до самовідділення Московської митрополії?

Рейдерську за своєю суттю атаку Московської патріархії на Київську митрополію митрополит Іларіон Алфєєв пояснює тим, що це «возз'єднання Київської митрополії з Русской Церквою фактично врятувало від знищення українське православ'я».[4] Йдеться про боротьбу православної та унійної Церков у другій половині XVII століття. Але історичні факти свідчать про зовсім інше. Саме після виходу Київською митрополією зі складу Константинопольського патріархату і входження її у юрисдикцію Московської патріархії (із неприйнятними для Українського православ'я умовами й традиціями), розпочався процес переходу західноукраїнських православних єпархій (Львівської, Луцької та ін.) в унію.[5] Зокрема це стало поштовхом для Львівської архиєпископії, яка найбільш стійко протидіяла поширенню унійної ідеї після 1596 року. Проте у 1700 р. її клір значною більшістю прийняв це непросте рішення щодо переходу в унію.

До речі, багато хто із тогочасних кліриків Київської митрополії попереджав про такі можливі наслідки входження у юрисдикцію Москви. Наприклад, противники входження у Московський патріархат прямо заявляли, що ми повинні «оглядатися і на православних у Короні Польській і у князівстві Литовському, які від римлян тим і захищаються, що віддавна прийняли святе хрещення від патріарха Царгородського і до нього, як ісконного отця свого належать. А як тільки ми від Царгородського до Московського патріарха відлучені будемо, то римляни під своєю владою православних від Царгородського патріарха відірвуть і до своїх уніатів нахилять. Скажуть, що з нас приклад беруть. Адже якщо митрополія Київська відреклася від свого ісконного патріарха Царгородського, і до Московського патріарха пішла у послушання, то чому ви не маєте також відступити і до наших духовних належати».[6] Вся ж протидія унії з боку Москви (як церковної, так і світської) часто полягала у репресивних заходах проти ініціаторів зміни конфесії. Як це сталося, наприклад, із Луцьким владикою Діонісієм Жибоплинським, якого після прийняття унії «схопили, вивезли до Москви, де він і загинув мученицькою смертю».[7]

Цинічно виглядають слова митрополита Іларіона Алфєєва і про те, що лише у 2018 році «Константинополь спробував відкликати акт 1686 року і поширити свою юрисдикцію на Україну». Алфєєв чомусь вважає, що лише у 2018 р. «вперше прозвучали заяви Константинопольської патріархії і її представників про те, що передача Київської митрополії Московському патріархату нібито мала тимчасовий і умовний характер».[8] Зазначимо, що лише у XX ст. Константинопольський патріархат кілька разів робив однозначні заяви щодо невизнання меж Московської патріархії поза тими, які були на момент визнання Московської Церкви у 1589 році (Київська митрополія ніколи не входила у ці межі).[9]

Окрім цих заяв, важливим аргументом до спростування твердження митрополита Іларіона Алфєєва є підстави надання у 1924 р. Томосу про автокефалію для Православної Церкви у Польщі. Адже Вселенська патріархія в обґрунтуванні до Томосу чітко зазначила, що

> «...ПЕРШЕ ВІДОКРЕМЛЕННЯ ВІД НАШОГО ПРЕСТОЛУ КИЇВСЬКОЇ МИТРОПОЛІЇ І ПРАВОСЛАВНИХ МИТРОПОЛІЙ ЛИТВИ ТА ПОЛЬЩІ, ЗАЛЕЖНИХ ВІД НЕЇ, А ТАКОЖ ПРИЛУЧЕННЯ ЇХ ДО СВЯТОЇ МОСКОВСЬКОЇ ЦЕРКВИ НАСТАЛО НЕ ЗА ПРИПИСАМИ КАНОНІЧНИХ ПРАВИЛ...».[10]

Протидія Московської патріархії і навіть світської більшовицької влади отриманню православними у Польщі Томосу була шалена. Росіяни дуже чітко розуміли і передбачали наслідки такого акту. Тому після «визволення» Польщі у 1945 р., радянські світські та церковні діячі ініціювали «відмову» ПАПЦ від Константинопольського Томосу і у 1948 оголосила про надання власного (фактично не був наданий). Томос від Вселенського патріарха для Православної Церкви у Польщі чітко зазначав, що, окрім певних, обумовлених Константинопольським патріархатом умов, Київська митрополія завжди залишилася частиною («**канонічною територією**») Вселенського патріархату. Адже аргументація у документі була однозначною: православні єпархії у Польщі були частиною Київської митрополії, яка ніколи не належала Москві. Тому, на тлі появи незалежної держави, частині митрополії дарується автокефалія.

Можна ще багато уваги приділити несуразностям, які є у передмові та у аналітичних матеріалах: «**Становлення і розвиток ідеї єдності митрополії всієї Русі в візантійську епоху**» (ст. 7–32); «**Київська митрополія, Московський патріархат і Константинопольський патріархат в 1676–1686 роках**» (ст. 33–140). Проте обсяг статті дозволяє лише зупинитися на побіжній характеристиці зібраних у збірнику документів.

У аналізованому нами збірнику зібрано 246 джерел, які, на думку укладачів, найбільш повно відображають події 1676–1686 років. Джерела подані у перекладі на сучасну російську мову, часто без надання текстів оригінальних документів. У багатьох випадках такі оригінали не збереглися, що ставить під сумнів достовірність їх змісту. У 33 випадках із 246 (13%) документи подані у фрагментах. При цьому не обумовлений принцип, за яким відбиралися ці фрагменти. Це, відповідно, дає простір для тенденційного відображення суті документа, цитування тих його частин, які підтверджують концепцію укладачів і уникання цитування фактів, які цю концепцію заперечують.

Власне йдеться про сформовану ще у часи московського царя Петра Романова (1672–1721) ідею про нібито бажання кліру Київської митрополії перейти у юрисдикцію Московської церкви та погодження на такий акт з боку Константинопольської патріархії.[11] Притому, на думку московських історіографів, таке погодження було повним і без жодних умов остаточним. Виклад цієї концепції та її «обґрунтування», до речі, займають майже чверть обсягу збірника і викладена як на початку книги (ст. 5–144), так і у завершальних коментарях (ст. 844–894).

Подані джерела можна об'єднати у кілька груп, які відображають бажання укладачів переконати читачів у правильності своїх тез. А саме:

- група документів про гоніння на православних на теренах Речі Посполитої і «боротьбу» московської сторони за їх права;
- документи, які характеризують діяльність **Гедеона Святополка-Четвер-**

тинського до і після його обрання Київським митрополитом;
- листи, грамоти та універсали польського короля **Яна III Собеського**;
- листування між руськими (українськими) кліриками та світськими особами із московськими очільниками (царями, чиновниками, дипломатами);
- листування московської сторони із **Єрусалимським патріархом Досифеєм II Нотарою** (намагання московитів сформувати підтримку своїм намаганням захопити Київську митрополію), в т.ч. й документи, що підтверджують оплату московитами діяльності патріарха із лобіювання їх інтересів;
- листування московської сторони із **Константинопольським патріархатом**;
- документи, які прояснюють роль Московської патріархії та московських царів в організації вибрів Київського митрополита;
- документи, що засвідчують дипломатичні та адміністративні (із 1654 р. Москва контролювала лівобережну Україну) зусилля московської сторони (церковної і світської) щодо зміни юрисдикції Київської митрополії із константинопольської на московську;
- документи (понад 10% від загальної кількості), що засвідчують важливість для Московії отримання Київської митрополії — йдеться про нагородження московськими царями та патріархом всіх причетних до зміни юрисдикції Київської митрополії.

Особливий інтерес викликають документи № 210–219, в яких подані грамоти Константинопольського патріархату від травня-червня 1686 р., а також рішення Синоду Константинопольського патріархату, в яких Вселенська патріархія обумовлює причини і спосіб підпорядкування Київської митрополії Московському патріархові. Зазначимо при тому, що зберігся лише один оригінал цих документів (№ 210), а всі інші подаються у перекладах із перекладених ще у XVII ст. московитськими чиновниками копіях. А ці переклади завжди мали свої особливості.[12]

Власне у грамоті патріарха **Діонісія** IV[13] жодним чином не вказується про передачу Київської митрополії назавжди. Тут обумовлені причини передачі: наявність частих воєн між Османською імперією і Московським царством, що було природною перешкодою для комунікації престолів в Константинополі і Києві; віддаленість митрополії від Церкви-Матері та неможливість оперативного поставляння митрополитів. Умовами цього тимчасового підпорядкування були: хіротонія Київського митрополита у Москві, за умови обрання його у своїй митрополії вільними голосами і за місцевим звичаєм; не втручання у справи місцевих українських єпархій; поминання на літургії першим Константинопольського патріарха.[14] Крім того, українська сторона, особливо гетьман І. Самойлович, домагалися залишення за Київським митрополитом титулу екзарха Константинопольського патріарха («екзарха святійшого апостольського Константинопольського трону»)[15] (див. документ № 158[16]). Проте московські світські та церковні очільники навідріз відмовилися від ідеї збереження цього титулу.

Умови Вселенського патріарха достатньо чіткі. І ні для кого не є секретом, що Московський патріархат фактично одразу ж почав тотально їх порушувати. Йдеться про:
- втручання у справи митрополії і єпархій;
- зміни кордонів єпархій і навіть митрополії;
- усунення правлячих єпископів; призначення, замість обрання, митрополитів;
- не поминання Константинопольського патріарха;
- ліквідація титулу екзарха Константинопольського патріарха і навіть пониження титулу Київського митрополита до архиєпископа;
- ліквідація власного церковного суду Київської митрополії (московський Патріарший суд мав би бути лише апеляційною інстанцією) тощо.

Відтак потрібне пояснення того, чому Московська патріархія знехтувала умовами співпраці із Вселенською патріархією і як це сприяло «благу православ'я» (як про це писалося у листах московських царів і патріарха у Константинополь). Тому у збірнику після документів дається великий «**Коментар до документів Константинопольського Патріархату від травня-червня 1686 року про передачу Київської митрополії в юрисдикцію патріарха Московського**».[17] Причому коментуються лише кілька документів (210–219), і коментарі зводяться до спростування згаданих умов Константинопольського патріархату, на яких передавалася Київська митрополія в управління Московському патріархатові.

Мета коментарів достатньо зрозуміла, проте складна — **доказати, що Константинопольський патріархат назавжди передав (неможливість повернення) Київську митрополію у склад Московського патріархату**. Відтак московська духовна і світська влада мала/має право робити із цією митрополією все, що вважатиме за необхідне. І навіть питання поминання Константинопольського патріарха у коментарі обігрується так, що це поминання «мотивується аж ніяк не тим, що останній і далі буде зберігати Київ у своїй юрисдикції, але особливою роллю Константинопольської кафедри в православному світі загалом».[18]

Для посилення своїх аргументів московські коментатори документів вводять ще одного міжнародного гравця. Додають аргументацію Єрусалимського патріарха **Досифея** у цих питаннях (документи № 203–206). Еволюція поглядів **Досифея** від повного заперечення ідеї перепідпорядкування Київської митрополії до можливості її входження у Московський патріархат пояснюється просто. Ця еволюція залежала від фінансування його особисто та його патріархії від московських царів і патріарха (документ № 194[19]). Фактично **Досифей** виконував платні послуги із лобіювання інтересів Москви. Тому **логіка аналізу ідей Досифея у коментарях до документів Константинопольського патріархату може бути лише одною — відволікання уваги від головного питання** (порушення умов Вселенського патріарха) та намагання показати непослідовність позиції Константинополя.

Крім того, з уваги московських коментарів повністю випускається той факт, що і тогочасні московські царі, і Московський патріарх давали гарантії новообраному Київському митрополитові, а в його особі — всій Київській митрополії, щодо збереження його прав і привілеїв, а також традицій митрополії. У збірнику це документи №№ 144, 145, 177, 178, 183 та ін. Є також низка документів щодо боротьби українців за свої привілеї — документи №№ 133,134, 135, 136, 150, 151, 152, 157, 158 та ін. Подальші події засвідчили, що практично всі згадані у документах гарантії чи то царів, чи Московського патріарха, були порушені московською стороною. Київська митрополія практично одразу ж після зміни юрисдикції, перестала бути суб'єктом міжцерковних відносин і перетворилася на пересічну Московську митрополію, а згодом і на архиєпископію.

Тому закономірним і цілком логічним з боку Священного Синоду Константинопольського патріархату було прийняття рішення від 11 жовтня 2018 р., яким Київська митрополія повернута Материнській Церкві (Константинопольському патріархатові): «4) Скасувати зобов'язання Синодального листа 1686 року, виданого за обставин того часу, який надавав у порядку ікономії право Патріарху Московському висвячувати Київського митрополита, обраного собором духовенства та вірян його єпархії, який мав згадувати Вселенського Патріарха як свого Першоієрарха за будь-яким богослужінням, проголошуючи та підтверджуючи свою канонічну залежність від Матері-Церкви Константинополя».[20]

На сайті «Orthodoxia.info» представниками патріархії було також опубліковано документи, що засвідчують неканонічність перебування Московської патріархії на теренах України.[21]

Вселенський патріарх **Варфоломій** І також дав чітке й однозначне роз'яснення того, що ж відбулося у другій половині XVII ст. із Київською митрополією. Зокрема патріарх **Варфоломій** зауважив:[22]

«ФАКТОМ Є ТЕ, ЩО НЕ ІСНУЄ ЯКОГОСЬ КАНОНІЧНОГО ТЕКСТУ, ТОБТО ЯКОГОСЬ ПАТРІАРШОГО ТОМОСУ АБО ЯКОГОСЬ ПАТРІАРШОГО І СИНОДАЛЬНОГО АКТУ, ЯКИМ КИЇВСЬКА МИТРОПОЛІЯ ПЕРЕДАВАЛАСЯ БИ МОСКОВСЬКОМУ ПАТРІАРХАТУ. ДОКУМЕНТИ Є БІЛЬШ НІЖ ЗРОЗУМІЛИМИ, А ЛИСТИ ПАТРІАРХА ДІОНІСІЯ, НАДІСЛАНІ 1686 Р., НЕ МОЖУТЬ БУТИ ЗРОЗУМІЛІШИМИ. ВОНИ НЕ ЛИШЕ НЕ ПЕРЕДАЮТЬ КИЇВСЬКУ МИТРОПОЛІЮ МОСКОВСЬКОМУ ПАТРІАРХАТУ, АЛЕ, БІЛЬШЕ ТОГО, ВИЗНАЧАЮТЬ ОСНОВНОЮ ПЕРЕДУМОВОЮ [ОПІКИ НАД КИЇВСЬКОЮ МИТРОПОЛІЄЮ], ЩО КОЖЕН КИЇВСЬКИЙ ПРЕДСТОЯТЕЛЬ ПРОДОВЖУЄ ЗГАДУВАТИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСЬКОГО ПАТРІАРХА ЯК СВОГО КАНОНІЧНОГО ОЧІЛЬНИКА. ТОЙ, ХТО МАЄ БАЗОВІ ЕКЛЕЗІОЛОГІЧНІ (ЦЕРКОВНІ) І КАНОНІЧНІ ЗНАННЯ, ЗРОЗУМІЄ, ЩО КИЇВСЬКА МИТРОПОЛІЯ НЕ МОГЛА БУТИ ПЕРЕДАНА МОСКОВСЬКОМУ ПАТРІАРХАТУ, ЯКЩО КИЇВСЬКИЙ МИТРОПОЛИТ МАВ І НАДАЛІ ЗГАДУВАТИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСЬКОГО ПАТРІАРХА.

НА ЖАЛЬ, МОСКОВСЬКИЙ ПАТРІАРХАТ В ОДНОСТОРОННЬОМУ ПОРЯДКУ ПОРУШИВ ЦЮ УГОДУ. ВІН ЗМУСИВ ПРИПИНИТИ ЗГАДУВАННЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСЬКОГО ПАТРІАРХА, БО ЗНАВ, ЩО ЦЕ Є ВИДИМИМ ЗНАКОМ КАНОНІЧНОЇ ЮРИСДИКЦІЙНОЇ НАЛЕЖНОСТІ КИЇВСЬКОЇ МИТРОПОЛІЇ ДО КОНСТАНТИНОПОЛЯ. ТАКОЖ ВІДОМО, ЩО ПЕРЕД ПОЯВОЮ ЛИСТІВ ПАТРІАРХА ДІОНІСІЯ НАШІ РОСІЙСЬКІ БРАТИ НАМАГАЛИСЯ ХІРОТОНІЗУВАТИ КИЇВСЬКИХ МИТРОПОЛИТІВ, АЛЕ КОЖНОГО РАЗУ ВОНИ НАРАЖАЛИСЯ НА [НЕГАТИВНУ] РЕАКЦІЮ ДУХОВЕНСТВА І НАРОДУ УКРАЇНИ, ЯКИЙ НІ ЗА ЩО НЕ ХОТІВ ПІДПОРЯДКОВУВАТИСЯ МОСКВІ. БІЛЬШЕ ТОГО, ПАТРІАРХ МОСКОВСЬКИЙ НИКОН (1652–1658) АНТИКАНОНІЧНО ПРИСВОЇВ СОБІ ТИТУЛ ПАТРІАРХА ВЕЛИКОЇ І МАЛОЇ І БІЛОЇ РУСІ, ЩО Є ДОКАЗОМ ЕКСПАНСІОНІСТСЬКОГО ДУХУ, ЯКИМ ВІН БУВ ОДЕРЖИМИЙ.

ПРОТЕ, ДОКУМЕНТИ 1686 Р. НЕ Є ПЕРШИМИ КАНОНІЧНИМИ ТЕКСТАМИ, КОТРІ ОПРИЛЮДНИВ ВСЕЛЕНСЬКИЙ ПАТРІАРХАТ. ЯКЩО ВИ ПОДИВИТЕСЯ НА ТОМОС, ЯКИМ 1924 Р. БУЛА НАДАНА АВТОКЕФАЛІЯ ПОЛЬСЬКІЙ ЦЕРКВІ, ВИ ЗНАЙДЕТЕ У НЬОМУ ТОЙ САМИЙ ПОГЛЯД НА СИТУАЦІЮ З КИЇВСЬКОЮ МИТРОПОЛІЄЮ. У ТОМОСІ ПОЛЬСЬКОЇ ЦЕРКВИ ЧІТКО НАПИСАНО, ЩО ПЕРЕДАЧА КИЇВСЬКОЇ МИТРОПОЛІЇ ТА ЇЇ ЗЛИТТЯ З МОСКОВСЬКОЮ ЦЕРКВОЮ БУЛО ЗДІЙСНЕНЕ ВСУПЕРЕЧ КАНОНІЧНИМ ПОЛОЖЕННЯМ. ЦЕ ГОВОРИТЬ ПРО ТЕ, ЩО ВСЕЛЕНСЬКИЙ ПАТРІАРХАТ І ЧЕРЕЗ 238 РОКІВ НЕ ПЕРЕСТАВАВ ВКАЗУВАТИ НА ЦЕ НЕКАНОНІЧНЕ ЗАХОПЛЕННЯ КИЇВСЬКОЇ МИТРОПОЛІЇ МОСКОВСЬКИМ ПАТРІАРХАТОМ.

ЗВИЧАЙНО, ЦЯ СИТУАЦІЯ ТРИВАЛА ПОНАД 300 РОКІВ, АЛЕ ЦЕ НЕ ОЗНАЧАЄ, ЩО КАНОНІЧНІСТЬ ВІДНОВИЛАСЯ. НЕ ІСНУЄ ТАКОГО КАНОНУ, ЯКИЙ БИ ГОВОРИВ НАМ, ЩО ГРІХ АБО НЕКАНОНІЧНІСТЬ З ПЛИНОМ ЧАСУ ЗЦІЛЮЮТЬСЯ І ПЕРЕТВОРЮЮТЬСЯ НА КАНОНІЧНІСТЬ. НАСКІЛЬКИ НАМ ВІДОМО, «ТЕ, ЩО ВІД ПОЧАТКУ НЕ БУЛО ДІЙСНИМ, НЕ МОЖЕ БУТИ УТВЕРДЖЕНО ПЛИНОМ ЧАСУ».[23] ...

«МИ ПОСТУПИЛИСЯ МОСКОВСЬКОМУ ПАТРІАРХУ ДОЗВОЛОМ НА ХІРОТОНІЮ КИЇВСЬКОГО МИТРОПОЛИТА, АЛЕ І ТО З КОНКРЕТНИМИ ВИМОГАМИ, ЯКИХ РОСІЙСЬКА СТОРОНА НЕ ДОТРИМУВАЛАСЯ. ВСЕЛЕНСЬКИЙ ПАТРІАРХАТ НІКОЛИ В СВОЇЙ ІСТОРІЇ НЕ ЗДІЙСНЮВАВ ВТРУЧАНЬ ЗА МЕЖІ СВОЄЇ ЮРИСДИКЦІЇ. У НАС НЕМАЄ ЕКСПАНСІОНІСТСЬКИХ ПРАГНЕНЬ. Я РЕКОМЕНДУЮ ВАМ ВИВЧИТИ ІСТОРІЮ ЦЕРКВИ, ПОЧИНАЮЧИ ВІД ЧЕТВЕРТОГО ВСЕЛЕНСЬКОГО СОБОРУ І ДАЛІ. ВИ ПЕРЕКОНАЄТЕСЯ, ЩО ЦЕРКВА КОНСТАНТИНОПОЛЯ ПОСТІЙНО ЗМЕНШУЄТЬСЯ І ЗВУЖУЄТЬСЯ. У ТОЙ ЖЕ ЧАС, ПРОЧИТАЙТЕ РІШЕННЯ СОБОРУ, ЯКИЙ ЗІБРАВСЯ У ХРАМІ БОГОРОДИЦІ УТІШЕТИЛЬНИЦІ, В КОНСТАНТИНОПОЛІ 1593 РОКУ. ЦЕЙ СОБОР ВИЗНАЧИВ КОРДОНИ ТОДІШНЬОГО НОВОСТВОРЕНОГО МОСКОВСЬКОГО ПАТРІАРХАТУ. ДОСЛІДІТЬ, ЧИ ТІ КОРДОНИ, ЯКІ ВИЗНАЧИЛИ СВЯТІ ОТЦІ, ІДЕНТИЧНІ СУЧАСНИМ КОРДОНАМ СЕСТРИНСЬКОЇ РОСІЙСЬКОЇ ЦЕРКВИ. ОТЖЕ, ТУТ ВИНИКАЄ ПИТАННЯ: ЧИ МОЖЕ БУДЬ-ЯКА ЦЕРКВА САМОВІЛЬНО РОЗШИРЮВАТИ СВОЇ КОРДОНИ ТА ЩЕ Й ЗА РАХУНОК ТЕРИТОРІЙ ІНШОЇ ЦЕРКВИ?».[24]

ВИСНОВКИ

На жаль, досліджуючи історію Київської митрополії в один із найскладніших її періодів (остання четверть XVII ст.), укладачі аналізованої збірки стали на шлях підміни понять, маніпуляцій та тенденційного підбору джерел. Зокрема практично не висвітлена боротьба кліру Київської митрополії проти входження у Московську патріархію — цьому присвячено лише два документи (№ 134, 140), застереження київського духовенства щодо неприйнятності для них порядків, які існують у сусідній Білгородській єпархії, та донос митрополита Білгородського Авраамія патріарху Московському Іоакиму щодо протестних настроїв у Київській митрополії. Про рівень протестних налаштувань українського духовенства свідчить навіть той факт, що і через 32 роки (1654–1686) адміністративного підпорядкування України Московському царству, незважаючи на тотальний адміністративний тиск і відверте втручання у церковні справи, Москві слід було докладати надзвичайних зусиль, в тому числі йти на відвертий обман (гарантувати давні права і привілеї, які й не збиралася виконувати), щоб отримати Київську митрополію.[25]

Згідно грамот Константинопольського патріархату, які надруковані у збірнику, Вселенська патріархія надала чіткі критерії своєї співпраці із Московською патріархією у справі окормлення Київської митрополії:

a. Київська митрополія формально залишається у складі Константинопольського патріархату. В якості основної ознаки використовується поминання в літургії Константинопольського патріарха на першому місці, перед патріархом Московським. За церковними канонами, першим поминається глава Церкви.
b. Московський патріарх має владу над митрополитом Київським лише в межах тих повноважень, які делеговані йому Константинопольським патріархом.

Відтак, погоджуючись із грамотами Вселенської патріархії, Московська патріархія брала на себе наступні зобов'язання: не

втручатися в вибір митрополита і лише висвячувати його; не втручатися у справи митрополії (крім як за допомогою апеляції церковного суду митрополії); в кожній літургії на території Київської митрополії як главу Церкви поминати Вселенського патріарха.

Перевірити, чи виконує Московський патріархат взяті на себе зобов'язання, не складно і зараз. Навіть якщо не читати історію Київської митрополії після 1686 р., біографії усіх причетних до зміни юрисдикції дійових осіб та призначених із Москви митрополитів, достатньо просто прийти на літургію у будь-який храм Московської патріархії, що діють на території Київської митрополії. А там достатньо послухати — кого поминають священики як главу церкви, за кого моляться. Відповідь очевидна, і вона лише підтверджує правоту Константинопольського патріархату і правильність його дій у 2018 році.

[1] Воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью 1676–1686 гг. Исследования и документы. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. 912 с.

[2] Воссоединение Киевской митрополии. Предисловие. С. 5.

[3] Комюніке Святого і Священного Синоду Константинопольської ПЦ від 11.10.2018 р. // Саган О. Н. Православна Церква України: конституювання та перспективи розвитку. К., 2019. С. 85–86.

[4] Воссоединение Киевской митрополии. Предисловие. С. 5.

[5] Історія релігії в Україні. Католицизм в Україні /За ред. П. Яроцького. Т.IV. К., 2001.

[6] Див.: Документ № 140. 1685 г., не позднее августа 8. Грамота митрополита Белгородского Авраамия патриарху Московскому Иоакиму с приложением копий статей с протестом киевского духовенства против перехода Киевской митрополии под власть патриарха Московского // Воссоединение Киевской митрополии. С. 478.

[7] Див.: Професор Ігор Скочиляс: «Львівська унія 1700 року стала добровільним вибором духовенства і мирян Львівської архиєпархії» // https://Синод Єпископів УГКЦ/synod.ugcc.ua/data/profesor-igor-skochylyas-lvivska-uniya-1700-roku-stala-dobrovilnym-vyborom-duhovenstva-i-myryan-lvivskoy-arhyparhiy-3492/

[8] Воссоединение Киевской митрополии. Предисловие. С. 5.

[9] Йдеться про лист Вселенського патріарха Димитрія до Московського Патріарха Алексія II (1991 р.) та заяву, зроблену у Києві офіційним представником Вселенського патріарха Варфоломія I, архиєпископом Всеволодом Майданським (2005 р.).

[10] Дет. див.: Мулик-Луцик Ю. Включення Української Православної Церкви в Московський Патріархат // Релігія в історії і духовності українців. Вибрані праці Юрія Мулика-Луцика / Упорядник і наук. ред. проф. А. Колодний. К.: УАР, 2019. С. 121–145.

[11] Що це не так, див.: Документ № 134. 1685 г., июля 22. Письмо гетмана Ивана Самойловича севскому воеводе Л. Р. Неплюеву с сообщением о пересылке статей, в которых часть духовенства Киевской митрополии выражала опасения относительно введения у себя порядков Белгородской митрополии в случае признания верховной власти патриарха Московского. // Воссоединение Киевской митрополии.С. 460–461; Документ № 140. 1685 г., не позднее августа 8. Грамота митрополита Белгородского Авраамия патриарху Московскому Иоакиму с приложением копий статей с протестом киевского духовенства против перехода Киевской митрополии под власть патриарха Московского // Воссоединение Киевской митрополии. С. 476–482 та ін.

[12] Див.: Звонська Л. Грамоти Діонісія, патріарха Константинопольського, та Досифея, патріарха Єрусалимського, про передачу Київської митрополії Московському патріархату: грецький текст та зіставний аналіз староросійського і українського перекладу // Юрисдикційний статус Київської православної митрополії у 1686 році: богослівія, канонічне право та культурно-історичний контексті / За загальною редакцією проф. О. Сагана К., 2019. С. 10–47. (Lesia Zavonska. Certificates of Dionysius, Patriarch of Constantinople, and Dositheus, Patriarch of Jerusalem, about the transfer of the Kyiv Metropolitanate to the Moscow Patriarchate: Greek text and comparative analysis of the Old Russian and Ukrainian translations.)

[13] № 210. 1686 г., май. Грамота патриарха Константинопольского Дионисия IV царям Ивану V и Петру I Алексеевичам, а также царевне Софье Алексеевне о передаче Киевской митрополии под власть патриарха Московского // Воссоединение Киевской митрополии. С. 695–704.

[14] Там само. С. 700, 703.

[15] Воссоединение Киевской митрополии. С. 875–876.

[16] Документ № 158. 1685 г., октября 30. Протокол переговоров гетманских посланцев К. И. Голуба и В. Л. Кочубея, а также владыки Гедеона Святополк-Четвертинского, избранного митрополитом Киевским, с боярином князем В. В. Голицыным по вопросу о сохранении прав и привилегий Киевской митрополии, в том числе о статусе митрополита как экзарха патриарха Константинопольского // Воссоединение Киевской митрополии. С. 529–532.

[17] Комментарий к документам Константинопольского Патриархата от мая-июня 1686 г. о передаче Киевской митрополии в юрисдикцию Патриарха Московского. // Воссоединение Киевской митрополии. С. 844–894.

[18] Воссоединение Киевской митрополии. С. 874.

[19] № 194. 1685, ноября 15. Царский указ о выдаче жалованья патриарху Иерусалимскому Досифею II Нотаре // Воссоединение Киевской митрополии. С. 622–623.

[20] Комюніке Святого і Священного Синоду Константинопольської ПЦ від 11.10.2018 р. // Саган О. Н. Православна Церква України: конституювання та перспективи розвитку. К., 2019. С. 85–86.

[21] Див.: http://orthodoxia.info/news/wp-content/uploads/2018/09/final-oukraniko-1.pdf Український переклад див.: https://www.kpba.edu.ua/publikatsii/all-news/news/2638-jk.html У вступі до цих документів зазначено: «Вселенський Патріархат вважає доречним нагадати всю історичну і канонічну правду про взаємини Константинопольської Церкви з Церквою України, про що свідчать збережені офіційні документи, які, на жаль, або ігноруються, або свідомо приховуються зі зрозумілих міркувань» … «На цьому дослідженні базується вся аргументація Вселенського Патріархату, за допомогою якої спростовуються всі звинувачення Москви проти Константинополя про «вторгнення» в її канонічні єпархії. За допомогою цього дослідження, особливо з оригінальною листування, яке оприлюднюється уперше, Вселенський Патріархат підтверджує його канонічну і правову юрисдикцію в Україні та водночас доводить, що Московський Патріархат порушив правила Патріаршого і Синодального Акта 1686 р. Вселенського Патріархату, порушення яких Вселенський Патріархат через важкі умови, за яких діяв, змушений був терпіти та мовчати, але ніколи не забував і не пробачав».

[22] Див.: «Я — не «східний папа». Інтерв'ю із Константинопольським патріархом Варфоломієм // РІСУ. — 28.02.2019 / https://risu.org.ua/ua/index/monitoring/society_digest/74893 Переклад з: «Нисам «источни папа» / Политика. — 21.02.2019 / http://www.politika.rs/articles/details/423274

[23] Там само.

[24] Детальніше про цю проблему можна прочитати у збірці доповідей учасників міжнародної експертної конференції «Юрисдикційний статус Київської православної митрополії у 1686 році: богослівія, канонічне право та культурно-історичний контексті» (за редакцією проф. О. Сагана. К., 2019. 127 с.).

[25] Yevhen Nikolskyi, Oleksandr Sahan. Annexation of the Kyiv Metropolitanate by the Moscow Patriarchate in 1686: subjective preconditions and consequences // Jurisdictional Status of the Kyiv Orthodox Metropolitanate in 1686: Theology, Canon Law and the Cultural and Historical Context. K., 2019. S. 105–113.

Олександр Саган,
Людмила Филипович

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И НАУКОЙ СЕГОДНЯ

МАЙКЛ СТРИВЕНС

Профессор факультета философии в Нью-Йоркском университете

Философов науки вроде меня очень интересует, как работает наука, но мы не являемся ее частью. На самом деле **философия была изгнана из науки на несколько сотен лет** — на самом деле со времен научной революции — что не обязательно плохо. Я думаю, что **ядро науки — двигатель, который заставляет ее работать**,— это стремление выдвигать аргументы за или против различных теорий, используя исключительно эмпирические данные. В отличие, например, от философского аргумента.

Таким образом, в собственном научном рассуждении аргументы науки, логика науки, философия были полностью отброшены, и оказалось, что это очень хорошо работает. Конечно, я люблю философию. Я не хочу умалять это. Но ученый, сосредоточивший сто процентов своего времени, энергии и внимания на эмпирических доказательствах, в противоположность философским аргументам или, если уж на то пошло, религиозным аргументам, теологическим аргументам или чему-то подобному, оказался очень продуктивным. Так что для философии было хорошо отступить.

Теперь, как следствие этого, **философия была полностью вытеснена из естественнонаучного образования**. И хотя, конечно, есть ученые, которые очень философски настроены, средний ученый совсем не такой. Это хорошо, потому что это помогает ученым делать то, что они должны делать, а именно сосредотачиваться на доказательствах и не увлекаться размышлениями о философской согласованности или гармонии с большими идеями. Но это действительно означает, что в своем мышлении **ученые обычно имеют тенденцию быть несколько узкими**.

Возвращаясь к вопросу о месте философии в науке, вы могли бы переформулировать его следующим образом: **как философия помогает науке и как мы можем добиться большего?** Хотя философы науки должны действовать извне, мы можем помочь науке двумя способами. Во-первых, помогая самим ученым лучше понять, почему они занимаются наукой именно так, включая исключение философии из научных журналов и так далее. А во-вторых, мы можем помочь науке, обучая широкую публику и показывая им, объясняя им, почему наука имеет определенные особенности — иррациональность, предрассудки и аргументы, означающие очевидное несогласие во многих отношениях по поводу всего, что активно исследуется. .

Мы можем объяснить широкой публике, почему в науке есть эти аспекты. И так оно и должно быть, это наука, работающая так, как должна работать, а не наука, которая вырождается, выходит из-под контроля или захвачена особыми интересами. Так, например, наука об изменении климата привлекла некоторых скептиков извне. Ими движут не чисто объективные интересы, но тогда кто? И эти скептики смогли указать на внутренние аргументы в науке о климате, иногда

даже слегка макиавеллистскую стратегию о том, как пролить свет на доказательства, которые лучше всего поддерживают определенные взгляды, оставляя некоторые другие виды доказательств во мраке.

И для того, кто имеет представление о науке, представленной на арене совершенной рациональности и объективности, это выглядит ужасающим. Критики климатологии извне говорят:

> «СМОТРИТЕ, НАУКА НЕ ОБЪЕКТИВНА. У УЧЕНЫХ ЕСТЬ ВЗГЛЯДЫ, И ОНИ ДЕЛАЮТ ВСЕ, ЧТО В ИХ СИЛАХ, ДЛЯ ИХ ПРОДВИЖЕНИЯ».

Это может быть очень вредно, если широкая публика не ожидает ничего, кроме рациональности и объективности. Что мы, как философы, можем сделать, так это объяснить, что, хотя наука в некотором роде рациональна и объективна, не следует ожидать простого и прямого согласия по теориям и тому, что свидетельства говорят о теориях. Таким образом, мы можем помочь науке и защитить ее от общего недоверия или скептицизма.

ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ СЕГОДНЯ

Широкая публика и даже многие ученые (когда они не очень внимательно следят за тем, что они делают сами) ожидают, что у науки есть своего рода логика, которая, по крайней мере, в значительной степени подсказывает ученым, как интерпретировать свидетельства — логика, которая подсказывает вы, какие доказательства служат в пользу той или иной теории, а какие — против. Например, в нем указывается, каким будет набор измерений, показывающих, что Земля действительно в среднем нагревается. Поэтому **люди ожидают, что наука будет подчиняться той же логике, что и математика**, где все математики соглашаются, что считается доказательством **теоремы**. Вместо того, чтобы обнаружить, что мы обнаруживаем, что ученые довольно сильно расходятся во мнениях относительно значимости измерений. Кто-то скажет, что эти измерения действительно доказывают глобальное потепление, а кто-то скажет, что нет, есть много предположений, сделанных в ходе интерпретации этих измерений, которые на самом деле находятся на довольно шаткой основе.

> *Истинная логика науки — это логика, которая во многом зависит от подобных предположений, которые философы называют «вспомогательными предположениями» или иногда «вспомогательными гипотезами».*

Таким образом, предположения, которые не являются теорией, которая проверяется, и не доказательствами, которые проверяют теории, но предположения, которые необходимы для интерпретации того, что свидетельство говорит о теории. **Философы, историки и социологи науки обнаруживают, что научные мнения об этих предположениях сильно различаются**, потому что часто не хватает доказательств, чтобы

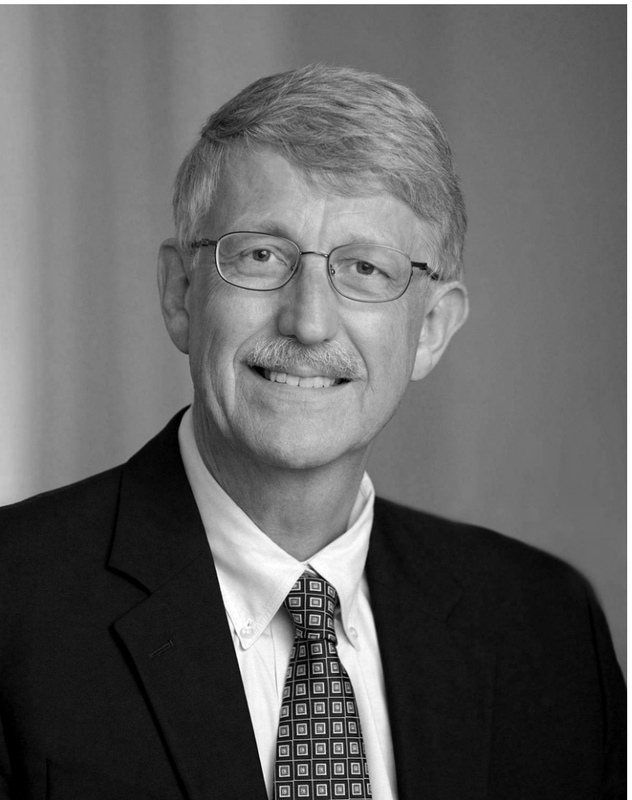

доказать правду одних или ложь других. Фактически, все эти ученые в определенном смысле логичны; они интерпретируют свидетельства в свете этих вспомогательных предположений. Они часто приходят к разным выводам о значимости доказательств. Суть в том, что **логика науки намного более субъективна — в том смысле, что она зависит от субъективных мнений отдельных ученых — чем обычно считается широкой публикой**. Я не хочу сказать вам, в чем именно состоит логика, но я думаю, что это самая важная вещь в логике науки, которую мир в целом должен знать.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

Это серьезный вопрос, и, вероятно, самый полезный ответ, который я могу дать, — это тот, который фокусируется на том, что я считаю одним из самых важных различий в науке, между официальными публикациями записей — такими вещами, как журнальные статьи и конференции в некоторых областях, документы, которые подлежат очень строгому контролю, и все остальное. Когда я говорю **«все остальное»**, я включаю

Карл Гуса Фрэнсис Коллинз, руководивший проектом «Геном человека»

в себя **популярную книгу, которую мог бы написать ученый**, или **телеинтервью**, которое они могли бы дать, или подобное интервью, или **интервью подкаста**, например, **радиоинтервью**, что-нибудь в этом роде, где они выступают, с миром в целом, а также **неформальные беседы**, которые ученые проводят со своими коллегами.

> *Дело в официальных источниках — здесь парадигма — это статья, опубликованная в научном журнале — в том, что они подчиняются строгому требованию, согласно которому в аргументацию должны входить только эмпирические данные.*

Это то, о чем я говорил раньше — например, **никаких философских соображений, никаких теологических соображений. Это правило регулирует то, что пишут в журналах**. Между тем, для ученого нормально написать популярную книгу о том, как наука дает нам доказательства существования Бога, как это сделал несколько лет назад **Фрэнсис Коллинз, руководивший проектом «Геном человека»**. Так что это нормально, если вы придерживаетесь правил, когда пишете в журналах.

В то же время в журналах есть определенные предписания по представлению доказательств, которые очень объективны, правила проведения статистического анализа и так далее. И это требует, чтобы вы вычислили различные величины, я думаю, что, вероятно, наиболее известными и наиболее распространенными являются вычисление так называемого p-значения, когда вы выполняете проверку нулевой гипотезы. Я не буду об этом долго говорить. Все очень строго регламентировано. Однако, несмотря на эту регламентацию, то, что я сказал ранее, действительно применимо. Вы не можете смотреть на эти очень тщательно рассчитанные числа и видеть, что свидетельства говорят вам о теории. **Вы должны внести эти дополнительные предположения, которых обычно нет в журнальных статьях. Они находятся в головах ученых, но если вы хотите узнать, что на самом деле думают ученые**, вам нужно спросить их не для протокола.

Это длинный ответ, но я хочу сказать одну вещь, чтобы собрать все воедино и показать, насколько важно это различие.

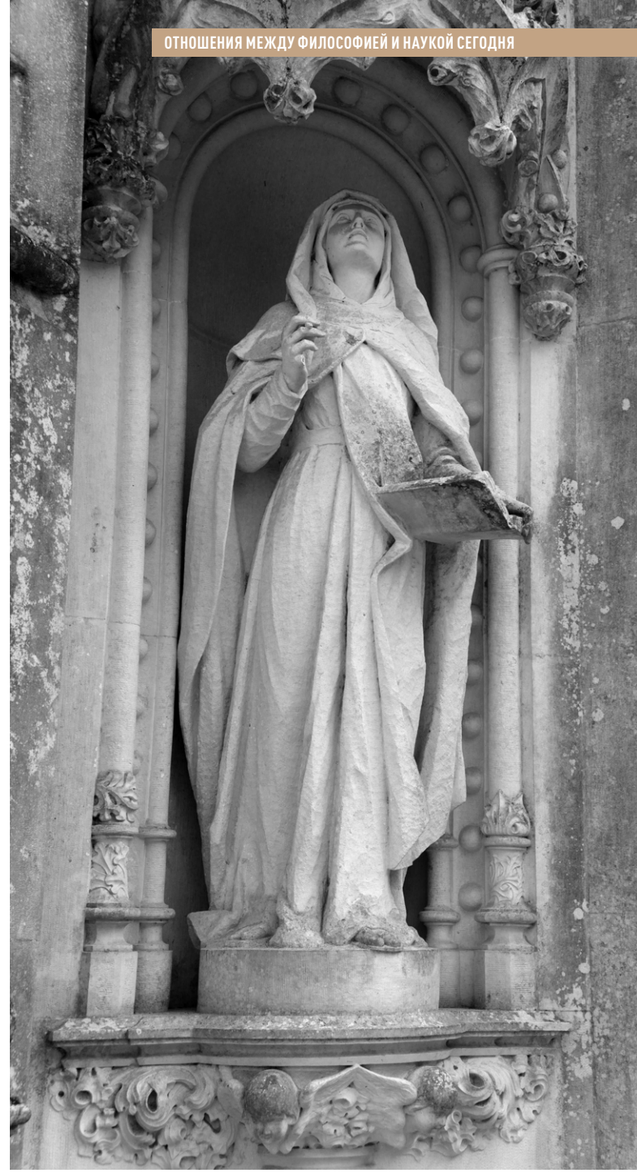
> *Если вы просто хотите увидеть доказательства и представить их как можно более объективно, вы идете в научные журналы. Но если вы хотите знать, какие предположения используются для интерпретации этих доказательств, вы не можете обращаться к журналу, вам нужно обратиться к ученым каким-то другим способом.*

Это может быть вопрос разговора с ними, во время такого интервью, или даже просто в частной беседе по электронной почте или что-то еще. Но без этого вы не получите полного представления о том, что думает какой-либо конкретный ученый о том, что показывают нам доказательства — независимо от того, касаются ли обсуждаемые идеи об изменении климата, теории струн или о чем-то еще.

КАК ОТЛИЧИТЬ ИСТИННЫЙ ИСТОЧНИК ОТ ЛОЖНОГО

Это очень сложная проблема. С одной стороны, если вы смотрите научные журналы, вы читаете материал, который подвергся тщательной проверке и в отношении которого соблюдается множество правил. (Хотя вы, конечно, никогда не можете полностью полагаться ни на что. **В журналах есть ошибки — в математических журналах есть много доказательств, в которых явно есть ошибки**. А затем в научных журналах доказательства могут быть такими, как ученые иногда говорят: «**немного почистили**».) Тем не менее, **журналы являются относительно надежным источником**. **Для всего остального — все намного сложнее**. Предположим, вас интересует, что говорят сами ученые, поэтому мы даже не думаем, скажем, о репортажах в газетах,

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И НАУКОЙ СЕГОДНЯ

научных журналах, онлайн-энциклопедиях или чем-то подобном, а просто читаем книги и смотрим интервью самих ученых. Вы обнаружите разногласия. У ученых разные взгляды на то, что свидетельства говорят об их теориях, потому что у них разные предположения.

Что вам нужно сделать, если вы действительно собираетесь разобраться в этом разногласии, так это выяснить, что это за предположения, выяснить, почему какой-то конкретный ученый считает, что определенный вид измерения не столь показателен, как многие другие ученые считают это так. Что их беспокоит? А для этого требуется огромный объем работы. На самом деле

неразумно ожидать, что обычные люди будут выполнять такую работу. Итак, что нам нужно, так это какой-то дополнительный уровень интерпретаторов для выполнения этой работы. Это то, что мог бы сделать научный репортер газеты или МГЭИК, орган ООН, созданный для интерпретации данных об изменении климата для всех нас.

Одним словом, это сложная проблема. Мы не сможем сделать это сами, если не будем иметь дело с некоторыми проблемами, в которые мы глубоко вовлечены. Поэтому **нам нужно не только выделять надежные источники в самой науке, но и надежные источники о науке, используя то, что люди называют практической мудростью**.

ЛОГИКА ПОИСКА, КЛАССИФИКАЦИИ И ВЫБОРА НАДЕЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ

Предположим, вас интересует, что происходит в науке об изменении климата, в науке о COVID или, если уж на то пошло, в теории струн или генной инженерии. Так что вы сами не ученый, вы не философ науки, у вас нет особого образования. С чего начать искать надежные источники? Я думаю, что ответом для большинства людей должна быть хорошая, ответственная научная журналистика, опубликованная в местах, которые дают научным журналистам время изучить вещи в контексте, поговорить с учеными и заняться тем, о чем я говорю, изучать предположения, лежащие в основе различных выводов ученых.

Не думаю, что у меня есть особые представления о том, как распознать лучшую научную журналистику. Хотя думаю, что справлюсь. Но я считаю, что это правильный источник для большинства людей. Я говорил об органе ООН, который интерпретирует результаты научной работы по изменению климата. Они выпускают отчеты, которые может прочитать обычный человек. Но у обычного человека может не быть времени читать эти отчеты. Так что им действительно нужен кто-то другой, чтобы прочитать эти отчеты для них и подвести итоги. Я предположил, что это та же проблема, которая возникает при получении достоверной информации о чем-либо сложном. Нам нужна качественная журналистика, и мы должны уметь определять ее, когда мы ее видим.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И КАЧЕСТВО НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ

Я не специалист по этим базам данных. Думаю, я склонен им доверять. Как философ науки я включился в сеть других философов науки и ученых, и я могу быть уверен, что услышу о возникающих проблемах. Здесь я полагаюсь на экосистему. Точно так же, как обычный человек полагался бы на экосистему хорошей журналистики, я полагаюсь на экосистему моих коллег, но должен признать, что у меня нет никаких конкретных проверок, которые я выполняю. Я полагаюсь на эффективность мельницы слухов, где мельницей слухов управляют люди, которым я доверяю.

Кстати, то же самое применимо — это небольшое отступление, но оно имеет отношение ко многому из того, о чем мы говорили,— к научным результатам в целом. Каждый ученый, с которым вы разговариваете, скажет, что одни лаборатории заслуживают большего доверия, чем другие. Для некоторых, если они его опубликуют, они, вероятно, провели эксперименты правильно и ошибок не было. В других лабораториях — ну мало ли. Итак, эти знания основаны на многолетнем опыте ученых в отношении работы, которая проводится в их специализированных областях, но только в их специализированных областях. Остальным из нас, кто в какой-то степени полагается на эту работу, нам нужно поставить себя в положение, при котором мы слышим такую болтовню. Те из нас, кто работает в университетской сети, могут слушать, потому что у нас есть коллеги, которые являются специалистами, о которых идет речь. Широкая публика, конечно, на один шаг дальше от этого.

ВЛИЯНИЕ ВИКИПЕДИИ И ДРУГИХ ПОДОБНЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ НА НАУКУ И ОБРАЗОВАНИЕ

Подобные ресурсы в сети сильно различается. Некоторые из них отличные,

а некоторые совсем не очень надежные. В науках я видел очень мало ненадежных. Некоторые из них бесполезны, а некоторые превосходны. Так что в целом я бы сказал, что система экспертной оценки **Википедии** работает довольно хорошо с точки зрения надежности, если не всегда с точки зрения удобочитаемости.

Но для этого требуется определенная бдительность. Это похоже на прогулку по улицам Нью-Йорка в былые времена, когда было много преступлений.

> *Вы всегда должны осознавать, что происходит вокруг, и осознавать, что что-то могло пойти не так. Вам нужна некая бдительность.*

А как насчет влияния на науку и образование? Для кого-то вроде меня **Википедия** может быть весьма полезной. Мне бы никогда не понадобилась **Википедия** по моей специальности, то есть по философии науки, да и, по сути, в какой-либо области философии, потому что она не входит в достаточное количество деталей и необходимую степень глубины. Но поскольку я философ науки, мне часто нужно очень быстро узнать, что происходит в какой-то науке, о которой я очень мало знаю. И в этом я нахожу, что, пока я сохраняю эту бдительность, это весьма полезно. И я **призываю своих студентов — теперь обращающихся к образованию — использовать сетевые энциклопедии, но осторожно. Википедия — не единственное, но, вероятно, один из лучших источников**. В целом, я считаю, что это хорошо, и рад, что данный ресурс существует.

ВЫВОДЫ

Мы не так много говорили об источниках дезинформации, но, возможно, все мы знаем ответ на этот вопрос. И в любом случае, это не моя специальность. Но есть много хорошей информации. **Вы должны понимать ее пределы, быть осторожными и иметь друзей — например, научных журналистов — вам нужны друзья, которые могут действовать как посредники между вами и огромным количеством информации, которую необходимо знать.**

Для кого-то вроде меня есть много хороших источников, к которым я могу очень надежно подключиться. Но очень беспокоит то, что люди, которых я знаю, которые умны и заинтересованы в понимании того, что происходит в мире, **могут быть пойманы плохими или вводящими в заблуждение источниками, обычно управляемыми через Интернет, которые сбивают их с пути**. Я не знаю, как решить эту проблему, кроме как, как их друг, отговорить их от этого.

Майкл Стривенс

АВТОРИТЕТ АВТОРА И ПРИОРИТЕТ ИСТОЧНИКОВ: ДЕЛО АЛАНА СОКАЛА

БЕРНАРДО АТТИАС

Доктор, профессор кафедры коммуникационных исследований Калифорнийского государственного университета (CSUN). Его исследовательская деятельность базируется на культурологических подходах к изучению коммуникации. В своей философии преподавания он делает акцент на интерактивность и навыки критического мышления, разрабатывая уникальные и сложные учебные материалы, интегрирующие новые технологические ресурсы в образовательный процесс.

ГАРАНТИРУЕТ ЛИ АВТОРИТЕТ АВТОРА ДОСТОВЕРНОСТЬ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ?

Дело Алана Сокала было, безусловно, одной из первых вещей, которые пришли в голову в качестве ответа на данный вопрос: учёный, используя ложную информации в безукоризненном изложении и опубликовав это в авторитетном рецензируемом издании, намеренно нарушил процесс экспертной оценки и динамику доверия к академии. Таким образом он хотел изгнать политику из мира науки.

В академических кругах ожидается, что мы в определенной степени полагаемся на доверие, а процесс экспертной оценки не сводится к проверке фактов как таковой. Это не похоже на журналистику, где есть люди, которые обучены искать факты, проверять, убеждаться в их достоверности, которые обучены проверять источники и тому подобное. Когда люди рецензируют статьи в академических кругах, мы часто задаем четыре вопроса:

1. Правильно ли резюмировано цитируемое здесь исследование? Правильно ли используются специализированные термины, точно ли повторяются выводы исследования, точно ли автор сообщает об экспертном консенсусе в данной области и т.д.
2. Упускает ли автор какие-либо важные области уже опубликованных исследований?
3. Достоверно ли само исследование? Правильно ли было проведено исследование, логичны ли выводы, логичны ли аргументы и т.д.
4. Вносит ли исследование вклад в выбранную область?

Вот вопросы, которые мы задаем как рецензенты.

Если я рецензирую статью в своей области исследований коммуникации, а кто-то пишет об исследованиях коммуникации в определенной области, о которой у меня мало информации — например, если они пишут о коммуникации в криминологии, например,— я не криминолог, у меня нет опыта в криминологии, и у меня действительно нет опыта, чтобы определить, верны ли конкретные приведенные факты. Например, действительно ли произошли определенные исторические события в день, указанный в исследовании? Правильно ли написаны имена собственные? Автор что-нибудь выдумывает? Рассказывает ли автор только одну сторону истории? Я как рецензент вынужден доверять автору, что эти факты точны, и оцениваю его статью на основе этих других критериев. И даже те вопросы, которые я бы задавал о моей собственной области, если автор занимается междисциплинарными исследованиями, я могу не знать, например, если они неадекватно обобщили консенсус ученых по конкретному выводу о криминологии.

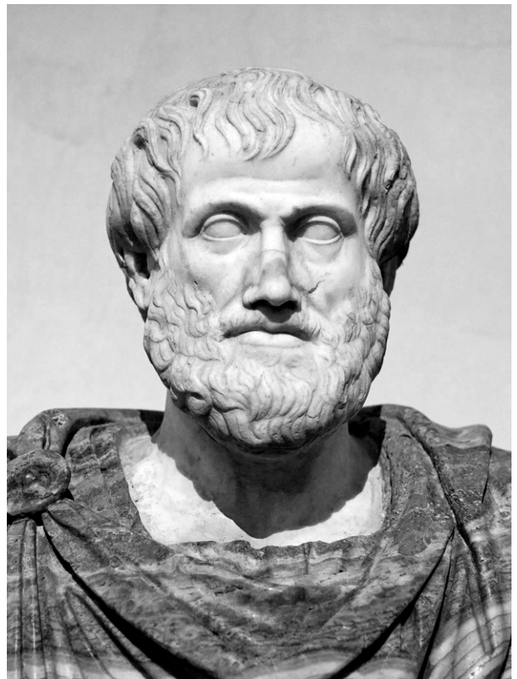
Таким образом, процесс экспертной оценки не обязательно исключает ложную информацию. **Дело Сокаля** — отличный пример того, как ученый, чтобы поймать редакторов журнала «со спущенными штанами», так сказать, намеренно использовал ложную информацию и сформулировал статью таким образом, что его высказывание звучало как законный аргумент. **Лично я действительно читал эту статью и обнаружил много ошибок в процессе рецензирования в этом конкретном журнале**. Я думаю, что они сделали большую ошибку, приняв эту статью, даже не имея научных знаний, чтобы понять некоторые из ее утверждений. Оглядываясь назад, я думаю, что междисциплинарный журнал должен предпринимать больше попыток привлечь к процессу обзора ученых, обладающих опытом во всех областях соответствующие поля. Процесс рецензирования, конечно, слепой, поэтому нет возможности узнать наверняка, но я предполагаю, что журнал не запрашивал рецензии от каких-либо профессиональных физиков в отношении этой статьи. Если бы они это сделали, рецензент с большей вероятностью мог бы обнаружить неточности (и действительную недобросовестность) в этой статье. Но это другой вопрос.

Проблема здесь возникает из-за того, что кто-то нарушает эту динамику доверия; на самом деле это социальный, а не научный вопрос.

> *Вопрос научного авторитета сам по себе является вопросом социальности: кто дает людям авторитет и на каких основаниях им дается авторитет?*

Журналы ожидают, что ученые будут добросовестно представлять статьи; что они будут участвовать в таких исследованиях честно с прозрачными научными намерениями, а не заниматься своего рода политической игрой в «попался», как это происходило с профессором Сокалом.

Мой бэкграунд — это коммуникативные исследования, в частности, мой опыт в риторике. А в классической риторике мы на самом деле смотрим на вопросы власти. Если вернуться, например, к **Аристотелю**, он учил, что в публичных выступлениях есть три формы доказательства, которые он называл этосом, пафосом и логосом. **Логос**, конечно, был рациональностью или разумом: взвешивание фактов и аргументов и прочие такого рода вещи. **Пафос** был призывом к эмоциям. А этос интерпретировался как авторитет. На самом деле, для греков этос означает характер. Характер говорящего был частью того, что люди использовали, чтобы оценить, было ли то, что оратор говорил, правдой, или нет. Были ли они убеждены говорящим? Естественно, характер может быть основан как на репутации спикера, так и на присущих конкретному публичному выступлению качествах. Так что один оратор может звучать более убедительно, чем кто-то другой. **Аристотель** предупреждал еще тогда, что этос на самом деле является самой мощной формой доказательства. При этом, как мы с вами знаем, **Аристотель твердо верил в разум, в силу логоса**. Но, тем не менее,

он чувствовал, что этос был тем доказательством, которое действительно убеждало людей. Он говорил, что **существует неотъемлемая опасность в том, что люди могут использовать свой авторитет неэтичным образом** (буквально, без этоса). Некоторые философы того времени, особенно **Платон**, опасались, что риторический опыт придаст смелости неэтичным риторам, дав им инструменты, чтобы загрязнять общественный дискурс, заставляя **ложные вещи казаться правдой, а истинные — ложными**. [1]

Кейс Сокала является своего рода крайним примером того, как ученый намеренно нарушает процесс доверия, действуя недобросовестно. Итак, что я хотел бы сделать с вопросом конференции, так это изменить его. Вместо того чтобы спрашивать: гарантирует ли авторитет автора точность научной информации, я хотел бы спросить, повысит ли репутация автора точность и научность информации, ее **авторитетность**. Последние годы в некоторой степени изменили ситуацию, будь то из-за увеличения важности публикаций а затем избытка информации, в котором мы находимся, будь то возрастающая трудность поиска вещей, их проверки и так далее; или же политический климат действительно приводит к таким вещам, как «**Дело Сокаля**», которое само по себе было политически мотивированным. Хотя, я думаю, будет справедливо сказать, что, несмотря на то, что оно было подано недобросовестно, ученый, вероятно, полагал, что его «попавшееся» сообщение было своего рода корректирующим вмешательством, которое разоблачит неэтичную, по его мнению, практику журнала.

Хотя можно обсуждать справедливость кого-то, как намерения Сокаля, и в самом деле есть что-то сказать о роли «шутника» в академическом дискурсе, тем не менее бесспорно, что это вмешательство нарушило академический процесс и пустило корни недобросовестности, что вызывает определенное недоверие. Нет никаких сомнений в том, что мы наблюдаем растущую политизацию научных и социальных исследований по всем направлениям. Это особенно проблематично, если вы посмотрите на такие области, как климатология или половое воспитание, а также на другие темы, которые все чаще становятся частью сферы государственной политики.

> *Подводя итог, можно сказать, что здесь много проблем, но одна из вещей, которая изменилась, заключается в том, что в политической сфере мы видим, что все больше и больше людей полагаются на что-то вроде этоса, который обычно понимается как репутация или, возможно, даже «хорошее настроение» оратора или писателя.*

Например: «Я доверяю этому человеку, потому что он заставляет меня чувствовать себя так же, как я». Вот почему мы снова и снова слышим, как люди голосуют за кандидатов и т.д. Я думаю, что это во многих отношениях ставит телегу впереди лошади. Может быть, я испытываю ностальгию по чему-то, чего никогда не существовало, но могло быть время, когда эта репутация и этот авторитет были установлены благодаря репутации точных или хорошо зарекомендовавших себя научных или социальных исследований.

Позвольте мне вкратце коснуться противоречия между тенденцией данной области требовать метрики и ответа на вопрос «почему ваша репутация растет». Нам нужен какой-то коллективно согласованный способ оценки этой репутации (и этого этоса), будь то приз, награда или что-то еще. Но нам нужны какие-то метрики, с которыми люди согласятся, потому что если мы собираемся сказать: **«Хорошо, этот человек теперь является авторитетом в этой области», то на каком основании мы принимаем такое решение?** Во многом это просто соглашение между членами группы. Но предположительно, это соглашение на чем-то основано. Итак, мы ищем данные показатели, но напряжение в том, что они затем становятся своего рода контролем. И тогда процесс контроля начинает жить собственной жизнью. Существует

такой остаток установленной власти, который профессор **Финкенауэр назвал «сетью старого доброго парня»**. Такая сеть укрепляет себя, а затем удерживает других людей. И следствием этого, как мне кажется, является то, что доктор Крейс поднял в терминах языка:

> ЭТА ЧАСТЬ ПРОБЛЕМЫ — ПРОСТО ВОПРОС СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ЯЗЫКА, КОТОРЫЙ РАЗВИВАЕТСЯ С ТЕЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ, И ЛЮДИ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В ЭТУ ГРУППУ, МОГУТ БЫТЬ НЕ ПРИЧАСТНЫ ИЛИ НЕ ПОНИМАТЬ АСПЕКТЫ ЭТОГО ЯЗЫКА.

И снова дело Сокаля, я думаю, это отличный пример. Он был физиком, а журнал вообще не занимался физикой. Помню, в то время я шутил с друзьями:

> *«Что было бы, если бы мы отправили фальшивую статью в физический журнал?».*

Это действительно вопрос специализированного языка. Я полагаю, что люди из комитета по обзору статьи Сокаля сказали:

> «НУ, Я НЕ ПОНИМАЮ ЗДЕСЬ ФИЗИКУ, НО, КАЖЕТСЯ, ОНА НАПИСАНА ХОРОШО. ОН ПРИНИМАЕТ ФОРМУ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СТАТЬИ, КОТОРАЯ БУДЕТ ПРИНЯТА. ПОЭТОМУ МЫ ДОЛЖНЫ СКАЗАТЬ «ДА».

Это явно было проблемой, в то время журналу было неловко.

Но есть и другой аспект этой проблемы — это **дезинформация, преднамеренное вмешательство**. И это происходит все чаще и чаще. Это своего рода хитрый стиль. Я думаю о **Сауле Алинском**, когда это была журналистика, которая сейчас заражает

большую часть американского политического дискурса: вы заставляете кого-то говорить что-то вне контекста или делать что-то вне контекста, чтобы их смутить. [2] И это, кажется, происходит все чаще и чаще.

Я вспоминаю недавний академический скандал, возникший под влиянием дела Сокаля, когда трое аспирантов написали по крайней мере 20 фальшивых статей со сфабрикованными данными и сумели добиться того, чтобы несколько из них были приняты в научные журналы. Это похоже на скандал, упомянутый в Украине, когда ученые разослали в журналы сотни статей, которые были поддельными. Как и Сокал, они рассматривали свою деятельность как перформативную критику того, что они называли «**исследованиями жалоб**», и их подход, очевидно, был смоделирован после вмешательства Сокаля (на самом деле, полностью являлся производным от него).

Интересно, что на этом они пытались заработать себе академическую репутацию. Они подумали:

«ХОРОШО, МЫ СДЕЛАЕМ ЭТО И ВЫСТАВИМ ЖУРНАЛЫ ЗА ДУРАКОВ ИЛИ ЧТО-ТО В ЭТОМ РОДЕ, И ТОГДА ЭТО ПОМОЖЕТ НАМ ПОЛУЧИТЬ РАБОТУ В АКАДЕМИИ».

И это как-то поразило меня, потому что я подумал: если что-то должно свидетельствовать об академической нечестности на действительно высоком уровне, я не могу представить, чтобы нанять кого-то, кто готов попытаться опубликовать что-то таким нечестным образом. Если они будут собирать данные, чтобы поиграть в «попался», как мы можем быть уверены, что они не будут подставлять данные в более серьезные исследования? Это что-то вроде «вау, это чокнутый!» и действительно указывает на возрастающую напряженность, с которой нам придется столкнуться во многих различных областях. И я думаю, что свидетельством растущей политизации и поляризации академической работы является то, что вместо того, чтобы подвергнуть «героев» резкой критике как наглое нападение на допущение добросовестности, лежащее в основе научной деятельности, некоторые ученые фактически похвалили эти вмешательства.

ПРИОРИТЕТ ИСТОЧНИКОВ И САМООЦЕНКА МЕЖДУ НИМИ РОЛЬ ЭКСПЕРИМЕНТОВ: ЧТО, ЕСЛИ ФАКТЫ ПРОТИВОРЕЧАТ НАУКЕ? УКАЗЫВАЮТ ЛИ ПОДОБНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА НЕНАУЧНОСТЬ ПРЕДЫДУЩИХ ВЫВОДОВ?

Одна вещь, которая, как мне кажется, является общей для этих примеров — рассказывание историй. С точки зрения моей области коммуникативных исследований, я считаю, что это большая проблема для науки в нынешнюю эпоху. Дело не в самой науке, а в необходимости донести до публики, что означает наука или, например, что означает эксперимент, который привел к тому или иному результату — такого рода общение стало более трудным, чем когда-либо прежде. И отчасти это было труднее, чем когда-либо прежде, потому что за вами закрепились голоса из разных сфер, которые действительно хотят изменить разговор. **Программа Scared Straight, приведенная доктором Финкенауэром**, является прекрасным примером. Я вырос на этой программе, и я помню, как в старших классах люди шутили над этим. Это было почти похоже на кампанию «**скажи нет наркотикам**», когда всем казалось забавным, что кто-то верил, что это действительно сработает. И люди, которые, как предполагается, были нацелены на программу, знали, что на самом деле она не работает — вероятно, еще до того, как наука подтвердила это.

Но, конечно, у вас есть твердые голоса тех, кто построил институт на основе этой программы. Они не хотят потерять программу, финансирование и т.д. Они борются с научными выводами, которые к ним

привели. А затем они используют любые разногласия или даже что-то, чего они не понимают или что, как им известно, публика не понимает в науке.

Прекрасным примером является то, как связанный с коронавирусом доктор Энтони Фаучи в Соединенных Штатах подвергался критике со стороны определенных политических лагерей, потому что, возможно, однажды он сказал: «О, вам не нужно носить маску», а затем позже он сказал: «Вам нужно надеть маску». За это время многое могло измениться. Возможно, данные изменены. Возможно, вирус стал более серьезным и распространился еще больше. Отчасти проблема даже не в этом; когда мы говорим о коронавирусе, проблема не только в том, что люди не понимают науки. Кажется, они даже не понимают математики. Это не просто вопрос науки — мы говорим об экспоненциальном росте чисел, что является основной математической проблемой.

Но снова люди говорят: «Ну, он сказал раньше, что нельзя носить маски, а теперь он говорит, что нужно носить маски. Он должен знать, о чем он говорит, или, может быть, ему платят демократы». Или приплетают какую-либо другую теорию заговора, которую они связывают с этим. То, что они делают — это своего рода использование этого научного недопонимания или неспособности ученых эффективно донести до общественности значение своих результатов. И люди используют это, потому что у них другая повестка дня.

Другой пример — **это 2006 год и разговор об изменении климата: так называемый «Климатгейт»**. Произошло то, что некоторые российские компьютерные хакеры нашли массу электронных писем и обнародовали их, электронные письма между климатологами, а также другими учеными. Они говорили то, что люди могли бы сказать в частных беседах, которые, по их мнению, останутся конфиденциальными, о том, что происходит в политике в этой области и т.д. Хакеры раскрыли эти электронные письма, и люди использовали их в качестве доказательства для утверждения, что не было изменения климата. По сути, они говорили:

«ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА — ЭТО ОБМАН, И ВОТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, ПОТОМУ ЧТО ЭТИ УЧЕНЫЕ СПОРЯТ ДРУГ С ДРУГОМ, СПЛЕТНИЧАЮТ И БОЛТАЮТ».

Это стало доминирующим нарративом дня в прессе об изменении климата: что все эти климатологи на самом деле лгут, что, должно быть, продолжается какой-то заговор. И сами климатологи потратили недели, чтобы отреагировать на все это. Тем временем в глазах общественности выстраивалось повествование об изменении климата, которое начало рассматривать всех этих ученых-климатологов как лжецов, мистификаторов и т.д. А потом, когда сами ученые получили официальный ответ, было почти слишком поздно — повествование уже было написано и структурировано вокруг этого, и поэтому публика на него реагировала. В конце концов, шесть различных оценочных институтов, которые просмотрели эти электронные письма, пришли к выводу, что никаких манипуляций наукой не происходило. Это было что-то вроде разговоров обычных людей, просто не было чем-то, что влияло на науку, когда они искажали данные. Но к тому времени, когда появилась вся эта информация, было уже слишком поздно, по крайней мере для той группы людей, которые хотели не верить науке. [4]

Мы совершенно определенно наблюдаем то же самое с коронавирусом прямо сейчас: как люди воспринимают то, что происходит

в научном сообществе, все эти разногласия. И, кстати, мы видели это ранее с теорией эволюции видов. К сегодняшнему моменту наука эволюции довольно хорошо обосновалась; эволюция видов — это факт. Фактически вся современная биология построена на реальности эволюции. Если эволюция ошибочна, многие другие вещи, в которые мы верим в биологии, также будут ошибочными. Но, конечно, у нас есть группа людей, называемых креационистами, которые хотят бросить вызов эволюции. Они не думают, что эволюция согласуется с Библией. Что они делают, например, они находят недавнее научное исследование, которое показывает, что то, что мы когда-то думали об эволюции между двумя конкретными видами, больше не соответствует действительности, и этот эксперимент показывает, что убеждение было ложным. Креационисты улавливают это небольшое научное разногласие по поводу особенности эволюции и убежденно говорят, будто это показывает, что ученые не согласны по поводу эволюции — так что, возможно, разумный замысел прав, прав креационизм. И опять же, это своего рода пропагандистская кампания. Они рассказывают другую историю, потому что у них есть скрытая цель.

Их цель не в том, чтобы найти истину. Их цель — продвигать креационизм, или продвигать науку против изменения климата, или что-то еще. И, в конечном итоге, одна из проблем заключается в том, что в научных исследованиях предполагается: **мы ведем беседу, чтобы найти истину и расширить наши знания**. Но, к сожалению, этот разговор прерывают люди, у которых другая повестка дня. Их цель не обязательно состоит в том, чтобы найти истину; вместо этого их цель — доказать иное. **Они уже пришли к выводу, и вместо того, чтобы желать ошибиться, если они увидят доказательства, противоречащие этому выводу — они будут искажать все, что существует, чтобы продвинуть вывод, который они хотели продвинуть в любом случае.**

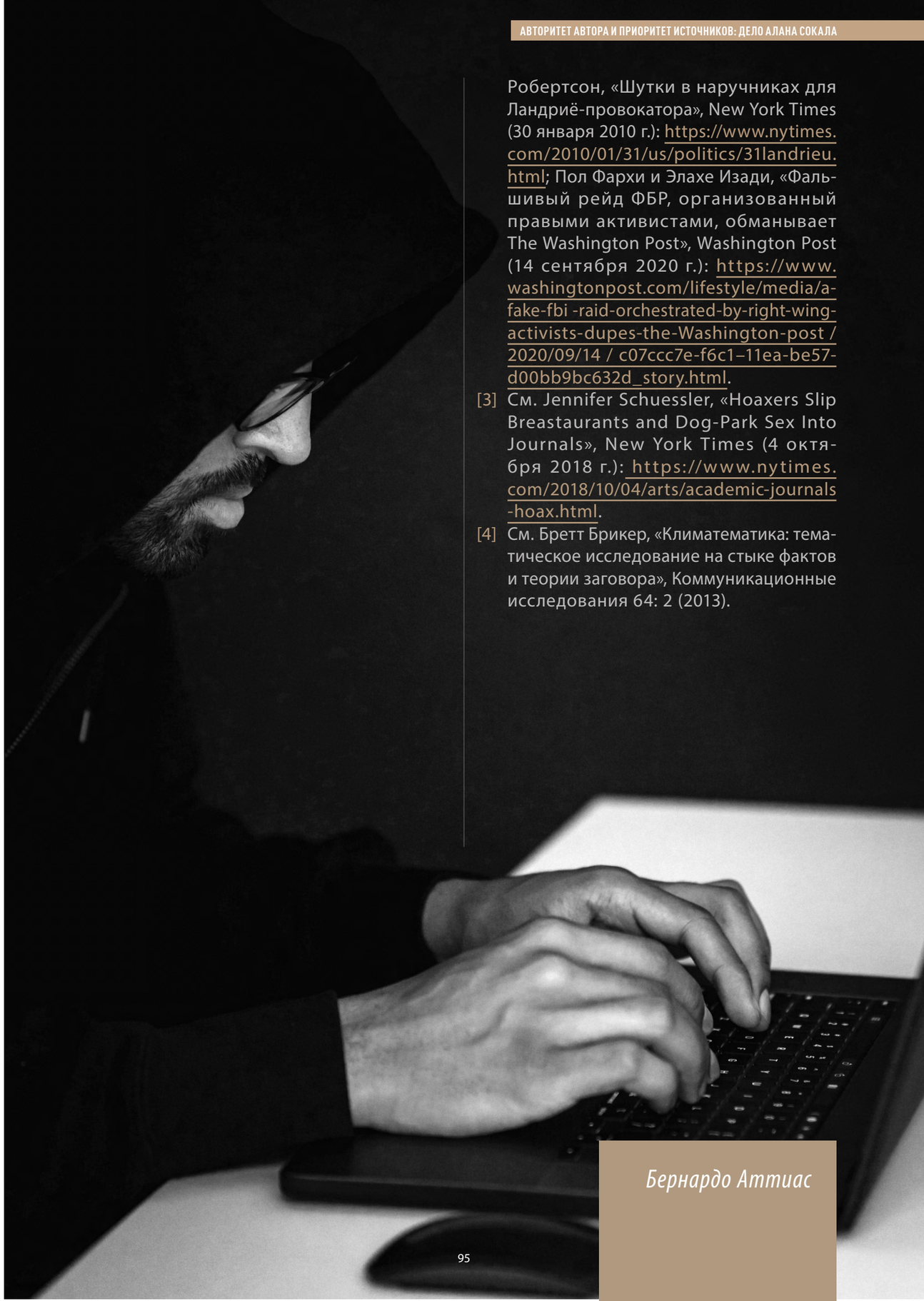
ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Хорошо известно, что Аристофан критиковал софистов в Древней Греции за то, что они учили, как сделать более слабый аргумент более сильным, а более сильный — слабым. Хотя этот комментарий был истолкован как означающий, что софисты учили студентов обманному ремеслу, вопрос прогресса с течением времени состоит в том, что обученные риторы могут приводить аргументы, которые ранее считались слабыми, а теперь считаются более сильными. Социальные изменения, согласно этой интерпретации, требуют такого риторического вмешательства. См. Джон Пулакос «К софистическому определению риторики», Философия и риторика 16: 1 (1983). Несколько иная, хотя и связанная с этим интерпретация утверждает, что риторическое образование предлагает обучение «более слабым» социальным классам, которое может сделать их аргументы более сильными в политической системе, чтобы помочь им обрести власть. См. Aakash Singh Rathore, Plato's Labyrinth: Sophistries, Lies, and Conspiracies in Socratic Dialogues (London and New York: Routledge, 2018): 112.

[2] Саул Алинский, конечно, предложил эту тактику как вмешательство в публичную сферу со стороны левых политических сил, но в последнее время они были приняты наиболее заметно (и наиболее разрушительно в политике США) правыми политиками, которые, кажется, процветают на внимание средств массовой информации, включая Джеймса О'Кифа и Джейкоба Вола. См. Саул Алинский, Правила для радикалов (Нью-Йорк: Винтаж, 1971); Джим Рутенберг и Кэмпбелл Робертсон, «Шутки в наручниках для Ландриё-провокатора», New York Times (30 января 2010 г.): https://www.nytimes.com/2010/01/31/us/politics/31landrieu.html; Пол Фархи и Элахе Изади, «Фальшивый рейд ФБР, организованный правыми активистами, обманывает The Washington Post», Washington Post (14 сентября 2020 г.): https://www.washingtonpost.com/lifestyle/media/a-fake-fbi -raid-orchestrated-by-right-wing-activists-dupes-the-Washington-post / 2020/09/14 / c07ccc7e-f6c1–11ea-be57-d00bb9bc632d_story.html.

[3] См. Jennifer Schuessler, «Hoaxers Slip Breastaurants and Dog-Park Sex Into Journals», New York Times (4 октября 2018 г.): https://www.nytimes.com/2018/10/04/arts/academic-journals-hoax.html.

[4] См. Бретт Брикер, «Климатематика: тематическое исследование на стыке фактов и теории заговора», Коммуникационные исследования 64: 2 (2013).

Бернардо Аттиас

БАЛКАНИЗАЦИЯ НАУЧНОГО АВТОРИТЕТА

ЭНДРЮ МАРК КРЕЙТОН

Аспирант факультета семиотики и культурных исследований Тартуского университета

«БАЛКАНИЗАЦИЯ — ПРОЦЕСС РАСПАДА ГОСУДАРСТВА ИЛИ ФЕДЕРАЦИИ, СОПРОВОЖДАЕМЫЙ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ФРАГМЕНТАЦИЕЙ ВНОВЬ ОБРАЗОВАННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ, КОТОРЫЕ ВСТУПАЮТ В КОНФЛИКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДРУГ С ДРУГОМ ВПЛОТЬ ДО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ».

Важность конференций, подобных Международной конференции «Проблемы оценки источников в науке и смежных областях», имеет первостепенное значение в эту эпоху массовых и социальных сетей. Доступность данных, информации и знаний в наше время привело к созданию обществ и культур, в которых участники, по-видимому, имеют тесные отношения с наукой. Например, было бы справедливо предположить, что большинство взрослых, подключенных к Интернету, будут знать, что такое ген, они будут знать об Эйнштейне и теории относительности, а также о молекулярных структурах многих веществ, например, воды как H2O. Однако в эти времена также наблюдался подъем псевдонаучных или даже антинаучных движений и групп. Здесь я **специально сосредоточусь на возможных причинах того, почему теории заговора и псевдонаука стали преобладать в обществе**.

В этом эссе я надеюсь проиллюстрировать некоторые из условий, которые связаны с созданием псевдонаучных и антинаучных форм знания. Я в основном сосредоточусь на потере научного авторитета из-за балканизации. Другими словами, я считаю, что, по крайней мере, для широкой публики, наука больше не является единственным авторитетом. Однако, чтобы полностью изучить это явление, мне потребуется значительно больше страниц, чем разрешено здесь. Итак, я буду специально утверждать, что эта потеря централизованной власти проистекает из более пристального взгляда на науку через средства массовой информации и социальные сети, **непонимания науки как процесса среди широкой общественности**, а также институционализации наук, приведенных здесь на примере эволюционной психологии, не имеющей надежных научных методологий. Отмечу, что это отчасти сыграло роль в сегментации популяций в их лояльности к науке, будь то наука академии или, скорее, псевдонаучные практики и взгляды. Хотя я должен признать, что все аргументы в этом эссе будут краткими и несколько поверхностными обзорами этих тем. Однако мои намерения здесь не в том, чтобы продемонстрировать всю степень, в которой наука рассматривается в социальном плане, а в том, чтобы проиллюстрировать некоторые аспекты и проблемы, касающиеся более широкого социального понимания науки в нашу современную эпоху.

ИТАК, ПОЧЕМУ ТАКИЕ ВЕРОВАНИЯ ТАК РАСПРОСТРАНЕНЫ?

> *Относительно легко обвинить плавающие признаки, такие как глупость или безумие.*

Под этим я подразумеваю, что возникает соблазн воздержаться от аналитического взгляда на то, почему такие убеждения так широко распространены, и вместо этого отвергнуть их как результат ошибочного ума или группы умов. Однако, возможно, более плодотворным ответом было бы то, что **способность науки выдвигать себя в качестве авторитета истины и лжи подвергается сомнению, и, что, возможно, что более важно, ей трудно позиционировать себя как авторитет в области правильного и неправильного в моральном смысле**. Согласно социологу Степану Мештровичу (1997), который черпает вдохновение из традиций Эмиля Дюркхайма и Жана Бодрийяра, коллективное сознание и бурное развитие западных обществ были раздроблены. Этот раскол вызван крупными делегитимизирующими событиями, такими как убийство Джона Кеннеди и его последующие отложенные похороны, а также война во Вьетнаме, оба из которых создали неправильное отношение к государству, которое привело к балканизированному обществу (Мештрович в основном говорит о США и в меньшей степени о Канаде и Великобритании). Однако сами эти события нельзя полностью обвинить в балканизации, скорее, главным компонентом этого раскола общества была трансляция этих жестоких событий по телевидению. Другими словами, люди не только смогли узнать об этих трагедиях в совокупности относительно близко к событиям, но они смогли увидеть изображения и фильмы этих трагедий. Следовательно, неудачи американского правительства в этих случаях были очевидны до невиданной ранее степени, и граждане смогли оценить эти ситуации и вынести по ним свои собственные оценочные суждения. Согласно Мештровичу (1997), это было началом конца объединенных США, поскольку централизованная власть больше не могла легитимировать себя, когда ее недостатки были так широко открыты для всеобщего обозрения; что эмоциональная травма и абсурд, вызванные этими событиями, разрушили эмоциональное единство (бурное возбуждение) и общие нормы (коллективное сознание) нации. Я считаю, что похожая ситуация может быть сказана в отношении науки в наше время. С появлением Интернета и расширением коммуникаций, видимость науки в настоящее время, ее прошлые недостатки и этические проблемы, возможно, могут привести к подрыву научного авторитета.

Наука — это процесс, по крайней мере в принципе, и ее попытки понять мир влекут за собой пробы и ошибки, наряду с созданием теорий и утверждениями о мире, которые можно проверить. **Фактически, ученые могут сделать успешную карьеру, ошибаясь в своих гипотезах, поскольку это позволяет понять, чем мир не является**. Однако что происходит, когда беспорядок науки извлекается из лаборатории / поля / класса и демонстрируется публике? Недавняя ситуация с covid-19 — отличный пример того, что может произойти. Как все мы знаем, эта пандемия и попытки смягчить воздействие вируса различными учреждениями привели к серьезным социальным проблемам и проблемам со здоровьем. Это также привело к потере авторитета учреждений общественного здравоохранения в Соединенных Штатах и Канаде (возможно, и во многих других странах, однако я не имею права предъявлять претензии в этом отношении). Намеки на это можно увидеть, например, в разделах комментариев на YouTube (любое видео по теме от CNN или CTV, вероятно, послужит хорошим примером) или на страницах сайтов заговора, в которых компетентность врачей и медицинских исследователей критикуют за их неспособность быстро создать вакцину или за противоречия в отношении предложенных и реализованных мер по охране здоровья и безопасности, касающихся

социального дистанцирования и ношения защитного снаряжения (Tangherlini, 2020). Другой пример может быть связан с ростом протестов и социальных движений, которые частично предлагают дезинформацию о вирусе, процедурах и мерах, реализованных в качестве попыток смягчить пандемию. Хотя этих протестующих и комментаторов более или менее меньшинство, они довольно громко заявляют о себе, и их антинаучные и псевдонаучные послания преобладают в различных формах социальных и интернет-медиа (Papakyriakopoulos et al, 2020; Zuckerman, 2019).

Наличие этих взглядов может частично объясняться многими этапами, которые проходят ученые, пытаясь лучше понять covid-19 и его отношение к широкой публике.

Пытаясь понять коронавирус, исследователи-медики, врачи и ученые-медики часто не соглашались друг с другом, предлагали противоречивые советы и меняли свои рекомендации и информацию о вирусе (Martin et al, 2020). Эту **неопределенность и изменяющуюся информацию следовало ожидать, наука — это процесс, который включает в себя процесс исключения**, и это в значительной степени трюизм, который следует воспринимать как само собой разумеющееся для ученых. **Однако для широкой публики, у которой не было большого академического опыта в науке, эти несоответствия между медицинскими профессиями могут означать некомпетентность и безответственность.** Неспособность ученых справиться с серьезным явлением в области здравоохранения, которое привело к миллионам инфекций и более чем 1 миллиону смертей, новости о которых транслировались через Интернет и телевизионные СМИ, среди прочего, формируют исключительно широкую аудиторию, похоже, экологичны для Мештровича, дающего примеры JFK и американо-вьетнамской войны. Таким образом, этот пробел в легитимности позволил теоретикам заговора и популистской политике использовать недостатки медицинского истеблишмента для создания дискурса, в котором эти недостатки или сами вирус и его презентации в СМИ являются продуктом или ошибками медицинского истеблишмента и правительств — как часть гнусного заговора, направленного на контроль общества.

Наука в ее институционализированной форме для тех, кто следит за теориями заговора, стала неявной при использовании этой пандемии в качестве разрушительной силы, в то время как **сторонники теории заговора и популисты смогли получить и распространить свой собственный дискурс о науке, создавая свой собственный авторитет в этом вопросе**. **Однако виновата и неспособность науки обучать широкую общественность основным процессам научных исследований и исследований**. Как утверждали многие ученые, академические или нет, а также широкие круги общественности, **академики и ученые слишком закрыты от общественности**. Расхожее выражение «башня из слоновой кости» является таким популярным термином в английском языке именно по этой причине. **Как можно ожидать, что человек, не имеющий опыта в науке, сохранит свою веру в авторитет науки, когда им кажется, что исследователи терпят неудачу в реальном времени на телевидении или на потоковых сайтах?** Более того, широко известно, что неэтичное и даже злое поведение можно найти в истории научного опыта. Соединенные Штаты Америки против Карла Брандта и др. дела на Нюрнбергском процессе, исследование сифилиса Таскиги и исследование пола Джона Мани, которые привели к самоубийству его субъекта,— это лишь некоторые из крайних примеров того, как наука уходит на неэтичные основания. Такие случаи относительно широко известны, и информация о них легко доступна через онлайн-источники, будь то через Википедию, веб-сайты, посвященные истории, или блоги о заговоре. Следовательно, средний человек, вероятно, сможет цитировать информацию, касающуюся деструктивных научных практик, и обычно получает эту информацию всего в нескольких «кликах» мыши. Таким образом, по мере того, как широкая публика становится все более

Карл Брандт

осведомленной о научной деятельности и истории, а также испытывает недостаток понимания в отношении реальных научных процессов, **ученый в целом может больше не рассматриваться как личность, стремящаяся к строгому пониманию мира**, но (в худшем случае) как неадекватный шарлатан, совершающий неэтичные злодеяния. Таким образом, способность институционализированной науки поддерживать свой авторитет подрывается из-за возбуждения, из-за массовых болезней и смертей, связанных с коронавирусом, и зверств, связанных с прошлыми этическими проблемами, в то время как коллективное сознание еще больше размягчается общими усилиями (общественность не может участвовать в научных ритуалах, т.е. не понимает, как работает научный процесс или этические протоколы).

Однако это не единственные проблемы науки, поскольку наука, кажется, в некотором смысле делегитимизирует себя. Социальные психологи Шон П. ван Валкенбург (Shawn P. van Valkenburgh, 2018) в исследовании женоненавистнической онлайн-группы, входящей в более широкую коллекцию субкультур, в просторечии называемую «маносферой», обнаружили, что эволюционные психологические теории используются для обоснования и структурирования женоненавистнических и упрощенных представлений о женщинах и половых отношениях. Философ биологии Джон Дюпре (2012) критикует эволюционную психологию, утверждая, что она неспособна с ее нынешней методологической структурой понять социальный мир, и, следовательно, ее утверждения являются псевдонаучными. Однако, как показывает работа ван Валкенбурга, эволюционная психология имеет значительное влияние в субкультурах маносферы и, как утверждает Дюпре, на широкую публику. Согласно Дюпре (2012), эволюционная психология способна узаконить себя, апеллируя и позиционируя себя в рамках эволюционной биологии и психологии, хотя она не принимает во внимание методологическую строгость, присущую ее «родительским» областям; вместо этого используется умозрительный подход, основанный на устаревших представлениях об эволюции и ее связи с человеческим поведением. Таким образом, эта перспектива может сочетаться с легитимирующими способностями биологии и психологии, не имея при этом законных методов изучения реальности.

Эволюционная психология способна выступать в качестве научного направления, оказывая влияние не только на женоненавистнические субкультуры, но и на общество в целом, создавая искусственные дебаты, поскольку социально-психологические и социологические исследования отношений, подкрепленные эмпирическими исследованиями, противопоставляются спекуляциям и ненаучным методам на равных основаниях с точки зрения широкой общественности. Если применить здесь Мештровича, можно отметить дальнейшую **балканизацию** научного авторитета, поскольку аллегории эволюционной психологии, обнаруживаемые в маносфере, и ее влияние на общество в целом создают перспективу гендерных и половых отношений, которая необоснованна в рамках эмпирических исследований, но является легитимной на

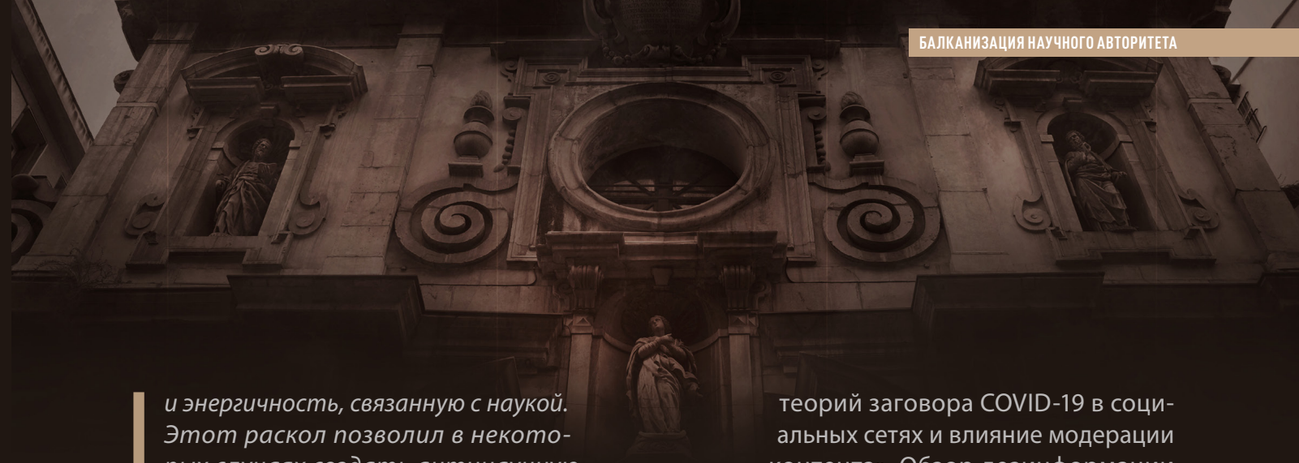
уровне упомянутых эмпирических исследований для групп, следующих эволюционной психологии. **Последствиями этого являются широко распространенные представления о спекуляциях, ошибочно представляемых как наука, которые противоречат реальным научным исследованиям и открытиям**. Таким образом, научный авторитет раздвоен между законными науками и псевдонаукой, каждый спорно проводит свое собственное коллективное осознание и «вспенивание».

Возвращаясь к Дюпре (2012): как уже было сказано, он утверждает, что эволюционная психология неправильно понимает объект своего исследования и то, какие методы следует использовать для изучения людей и их поведения. В частности, эта ветвь психологии рассматривает человечество, которое исключает влияние оценочных суждений, эмоций и более широких социальных отношений на индивидуальное и групповое поведение и их понимание своего мира. Эта редукционистская перспектива преподносится как «объективная», как попытка взглянуть на реальность такой, какая она «есть». Однако это чрезвычайно проблематичная точка зрения, поскольку Дюпре (2012) утверждает, что оценочные суждения и социальные отношения являются частью мира, они существуют в действительности так же, как биологическая или психологическая система.

Таким образом, эволюционные психологи, вместо того чтобы понимать важность эмоций, оценочных суждений и социальных отношений в изучении социального мира, видят мир таким же механистическим образом, как это сделали бы химик или физик. Однако **люди — это не просто физические и химические явления, и они не являются чистым продуктом инстинктов, выработанных еще в каменном веке. Скорее, они способны переписать или преодолеть биологически врожденные инстинкты, будь то из своих личных намерений или посредством социализации; интерпретация людей без учета личных и социальных влияний приведет к глубокому неправильному пониманию человеческого поведения**. Объективность в этом смысле искажается, понимание естествоиспытателем объективного мира и того, как его изучать, не должно объединяться с изучением социального и культурного мира. Хотя это общеизвестно среди социологов и ученых-гуманитариев, а также среди естествоиспытателей, общественное понимание объективности по отношению к различным областям науки и стипендий не зависит от их собственных исследований и опыта исследователей. Следовательно, для представителей широкой общественности может быть легко отклонить различные типы наук, если они знакомы только с очень ограниченным пониманием объективности и методов исследования. Это, в свою очередь, может вызвать раздражение у представителей таких областей, как эволюционная психология, поскольку и**х непонимание того, как рассматривать объективность по отношению к их области исследований, не только создает редукционистское понимание людей, но и усложняет учения социальных наук, которые позволили бы широкой публике иметь более компетентное понимание того, как объективность соотносится с социальными науками по сравнению с естественными науками**. Таким образом, это создает возможность делегитимации науки, а также еще больше подрывает авторитет науки и балансирует широкую публику между научным пониманием объективности и псевдонаучным пониманием.

Приняв во внимание вышеизложенное, хотя оно и представляет собой лишь краткий анализ лишь нескольких вопросов, на которые наука имеет законное право, я считаю, что работа Мештровича, используемая здесь в качестве «голой модели», позволяет понять, как антинаучный и псевдонаучный дискурсы узакониваются.

> *Плохое понимание научных процессов и этических протоколов среди широкой публики, а также преобладание научных ошибок и неэтичных практик в различных формах средств массовой информации делегитимизировали науку, разрушив коллективное сознание и энергичность, связанную с наукой. Этот раскол позволил в некоторых случаях создать антинаучную риторику и теории заговора, как это видно в отношении текущей ситуации с коронавирусом.*

Более того, аналогичные тенденции можно увидеть в отношении эволюционной психологии, поскольку эта перспектива, рассматриваемая как наука в глазах широкой публики, противоречит законным научным усилиям, сбивая с толку понимание объективности, размягчая эмпирические исследования, а также предлагая, казалось бы, научные знания, на которых основываются женоненавистнические взгляды, как вкратце упоминалось о «маносфере». Последствиями всех этих явлений являются балканизация науки, смешение легитимности и создание среды, в которой могут развиваться антинаучные и псевдонаучные взгляды.

РЕКОМЕНДАЦИИ:

- Дюпре, Дж. (2012) Процессы жизни: Очерки философии биологии. Лондон: Издательство Оксфордского университета.
- Мартин Г. П., Ханна, Э., Маккартни, М., и Дингуолл, Р. (2020) «Наука, общество и политика перед лицом неопределенности: размышления о дискуссии о закрытии лица для общественности во время COVID-19», Критическое общественное здравоохранение, 30 (5). doi. org/10.1080/09581596.2020.1797997 (дата обращения: 5–11–2020).
- Мештрович, С. (1997) Постэмоциональное общество. Лондон: Sage Publications.
- Папакириакопулос, О., Медина Серрано, JC, и Гегелих, С. (2020) «Распространение теорий заговора COVID-19 в социальных сетях и влияние модерации контента», Обзор дезинформации Гарвардской школы Кеннеди (HKS), 1 (Спецвыпуск о COVID-19 и дезинформации). Доступно по адресу: doi. org/10.37016/mr-2020–033 (дата обращения: 10–11–2020).
- Тангерлини, Т. Р. (2020) «Автоматизированный конвейер для обнаружения нарративных структур заговора и теории заговора: Bridgegate, Pizzagate и повествование в сети», PLoS One, 15 (6). doi: 10.1371 journal.pone.0233879 (дата обращения: 5–11–2020).
- Ван Валкенбург, С. П. (2018) «Переваривание красной таблетки: мужественность и неолиберализм в маносфере», «Мужчины и мужественность». doi: 10.1177 / 1097184X18816118 (дата обращения: 5–11–2020).
- Цукерман, Э. (2019) QAnon and the Emergence of the Unreal. Journal of Design and Science, (6). doi. org/10.21428/7808da6b.6b8a82b9 (дата обращения: 11.10.2020).

Эндрю Марк Крейтон

ЭТИКА НАУКИ И «ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ»

ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ

Действительный член УАН, председатель Совета молодых ученых и ведущий научный сотрудник Института психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины, ассоциированный профессор Национального медицинского университета им. А. Богомольца, член Американской психологической ассоциации и Всемирной федерации психического здоровья

«ПЛАТОН МНЕ ДРУГ, СОКРАТ МНЕ ДРУГ, НО ИСТИНУ СЛЕДУЕТ ПРЕДПОЧЕСТЬ»

Мартин Лютер, «О порабощенной воле»

Роль, миссия и социальное значение науки не просто отличаются от эпохи к эпохе. Мы можем быть уверены в том, что эпохи дифференцируются лишь потому, что наука уже не вмещается в привычном формате общества и, поэтому, создает его новую форму.

Как идеальное образование наука создает реальное. И, пройдя, классическую, неклассическую и постнеклассическую модели науки, а по сути, поочередно идеализируя то точную организованность, то вероятностность и прогнозируемость, то, ныне, нелинейность, невозможность прогноза и случайность, мы сталкиваемся с извечным вопросом ученого и исследователя **«что есть истина»**. Но в ответ нас переадресуют к вопросу того **«что есть наука?»**, ответа не последует, или будет банальщина, далее прозвучат вопросы:

- «кто есть ученый?»
- «сколько нужно иметь статей?»
- «ваша монография входит в категорию A, B, C?»
- «вы по старым требованиям или по новым?»

Последний вопрос в Украинской науке задается с приходом практически каждого нового министра, особенно постреволюционных. И так, казалось бы, создается новая форма, но новая эпоха в науке не наступает. Такие изменения не приводят к качественным скачкам в развитии науки, появлению и признанию научных открытий. Не понятно, как можно сохранять или создавать традиции в постоянно меняющейся системе координат.

Ученый оказывается в ситуации необходимости мониторить не изменились ли требования к профессорству, защите кандидатской и вложиться в сроки «тех самых заветных старых требований».

Почему оказывается невозможным остановиться в постоянном изменении требований к количеству статей, шрифту текста, оформлению работ и всего прочего … Почему чья-то идеалистичная впечатлительность наукометрией превращается в функцию Закона, причем, как показывают многие исследования и отчеты

Солидные ученые в странах, где ученый (извините за повторения) не имеет статус «бюджетника», но при этом поддержка научных исследований является государственной политикой, а не просто содержанием тысяч людей, которые вмиг могут оказаться безработными, действительно, рано или поздно, имеют высокие наукометрические показатели. Но успех и продуктивность этих ученых никак не связаны с самой наукометрией, но исключительно с их научным потенциалом и адекватными ему возможностями.

Но впечатленные идеалисты и прагматичные товарищи создают, таким образом, инфантильную генерализацию — обобщая только измеряемые результаты науки с топовостью ученого и его наукометрические показатели. Все что не входит в формулу, попадает в **«Прокрустово ложе»** и мы оказываемся вынужденными, с одной стороны, обесценить опыт, который не вписывается в придуманные министерством рамки, но на котором выросли поколения ученых нашей страны и нашей научной традиции, а с другой стороны быть вынужденными «дотянуться», простите, «растянуться» в этом «прокрустовом ложе» до идеализированных наукометрических показателей.

Такая генерализация соответствует в большей степени **мифологическому и церковному мышлению «подражания святым», а отсюда путь к манипуляциям, выкачке денег и бесконечному несоответствию**. Говорят, что так борются с нечестными учеными… говорят …

Зрелая наука всегда отличается сохранностью методологии и традиций, честными и объективными исследованиями и понятными требованиями, которые не меняются в ночь, и в это ее этика. Постоянно меняющиеся требования, бесконечная смена идеалов, придумывание новых благ, как и бесконечное требование (обсессия) новых требований это, не что иное, как вечное морализаторство, а значит, незрелость. **И так наука приходит к своему кризису, поскольку уходит от понимания своей этической природы** (я сейчас не про биоэтику исследований, не про плагиат) в номенклатурную.

> *И последнее, что должно стать первым. Удивляет молчание профессиональных, академических, университетских сообществ.*

ЭТИКА НАУКИ И «ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ»

ОЦЕНИВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ И ТЕКУЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

ЭНРИКЕ САНЧЕЗ КОСТА

Доктор, директор проекта Culturahistorica.org, профессор Пьюрского университета (Перу)

Проект был начат моим отцом, профессором раннемодерной истории в Барселонском университете, в 2009 году. Он **посвящен распространению культур и концентрируется на том, как культура представлены в медиа, в художественных фильмах, литературе, искусстве, комиксах и так далее**. Все шаги истории на этих носителях запечатлены нами, мы создали целые списки исторических новелл и фильмов. Это некоммерческий проект, и он имеет две стороны: академическую (более 1000 текстов мы предоставляем ученым о всех видах исторических тем) и персональную. Сейчас хотим с помощью нашего растущего проекта достичь как можно большего количества обычных людей, ведь история дает нам понять, кто мы есть. Я работаю в полном спектре гуманитарных наук, и по моему опыту, людей больше всего интересует именно история.

> *На мой взгляд, проблемой является то, что огромное число второстепенных источников затмевает в настоящее время первостепенные.*

Джордж Стайнер, которого я очень люблю как ученого и который ушел от нас год назад, посвятил одну из своих книг «**вторичному городу**», полному паразитических источников. Даже в византийский период, говорит он, ученым недоставало креативности, все время они говорили о прошлом и давали комментарии на комментарии — они не изобрели ничего! Гуманитаристика изо всех сил старается остаться наукой, и тем она поймана в циклическую ловушку: пытается имитировать науку. Нынешние книги по философии могут быть хуже книг Аристотеля. У этих текстов очень мало читателей. В психологии, медицине, экономике положение дел разное, разумеется.

Нам нужно больше сконцентрироваться на первичных источниках. Почему столько текстов по «Дон Кихоту», например, и так мало людей читают оригиналы? Мы должны встречаться с оригиналами, а не вовлекаться в их обсуждение! Я должен сам рисковать подвергнуться трансформации этим эстетическим творением — например, могу смотреть фильм Тарковского, и это будет трансцендентный опыт. Но если я только читаю комментарии на комментарии, я просто нагромождаю перед собой барьеры к трансформации себя.

Гарантирует ли авторитет автора, что источник надежный? Часто это скорее авторитет издателя. Если это **Оксфорд, Кембридж, Пирсон Эдьюкейшен — все эти издательские дома как бы дают гарантию**. Наиболее престижные работают как фильтр. Я могу не соглашаться с тем, что в них написано, но по крайней мере эти работы являются важными и интересными, люди не пытаются говорить ни о чем.

Есть определенные критерии, которые могут помочь нам понять, надежный ли источник: первое это издатель, и второй — где работает автор. Мы знаем, что может быть плохой профессор в хорошем университете, и может быть хороший профессор в университете плохом — это вопрос удачи. Но чаще всего они, как по мне, просто гении, эти профессора из хороших университетов!

Может ли литература использоваться как источник в историческом академическом исследовании?

По правде говоря, разница между историей и литературой не столь ясна. История не только политическая или социоэкономическая, существует гораздо больше сфер. История это не только структуры и факты, но также и люди, живущие свою жизнь, чувствующие, работающие, переживающие ежедневные события. История делается не только завоевателями или великими промышленниками, это всегда множественность целей и интерпретаций. По этой причине литература является великолепным ресурсом! Читая **письма Цезаря**, великого римского политика, мы можем больше понять о поздней Римской империи, чем изучая его юридические работы. **«Песнь Орландо»**, французская средневековая поэма, дает нам не меньшее представление чем исторические труды, или **«Опыты» Монтеня**, в которых упоминается каннибализм на Карибах, или **«Декамерон» Бокаччо** о том, как флорентийцы переживали чуму… Литература, а не статистика — вот с помощью чего мы понимаем дух эпохи! Но это не дилемма, мы не должны выбирать, нам просто следует использовать оба источника.

> *Джейн Остин, Чарльз Диккенс — это равный исторический документ об индустриальной революции в Англии, из которого мы многое можем узнать: как люди жили, любили и думали.*

Что делает человека ученым, каковы критерии, чтобы человека считали таким?

Человек, привлеченный знанием, который любит учиться и делиться полученным знанием — да. Но также он должен его и создавать: если человек только читает, но не может извлечь мудрость из всех этих книг, то он не ученый. Должна быть не только пассивная исследовательская часть, но и активная — приумножать знания.

Историки пытаются понять фактическую историю Испании, например, 17 века: какие источники должны быть в приоритете для него? О, это часть «золотого века»: **Сервантес** («Дон Кихот» появился в 1615 году), **Кальдерон**, **Лопе де Вега**… **Искусство Веласкеса, Сурбарана** — поедьте в музей Прадо в Мадрид, вы уясните многое для себя о том времени! Также, конечно, важно ознакомиться с экономическими и финансовыми регистрами, книгами записи рождения и смертей …

> *Хороший историк в состоянии объединить много источников из разных сфер.*

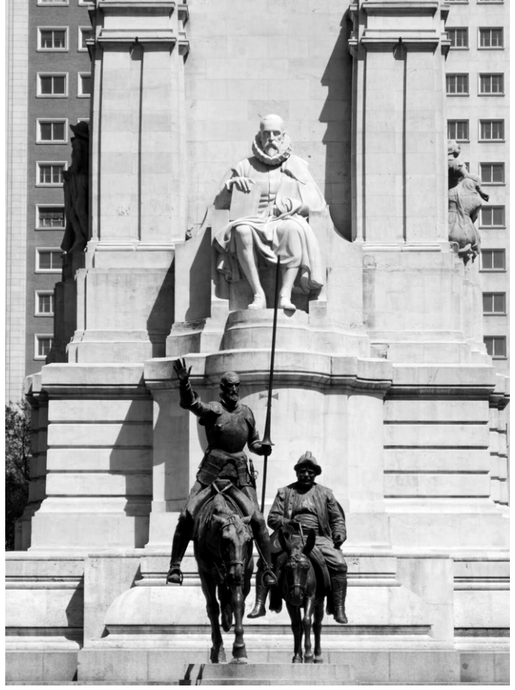
Важнее ли текстовых визуальные источники?

Они просто чудесны, с середины 19 века у нас есть фотография, потом кино — **если хотите понять нацистскую Германию, просто посмотрите «Олимпию» Лени Рифеншталь** 1937 года, необычайно талантли-

вый и идеологизированный кинодокумент эпохи. Точно так же, как **«Броненосец Потемкин» Сергея Эйзенштейна** для России. Если говорить, о давних временах, римский император **Октавиан Август** использовал образы на монетах, в скульптурах — сотни его скульптур существует в Средиземноморье, там он всегда здоровый и намного красивее, чем он был в жизни. **«Энеида»** была заказана им Вергилию, чтобы промоутировать себя… Этот правитель начал первым платить артистам, чтобы продвигать имперские идеи.

Другой пример — Вьетнамская война. Что это — сухая статистика или фото мертвых солдат, возвращающихся в США, сожженной напалмом маленькой девочки, убегающих людей, драматическая книга фотографий? В Европе несколько лет назад была проблема иммиграции — и посмотрите, сколько фото маленького мальчика, умирающего на пляже острова Лесбос, сделало для сознания людей. Это спорный вопрос, как мы должны управляться с иммигрантами, но фото наделало много шуму и произвело огромный сдвиг в сознании. Искусство создать незабываемые образы, которые останутся присутствовать в памяти всегда — бесценно. Я не приуменьшаю значение цифр или счисляемых вещей, но я просто указываю на то, что образы тоже необычайно важны. **В Испании мы говорим: «одна картинка скажет 1000 слов»**. Это чаще всего правда.

> *Свободные энциклопедии, которые все больше и больше ученых используют как стартовую точку для исследования, являются не рецензируемыми, информация в них очень «текучая», поэтому профессора не сильно их рекомендуют, как не «твёрдый» источник.*

Я с ними не согласен. Конечно, есть ограничения, но ты должен уметь ею пользоваться, и тогда она будет чрезвычайно полезной — как для студентов, так и для преподавателей. Откуда мы узнаем о вещах, о которых не знаем вообще ничего? Из Википедии. Это как первый шаг, он никогда не может быть окончанием. Если я встретил в книге имя украинского князя, я первым делом обращусь к Википедии! Это окно, дверь, которое связывает нас со всем разнообразием знаний. Ведь статьи сопровождаются рекомендациями по чтению, последовав за которыми, исследователь может пойти дальше. Конечно, есть две типа статей в Википедии: вокруг одних ведется политическое соревнование, как вокруг Франко в Испании или Ленина в России — но когда вы ищете не слишком полемизированные темы, то можете вполне полагаться на представленную даже в википедийных статьях информацию.

Энрике Санчез Коста

О «ПРОФЕССИИ ИСТОРИКА»: ИСТОРИОГРАФИЯ КАК НАУЧНАЯ ПРАКТИКА

МАРИЯ БАРИЛЛА (ИТАЛИЯ)

Исследователь, историк, политолог, писатель

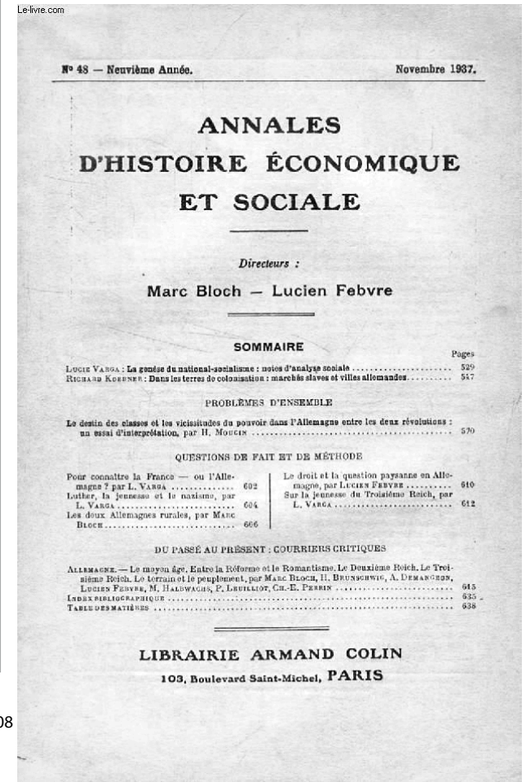

16 июня 1944 года недалеко от Лиона, пятьдесят семь лет назад родился Марк Блок, возможно, один из величайших историков XX века. Там же он был и убит немцами: его схватили солдаты гестапо под командованием Клауса Барби («палача Лиона»). Поспешная казнь Блока, которая произошла в местечке под названием «Les Roussilles», недалеко от Сен-Дидье-де-Форман (в нескольких километрах от Лиона по дороге в Треву), стала заключительным актом драматического периода заключения в Монлюке, в крепости, где он неоднократно подвергался пыткам.

В 1929 году вместе со своим коллегой и соратником Люсьеном Февром Блок, в то время профессор истории средневековья в Страсбургском университете, основал журнал **«Annales d'histoire économique et sociale»**, который сразу стал важным ориентиром в историографическом мире. Так как он принадлежал к эльзасской семье еврейского происхождения, то начало Второй мировой войны, оккупация Франции нацистской Германией и установление коллаборационистского режима Виши, воплощенного маршалом Филиппом Петеном, стали для него настоящим переломным моментом. В результате он бросил университет. Так как он был евреем, его отстранили от преподавания, а затем «за исключительные научные услуги, оказанные Франции» восстановили на должности. Несмотря на это, Блок вскоре решил уйти в подполье. Фактически в 1943 году он присоединился к сети Фран-Тирёра французского Сопротивления, и был арестован гестапо именно из-за своего воинственного духа.

В послевоенный период среди бумаг Марка Блока была найдена рукопись под названием **«Apologie pour l'histoire ou Comment et pourquoi travaille un Historien»**. Она так и осталась незаконченной работой, потому что это был труд, над которым работал Блок, когда его арестовали.

Несмотря на это, Люсьен Февр в 1949 году решил опубликовать эту рукопись под названием «Apologie pour l'Histoire ou Mètier d'historien». В 1993 году Этьен Блок, старший

Le-livre.com

N° 48 — Neuvième Année. Novembre 1937.

ANNALES
D'HISTOIRE ÉCONOMIQUE
ET SOCIALE

Directeurs :
Marc Bloch — Lucien Febvre

SOMMAIRE

Pages

Lucie Varga : La genèse du national-socialisme : notes d'analyse sociale 529
Richard Koebner : Dans les terres de colonisation : marchés slaves et villes allemandes 547

PROBLÈMES D'ENSEMBLE

Le destin des classes et les vicissitudes du pouvoir dans l'Allemagne entre les deux révolutions : un essai d'interprétation, par H. Mougin 570

QUESTIONS DE FAIT ET DE MÉTHODE

Pour connaître la France — ou l'Allemagne ? par L. Varga 602
Luther, la jeunesse et le nazisme, par L. Varga 604
Les deux Allemagnes rurales, par Marc Bloch 606
Le droit et la question paysanne en Allemagne, par Lucien Febvre 610
Sur la jeunesse du Troisième Reich, par L. Varga 612

DU PASSÉ AU PRÉSENT : COURRIERS CRITIQUES

Allemagne. — Le moyen âge. Entre la Réforme et le Romantisme. Le Deuxième Reich. Le Troisième Reich. Le lorrain et le peuplement, par Marc Bloch, H. Brunschwig, A. Demangeon, Lucien Febvre, M. Halbwachs, P. Lehalleur, Ch.-E. Perrin 615
Index bibliographique 635
Table des matières 638

LIBRAIRIE ARMAND COLIN
103, Boulevard Saint-Michel, PARIS

сын Марка Блока, отредактировал публикацию второго издания, дополнив этот труд фрагментами из двух неопубликованных и отредактированных Февром рукописей его отца, на которые не обратили внимание в издательстве.

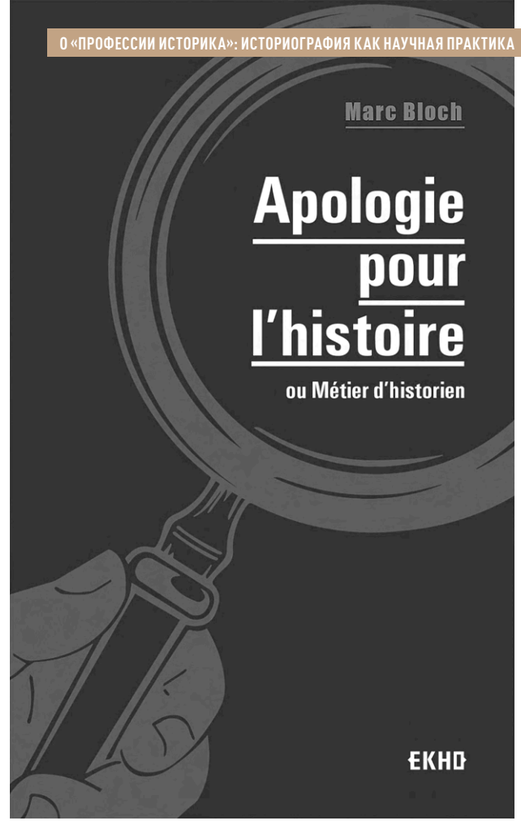
Как настоящее духовное завещание Марка Блока, это эссе стало классическим, основополагающим трудом среди других методологических трактатов, которые рассматриваются в исторических исследованиях. Этот труд до сих пор бесспорно считается Библией историков, своего рода vademecum (карманный путеводитель) «профессии историка».

Поэтому я начала своё краткое размышление, посвященное профессии историка, именно с Марка Блока и его золотого эссе.

«Наука о людях с течением времени», так Марк Блок определяет историю, или точнее сказать, историографическую практику [1]. В этом определении содержится основная сущность профессии историка в том смысле, который позволяет найти ответы на вопросы, которые лежат в основе этой профессии.

Собственно, что именно является объектом изучения истории? Блок, рассматривая историю как гуманистическую дисциплину par excellence, отвечает следующим образом: что объектом истории являются «люди во времени». Это выражение имеет огромный смысл: с одной стороны, сделан акцент на людях во множественном числе, а не на человеке как абстрактной сущности [2]; и, с другой стороны, содержится ссылка на «время». В целом автор подчеркивает первостепенную роль хронологии и периодизации в области историографии, а в частности — решительно подтверждает важность, которую приобретает эта конкретная операция, которую выполняет историк, что является контекстуализацией. Фактически, время, о котором говорит Блок и которое историк не может никак игнорировать,— это прежде всего то, что мы могли бы определить как цвет, дух эпохи.

> *«[Время] истории — это,— как выразился Блок, — […] та самая плазма, в которой плавают явления, и субстанция для их понимания» в том смысле, что люди, их идеи, их политические, экономические и социальные институты — это дети своего времени или контекста, в котором они родились.*

Следовательно, эти вещи не могут быть проигнорированы каким-либо образом [3].

Но прежде всего Блок вывел определение **«истории»**, ответил на важный вопрос, который касается цели нашего обсуждения, а именно: он говорит нам, что такое история. **История, как утверждает Блок,— это наука.** Более того, неопровержимым фактом считается, что историографическая практика должна быть отнесена к категории наук. В свое время с явным намерением защитить историю от недоброжелателей Блок старался подчеркнуть это, считал необходимым повторять это тем, кто отрицал или ставил под сомнение эту научную природу истории. Отсюда проистекает обращение к термину **«апология»**, который появляется в названии труда Блока. Он предпочитает таким образом назвать свою рукопись, так как в его понимании этот термин в самом широком смысле этого слова подразумевает определенную экзальтацию, похвалу, точно так же, как в самом строгом этимологическом значении защиты.

По моему мнению, актуальность «Апологии истории» или профессии историка заключается именно в этой необходимости защищать научную природу истории, а вместе с ней и «профессию историка», которой так остро проникся Марк Блок. Сегодня, как и в начале 1940-х годов, история, а точнее историографическая практика, профессия историка находится в неведении.

> *Кто сегодня является противниками научного характера истории? Это все те, кто все больше и больше убеждаются в том, что страсть к «изучению прошлого» является достаточным условием для существования профессии историка. Для них практика профессии историка не требует определенных навыков и знаний. Такой наивный, инстинктивный и спонтанный подход к историографической практике лишь на первый взгляд лишен последствий, и действительно приводит к очевидным для всех огромным провалам.Фактически, лишенная различных основополагающих аспектов, историографическая практика в обычном понимании постепенно становится депрофессионализированной, приобретая все более и более характеристики δόξα и теряя характеристики ἐπιστήμη.*

Таким образом становится актуальным процесс перехода от науки к мнению и к предположениям: опасный промах, который со временем усугубляется и ускоряется

Марк Блок

отношением небрежности, если не открытым презрением, к профессиональным историкам. Они отождествляются с академическими историками, теми — писателями, журналистами, лидерами общественного мнения,— которые публикуют эссе, представленные как исторические очерки, но в действительности имеют только таковое название. Презрение к Академии стало отрицанием научно обоснованной историографической практики, единственной, которая достойна этого названия.

Отсюда проистекает важность и необходимость вернуться к размышлениям «о профессии историка», о ее научном характере и источниках. Только так мы сможем отличить историков от псевдоисторических личностей, а историю от псевдоистории.

Нашей отправной точкой является концепция исторического источника. Что такое исторический источник и какие бывают источники историографии? Историк, который изучает «людей во времени», сталкивается с весьма своеобразной трудностью. Фактически, в отличие от биолога, химика, физика, историк по очевидным причинам не имеет возможности наблюдать и изучать напрямую свой объект исследования (то есть фрагмент прошлого, который он намеревается реконструировать), а только в опосредованном виде, косвенным путем. Непрерывную связь между историком и объектом его исследования создают исторические источники. Историческими источниками по преимуществу являются так называемые первоисточники, то есть документы. Под этим термином подразумеваются, прежде всего, документы в строгом смысле этого слова, то есть свидетельства, следы прошлого, в форме письменных текстов, которые прежде всего хранятся в архивах и в библиотеках. Однако со временем, прежде всего благодаря мощному инновационному импульсу, исходящему от журнала «Annales d'histoire économique et sociale», термин «документ» расширил свое содержание, включив в него все свидетельства прошлого в пределах его границ, будь они материальными или нематериальными, письменными или устными. В этом отношении красноречивы наблюдения Люсьена Февра:

> «КОНЕЧНО, ИСТОРИЯ СОЗДАЕТСЯ НА ОСНОВЕ ПИСЬМЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ, КОГДА ОНИ СУЩЕСТВУЮТ. ОДНАКО, ЭТО ВОЗМОЖНО ДЕЛАТЬ ТАКЖЕ, КОГДА ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ОТСУТСТВУЮТ. ПРИ ВСЕМ ЭТОМ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИКА ПОЗВОЛЯЕТ ЕМУ ИСПОЛЬЗОВАТЬ В СВОЕЙ РАБОТЕ ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ, КОГДА НЕ ХВАТАЕТ ПИСЬМЕННЫХ. НАПРИМЕР, ЭТО МОГУТ БЫТЬ ПЕЙЗАЖИ, ФРЕСКИ, ПОЛЯ СОРНЯКОВ. ЛУННЫЕ ЗАТМЕНИЯ И ЕЗДА НА ЗАПРЯЖЕННЫХ ЛОШАДЯХ. ОЦЕНКА КАМНЕЙ, НАЙДЕННЫХ ГЕОЛОГАМИ, АНАЛИЗ МЕТАЛЛОВ, ПРОВЕДЕННЫЙ ХИМИКАМИ. КОРОЧЕ ГОВОРЯ, ПРИ ВСЕМ ЭТОМ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ЧЕЛОВЕКУ ЗАВИСИТ ОТ ЧЕЛОВЕКА, СЛУЖИТ ЧЕЛОВЕКУ, ВЫРАЖАЕТ ЧЕЛОВЕКА, ДЕМОНСТРИРУЕТ ПРИСУТСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА, АКТИВНОСТЬ, ВКУСЫ И СПОСОБЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ. ВОЗМОЖНО, САМАЯ УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ НАШЕЙ РАБОТЫ КАК ИСТОРИКОВ СОСТОИТ НЕ ИМЕННО В ПОСТОЯННОМ ПРИЛОЖЕНИИ УСИЛИЙ ЗАСТАВИТЬ ГОВОРИТЬ ГЛУПЫЕ ВЕЩИ, НО И ЗАСТАВИТЬ ИХ ГОВОРИТЬ ТО, ЧТО ОНИ УМАЛЧИВАЮТ О ЛЮДЯХ, ОБ ОБЩЕСТВАХ, КОТОРЫЕ ИХ ПОРОДИЛИ, И О ТОМ, ЧТОБЫ, НАКОНЕЦ, УСТАНОВИТЬ ЭТУ ОГРОМНУЮ СЕТЬ СОЛИДАРНОСТИ И ВЗАИМОПОМОЩИ, КОТОРАЯ БЫ КОМПЕНСИРОВАЛА ОТСУТСТВИЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ?» [4]

Люсьен Февр

В историческом исследовании все документы являются **первоисточниками**, в общем вышеизложенном понимании, и соответствующие изучаемому историческому периоду.

К этой первой категории источников также добавляются так называемые **вторичные источники** (которые многие историки на самом деле неохотно рассматривают как источники с собственным смыслом), которые включают исследования, вклад историографии в отношении объекта изучения конкретного исторического исследования.

> «PAS DES DOCUMENTS, PAS D'HISTOIRE», ТО ЕСТЬ «БЕЗ ДОКУМЕНТОВ — БЕЗ ИСТОРИИ»

— утверждает Марк Блок, подтверждая тем самым центральную роль документов в исторических исследованиях.

Документы, по сути, являются важным сырьем для исторического исследования,

настолько, что если после краткого предварительного обзора ученый констатирует недостаточность или, что еще хуже, отсутствие документальных источников относительно выбранного исследуемого объекта, то ему придется отказаться от собственного исследования.

Однако следует отметить, что более или менее существенные ссылки на документы, в частности, на архивные документы, сами по себе не являются гарантией или показателем научности исторического исследования. Фактически, научная природа исторического исследования не присуща «сырьевому» объекту его изучения (то есть в источниках, в документах), а проистекает, происходит из модальности, то есть из метода, с помощью которого это «сырье» было проанализировано и изучено. Следовательно, это метод, который использует ученый для придания научности историческому исследованию, то есть набор приемов и операционных инструментов, которые историк может использовать для начала, выполнения и завершения своего исследования.

Усовершенствованный на протяжении веков, с значительным вкладом, особенно в условиях позитивизма, этот метод, который выступает в качестве естественного субстрата для историографической практики, определяет суть профессии историка. Это качество, которое отличает профессионального историка. Центральным аспектом этого метода является критика источников, направленная на установление их подлинности (внешняя критика) и достоверности (внутренняя критика). Необходимость такого рода оценки обусловлена самой природой исторических источников.

Собственно, какие бывают исторические источники?

Как уже было отмечено выше, это следы, свидетельства прошлого. В этом очень общем определении исторического источника ключевым словом является «свидетельство». Если на мгновение перейти от историографии к рассмотрению судебной системы, мы можем сослаться на свидетеля, которого вызвали для дачи показаний: и судья, который должен допрашивать свидетеля.

Итальянский историк Федерико Шабо

Предполагается, что он сможет сказать правду и, многие на это надеяться, однако, существует вероятность того, что он будет совершать ошибки, возможно совершенно непроизвольно, или что он сознательно будет лгать, или что он более или менее сознательно пропускает важные факты, или что он искажает реальность. После того, как показания будут собраны, задачей мирового судьи и следственных органов будет оценка надежности свидетеля путем поиска доказательств, то есть попыток проверить и установить правдивость его слов.

Здесь историк со своими источниками, важнейшим сырьем для своей профессии, оказывается в такой же ситуации, в которой находится судья с показаниями свидетеля, то есть он призван проверить, выяснить, источники, которые станут частью его научных исследований. Историк найдет свои собственные источники, подвергнув их строгому и систематическому анализу, направленному именно на оценку или, скорее, суждение об их подлинности и надежности.

Именно критика источников является технической фазой научно обоснованного исторического исследования, в котором историк демонстрирует свою собственную остроту, то есть свою собственную скрупулезную точность, свою строгость; это тот этап, на котором ученый призван использовать определенные навыки и знания, заимствованные из вспомогательных дисциплины истории, такие как палеография, сфрагистика, дипломатия, филология, а также психология свидетельских показаний.

Историк обычно принимает во внимание только документы, прошедшие двойную проверку. Иногда, однако, случается, что безусловно апокрифические и ненадежные источники тем не менее приобретают для историка большое значение из-за последствий, к которым они приводят со временем: например, достаточно подумать об очень значительных эффектах, которые несомненно могут появится при использовании апокрифических и абсолютно ненадежных таких документов, как «Дар Константина» или «Протоколы сионских мудрецов».

Однако, следует отметить, что комплекс технических учений и практических приемов обычно кристаллизируются со временем под лейблом **методологии исторического исследования**. Следовательно, многие историки обеспечивает очень общую техническую и инструментальную основу, саму по себе недостаточную для рассмотрения наряду с полевыми исследованиями. Это означает не только то, что каждая дисциплинарная ветвь историографии нуждается в собственном специфическом методе, но также и то, что, как показывает великий историк и методолог Федерико Шабо в своих «Уроках исторического метода»:

> «КАЖДОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРЕБУЕТ СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ, КОТОРУЮ НЕ МОЖЕТ ПРЕДЛОЖИТЬ НИ ОДНА ОБОБЩАЮЩАЯ ТЕОРИЯ, И КОТОРУЮ МОЖЕТ ВЫВЕСТИ ТОЛЬКО ОТДЕЛЬНЫЙ УЧЕНЫЙ С ПОМОЩЬЮ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЧУТЬЯ, ЕГО, ТАК СКАЗАТЬ, ЧУТЬЯ, КОТОРОЕ ОТТОЧЕНО ОПЫТОМ».

Поэтому мы можем только согласиться с историком и методологом Анджело д'Орси, который в этом отношении комментирует следующее:

> «СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ПОВЕРЬТЕ, ЧТО МЕТОД ВЫБИРАЕТСЯ «В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ» ТАКИМ СПОСОБОМ, ЧТОБЫ ОН БЫЛ ПРИМЕНИМ ДЛЯ ЛЮБОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ДЛЯ ЛЮБОГО ТИПА ИЗУЧЕНИЯ; БЫЛО БЫ ЛЕГКОВЕРНО ПРЕДСТАВЛЯТЬ СЕБЕ, ЧТО «ЗАТЕМ» НА ОСНОВЕ ЭТОГО МЕТОДА ПРОВОДИТСЯ ИССЛЕДОВАНИЕ, В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ПЕРЕВОДЯЩЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В ИСТОРИЮ» [5].

Кроме того, опыт, полевые работы, ежедневная практика с документами позволяет профессиональному историку отточить навык, который незаменим в историографической практике: умение сдерживать свою неизбежную субъективность, свои страсти, свои эмоции, и таким образом преуспевать в своей деятельности, четко отделять познавательный момент от объективной реконструкции фактов **«sine ira ac studio»**. Это правильная конечная цель историографии, которая должна быть реализована с научной точки зрения, начиная от интерпретационных и оценочных моментов. Это учение Макса Вебера, с которым согласны все профессиональные историки. Объективность, которая должна отличать труды профессионального историка, проистекает из того, что **Марк Блок определяет «честное подчинение истине»** тех, кто выбирает заниматься этой профессией: это отношение, которое подразумевает не только абсолютную филологическую строгость и документальность, но и готовность отказаться от априорных тезисов, сформулированных в качестве исходной рабочей гипотезы, когда они опровергаются результатами исследования.

Именно неспособность ученого сдерживать свою субъективность сама по себе является показателем отсутствия научной строгости и обычно приводит к разрозненным, партийным сочинениям.

Бенедетто Кроче — великий философ-идеалист, который долгое время размышлял над историей — справедливо назвал эти сочинения «псевдо-рассказами». В них историографическая практика, отступая от своей конечной в высшей степени познавательной цели, становится инструментом для достижения цели. Идеологические и политические цели совершенно чужды.

Конкретные знания и навыки, скрупулезная и точная методологическая строгость, а также особая способность задавать всегда новые вопросы (начиная с Die Frage, когнитивного вопроса, который инициирует каждое научно обоснованное историческое исследование), документы, которые сами по себе являются скрытыми свидетелями, **инертная масса — это инструменты, которые обязательно должны быть среди инструментария историка.** Таким образом, становится очевидным, что вопреки широко распространенному мнению, **«профессия историка» — это не импровизация на крыльях страсти, творчества и находчивости, которые, безусловно, являются важными и полезными навыками**, но хотелось бы твердо повторить, что только ученого недостаточно, чтобы сделать из него историка [6].

Поэтому следует защищать историографию, которая честно — то есть правильно, относится к научной практики; защищать ее от ее недоброжелателей; от господствующего методологического подхода laisser faire, когда этой науке непримиримо противопоставляется растущая волна псевдо-историй, что порождает так много последователей этого подхода, консенсус на издательском рынке и большую аудиторию читателей. Вместе с Марком Блоком, непревзойденным мастером, давайте ткать Апологию истории, преимущественно не только как гражданскую дисциплину, но и как науку, которая освещает и направляет политику, политические действия, политический выбор, не «совершая политику».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Marc Bloch, Apologia della storia o Mestiere di storico, Torino, Einaudi, 1998
2. Angelo d'Orsi, Alla ricerca della storia. Teoria, metodo e storiografia, Torino, Paravia scriptorium, 19992
3. Jacques Le Goff, Documento/Monumento in Enciclopedia Einaudi, Torino, Einaudi Editore, 1978, vol. V

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Cfr. Marc Bloch, Apologia della storia o Mestiere di storico, Torino, Einaudi, 1998, pp. 1–24..

[2] Фактически, Блок пишет: «За конкретными особенностями ландшафта [за инструментами или машинами], за писаниями, которые кажутся более холодными, и за институтами, очевидно более оторванными от тех, кто их основал, стоят люди, которых история хочет понять. Тот, кто не зайдет так далеко, никогда не станет никем иным, в лучшем случае, чем ученым. А хороший историк похож на людоеда из сказки. Он знает, что там, где он нюхает человеческое мясо, там и его добыча», там же, П. 22–23.

[3] Cfr. ibidem p.24, da cui traiamo la cit.

[4] Cfr. Jacques Le Goff, Documento/Monumento in Enciclopedia Einaudi, Torino, Einaudi Editore, 1978, vol. V, pp. 38–43, da cui traiamo la cit. di Lucien Febvre.

[5] Cfr. Angelo d'Orsi, Alla ricerca della storia. Teoria, metodo e storiografia, Torino, Paravia scriptorium, 19992, p. 83, da cui traiamo le citt.

[6] Cfr. A. d'Orsi, Alla ricerca della storia, cit., passim.

Мария Барилла

О «ПРОФЕССИИ ИСТОРИКА»: ИСТОРИОГРАФИЯ КАК НАУЧНАЯ ПРАКТИКА

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА: ТОЧНАЯ НАУКА, ЭМОЦИИ И ПОЛИТИКА В ПОИСКАХ РЕШЕНИЙ

ЭМИЛИО ВИАНО

Президент Международного криминологического общества, профессор Американского университета в Вашингтоне и Восточнокитайского университета политологии и права в Шанхае

Коронавирус COVID-19 принес миру всеобщую пандемию общественного здравоохранения, сопровождаемую изменениями образа жизни, которые изменяют наши проверенные временем распорядки. Выбранные или обязательные меры реагирования на COVID-19 вынуждают нас изменять наши обычные часы работы, уменьшать или увеличивать вероятность различных видов преступлений и виктимизации и вызывать беспрецедентные проблемы в системе уголовного правосудия. Для криминологов, виктимологов, ученых в области уголовного правосудия, профессионалов и студентов вирус предлагает новые и ценные ситуации для экспериментов, которые проверяют теории, связанные с преступностью, и оценивают, насколько эффективным может быть применение разнообразных практик и альтернативных политик.

Несоизмеримые меры по ограничению распространения пандемии, такие как социальное дистанцирование, ношение масок, укрытие на месте, закрытие предприятий, виртуальная работа и обучение, ограничение или запрещение групповых собраний, а также факультативные или обязательные кодексы поведения вводят новые и сложная концептуальная основа для контроля перспектив и методов расследования и вмешательства в области преступности, правосудия и виктимизации во время бушующего кризиса, связанного с коронавирусом. Этот кризис не ограничивается здоровьем. Это также экономический фактор, который затрагивает людей, компании, государственные учреждения и бюджеты.

Поскольку коронавирус влияет на все аспекты общественной и производственной жизни, у социологов есть редкая возможность собирать данные в реальном времени по большому количеству проблем пандемии. Влияние на все аспекты общественной, индивидуальной, социальной и трудовой жизни; о карьере и расследовании ограниченных контактов с людьми; обеспокоенность по поводу заражения болезнью, потери работы и ее финансовых последствий, а также растущих случаев домашних конфликтов представляет глубокий интерес практически для всех дисциплин, учитывая, насколько уникально это всемирное явление.

Тот факт, что, например, в Соединенных Штатах ношение или не ношение маски рассматривается многими как политическое заявление за или против того или иного кандидата в президенты в 2020 году, является неожиданным, уникальным и тревожным явлением. Экономисты акцентируют внимание на драматических перебоях в занятости и поставках товаров и их влиянии на

рынок. Политологи особенно заняты анализом политики во время этой пандемии, когда политика и решения правительства постоянно требуют компромисса между охраной здоровья населения, перезапуском экономики, уважением гражданских свобод и прогнозированием будущего политиков, особенно если они баллотируются на посты.

Эта всемирная пандемия не только является серьезным кризисом в области здравоохранения, но и представляет собой экономическое цунами, подавляющее людей, компании, государственные учреждения и бюджеты. Для криминологии, виктимологии, уголовного права и уголовного правосудия, живущих в это время пандемии, общество и лица, принимающие решения, сталкиваются с большим количеством сложных вариантов, таких как обеспечение общественной безопасности по сравнению с заботой о здоровье тех, кого контролирует система уголовного правосудия, в том числе и тех, кто в нем работает. Быстрое сокращение численности заключенных для предотвращения массовых инфекций и гибели людей в тюрьмах сталкивается с опасениями по поводу освобождения такого большого количества заключенных в сообществе с возможностью высокого уровня рецидивизма.

> *Пандемия коронавируса выявила глубоко укоренившуюся неуверенность, предубеждение и неприятие со стороны многих людей научного истеблишмента, его выводов и его влияния на образ жизни, государственную политику и закон.*

Различные контрмеры для сдерживания пандемии, такие как социальное дистанцирование, использование масок для лица, укрытие на месте, закрытие предприятий, виртуальная работа и обучение, ограниченные или запрещенные групповые собрания, а также добровольные или обязательные кодексы поведения обеспечивают новый и сложный концептуальный подход. рамки, включающие новые взгляды и подходы к положению, роли и правам каждого в обществе.

Достаточно тревожным является то, что значительное число людей во многих странах, в том числе в развитых странах, таких как, например, США, среди прочих, отвергают само существование, разрушительные последствия, быстрое распространение и смертельные последствия самого коронавируса, как это подтверждается научными источниками. (Маккарти, 2020). Опросы, проведенные в США, показали, что 31 процент респондентов считают, что научные утверждения о существовании, распространении, количестве людей инфицированных, и особенно людей, умирающих из-за коронавируса, были ложными и преувеличенными по политическим причинам, то есть для того, чтобы унизить действующего президента в его стремлении к переизбранию (Mitchell et al. ii, 2020; Romano, 2020). Фактически многие люди, часто классифицируемые как политически консервативные и правые, считали пандемию коронавируса обманом, совершенным либеральными активистами в отношении ничего не подозревающей публики (Joey, 2020).

Это заблуждение не ограничивается Соединенными Штатами. Во многих других странах подобные верования были широко распространены. В какой-то момент в Бразилии, например, некоторые люди приняли за правду слух, представленный как факт, что гробы, предположительно содержащие жертв пандемии для захоронения, на самом деле были заполнены камнями, чтобы «притвориться», что эпидемия была смертельной, это из-за политическая цель подрыва президента страны.

Сопротивление некоторых людей рекомендациям экспертов и обычно уважаемых государственных органов здравоохранения носить маску хотя бы на публике, соблюдать социальную дистанцию, избегать людных мест, таких как бары, собрания, демонстрации, вечеринки и тому подобное, часто мыть руки и даже вакцины против коронавируса были жесткими.

Политика правительства, регулирующая различные коммерческие и развлекательные предприятия и временами приказывающая их закрыть или работать по сокращенному графику, вызывала громкие протесты, сопротивление и даже открытое неповиновение. Даже сотрудники правоохрани-

тельных органов в определенных областях заявили, что они не будут применять эти меры и правила, открыто игнорируя вышестоящие органы. Президент Трамп публично призвал граждан определенных штатов Союза подняться и «освободить» свое государство от ига ограничений на бизнес, школы и социальную жизнь людей, принятых соответствующими местными властями для ограничения распространения коронавируса.

Действительно, есть признаки того, что восприятие общественностью ученых как экспертов, достойных уважения и доверия, было значительно подорвано кризисом с коронавирусом. В недавно опубликованной статье «Месть экспертов: восстановит ли COVID-19 или уменьшит доверие общества к науке?» (Eichengreen et al., 2020) рассматривается, как подверженность предшествующим эпидемиям влияет на уровень доверия различных людей к науке и науке. ученые. В исследовании были объединены данные, собранные Wellcome Trust в 2018 году с участием более 75000 человек в 138 странах с данными о глобальных эпидемиях с 1970 года. Особое внимание в нем уделялось тем, кто пережил вспышку эпидемии в течение того, что авторы определяют «впечатлительные годы», то есть с 18 до 25 лет. Они обнаружили, что такое разоблачение значительно уменьшило доверие к ученым, их надежность и общественную службу, а также к благотворному влиянию их научной работы.

Следует отметить, что снижение уровня доверия к ученым было особенно сильным среди людей с ограниченным уровнем образования, особенно в области науки, что также характерно для многих, кто сейчас раздражается и даже восстает против мер профилактики коронавируса. Следует подчеркнуть, что эта неуверенность не распространяется на практикующих медицинских специалистов, таких как врачи, медсестры и народные целители.

Один автор исследования, доктор Аксой (2020), признает, что существует разрыв между тем, что делают ученые, и восприятием этого широкой общественностью. Существуют также предыдущие исследования, показывающие, что, хотя доверие и опыт являются ключевыми факторами для того, чтобы ученые завоевали доверие общественности, если они не могут или не прилагают усилий, чтобы поделиться своими выводами в ясной и краткой форме и не привлекают при доверии общественности, они будут неэффективными, а их послание отвергнется, поскольку оно будет восприниматься как элитарное, недоступное и оторванное от реальности. Серьезным недостатком ученых является также то, что они позволяют политикам использовать их и их науку для укрепления своего авторитета или, наоборот, как козла отпущения (Аксой, 2020; Борковский, 2020).

С другой стороны, можно встретить и тех, кто считает обратное, что коронавирус может укрепить доверие общества к науке и ученым. Например, недавний опрос показал, что процент немцев, заявивших, что они полностью доверяют науке и исследованиям, вырос до 36% в апреле 2020 года, что в четыре раза больше, чем в 2019 году (Bothwell, 2020).

Другой важный элемент, **плохое соответствие приоритетов между учеными и политиками**, подчеркивает необходимость того, чтобы основанная на фактах информация служила мощной основой для поддержки их диалога и принятия решений (Karam-Gemael et al., 2018).

В заключение, **для того, чтобы информация была достоверной, приемлемой, влияющей на формулирование государственной политики и эффективной в решении социальных, правовых и медицинских проблем, ей необходимо доверять и признавать достоверной целевой аудиторией**. Недостаточно того, чтобы он отвечал всем теоретическим и методологическим требованиям соответствующей научной области; что он основан на фактических данных и опубликован в престижном рецензируемом и реферативном журнале. В частности, с учетом постоянно растущего количества проводимых исследований и их легкой доступности с помощью электронных средств, чтобы исследования выделялись, были замечены, приняты и признаны как истинные, эффективные и заслуживающие принятия и реализации, они должны быть представлены в манера, которая захватывает не только разум, но также эмоции и воображение предполагаемой аудитории; реагирует практичным и осуществимым образом на предполагаемые потребности и неотложные приоритеты, а также понятен и эффективен на практическом уровне решения проблемы.

Люди отвергают науку или сомневаются в ней, потому что, как ее часто представляют, она вынуждает их жить в двух мирах: интеллектуальное «я», которое может переваривать и извергать данные, и эмоциональное «я», которое не может постичь, не может «уловить» суть, значение эта информация. Жить в этих двух реальностях может быть довольно неудобно.

Другими словами, исследователи и ученые не могут забыть свою человечность, свои собственные связи с другими людьми и императив принадлежности, а не отделения себя от остальных, как если бы они были первосвященниками, которым нужно поклоняться. Эмоциональный компонент научных достижений и открытий, реагирующих на реальные человеческие кризисы и проблемы, должен быть признан и интегрирован с более церебральным компонентом, чтобы быть успешным, принятым и эффективно претворяться в жизнь. Интеллектуальное понимание чего-либо — это одно; по своей сути, значению «поразить» и ярко повлиять на понимание реальности — это совсем другое.

ССЫЛКИ:

1. Аксой, Джеват Гирей, Барри Эйхенгрин, Оркун Сака, «Политический шрам эпидемий». Рабочий документ 27401 http://www.nber.org/papers/w27401
2. Кембридж, Массачусетс, Национальное бюро экономических исследований, Кембридж, Массачусетс, июнь 2020 г.
3. Борковски, Лиз. 2020. «Сводка новостей: политическое вмешательство и снижение доверия к агентствам общественного здравоохранения, борющимся с COVID-19». Научная сеть Союза неравнодушных ученых, 16 ноября 2020 г.
4. Ботвелл, Элли. 2020 г. https://www.ucsusa.org/resources/attacks-on-science/fda-now-lacks-authority-halt-use-inaccurate-coronavirus-tests
5. https://www.bmj.com/content/371/bmj.m3878. (VG); timeshighereducation.com.
6. Эйхенгрин, Барри, Аксой, Джеват Гирей и Сака, Оркун, Месть экспертов: восстановит ли COVID-19 или уменьшит доверие общества к науке? 30 ноября 2020 г. Доступно на SSRN: https://ssrn.com/abstract=3613554 или http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3613554
7. Джоуи, Хадден, 2020. «Почти треть американцев верят в теории заговора о коронавирусе. Наука объясняет, почему люди больше верят им во время кризиса ». Business Insider, 23 июля.
8. Карам-Гемаэль, Маноэла, Рафаэль Лойола, Джерри Пенья и Тьяго Иззо. .2018 " Плохое согласование приоритетов между учеными и политиками подчеркивает необходимость научно обоснованной природоохранной деятельности в Бразилии »Перспективы экологии и охраны природы. Том 16, выпуск 3, июль — сентябрь 2018 г., страницы 125–132; https://doi.org/10.1016/j.pecon.2018.06.002
9. Маккарти, Том. 2020. «Общественность США все более скептически относится к числу погибших от Covid-19, согласно результатам опроса». The Guardian, 21 июля 2020 г.
10. Митчелл, Эми, Марк Юровиц, Дж. Бакстер Олифант и Элиза Ширер, 2020.
11. «Спустя три месяца многие американцы видят в новостях о COVID-19 преувеличения, теории заговора и пристрастие». Pew Research Center. 19 июня 2020 г.
12. Романо, Аджа, 2020. «Исследование: почти треть американцев верят в теорию заговора о происхождении коронавируса». Vox, 12 апреля 2020 г.

РОЛЬ ВИКИПЕДИИ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

ДЖОН ЛАББОК

Преподаватель Вестминстерского университета, политический аналитик, журналист, писатель, кинорежиссер, правозащитник. Работал координатором по коммуникациям в Wikimedia UK, британском отделении глобального движения Викимедиа, которое поддерживает Википедию и родственные ей проекты. В этой широкомасштабной роли он отвечал за управление социальными сетями, работу с прессой, написание и редактирование копий, а также за организацию мероприятий, отношения с общественностью, создание контента и разработку проектов. Лаббок написал статьи для множества веб-сайтов, включая Guardian, Independent, Vice, OpenDemocracy, New Statesman, Huffington Post, Dazed и Global Voices, освещая международные политические вопросы на Ближнем Востоке и в Турции, кибербезопасность и социальные вопросы в Великобритании

> *Думаю, большинству людей неинтересно, как делается Википедия: для них это как «колбаса», они предпочитали бы не знать о процессе ее изготовления.*

Важно, что, в отличие от YouTube, Википедия не размещает рекламы, следовательно, государствам (рынку) сложно влиять на них, требовать убрать часть контента. Они могут лишь полностью заблокировать ее — как это произошло в Китае, где в настоящее время открыта некая собственная версия онлайн-энциклопедии, которая контролируется правительством, или в Турции, где Википедия была закрыта на 2,5 года, и лишь в 2020 году, по судебному решению, ее вновь открыли для населения.

Википедия влияет на то, как люди узнают о вещах, не на передовой край научных исследований. Вы можете получить базовую информацию по квантовой механике, например, сориентироваться, где черпать дальнейшую информацию.

Более чем на 300 языках существует Википедия сегодня, но количество статей сильно различается. К примеру, в английской Википедии их намного больше, чем в остальных: 6 миллионов. Думаю, это обстоятельство притягивает людей к изучению европейских языков. Конечно, мы не хотим, чтобы Вики привела к вымиранию местных языков, поэтому не так давно вложились в разработку уэльского, шотландского сегмента и даже диалектов.

Одна и та же фигура, как вы понимаете, при написании статей будет пропущена через фильтры национального восприятия, все предубеждения будут там. Статья о Ботсване, к примеру, гораздо лучше, полнее и правдивее на английском.

Качество интернета, впрочем, также имеет значение в разных частях света. Если вы только пользуетесь интернетом для Фейсбука в телефоне, ваш опыт ограничен — и это сложно объяснить тому, кто пользуется им целиком. Вряд ли восприятие надёжности Википедии как источника одинаково для людей в Лондоне и где-нибудь в Сахаре.

Хочу рассказать о любопытном казусе. **Филиппинская Википедия занимает второе место по количеству статей!** Причина в том, что некий швед, женатый на филиппинке, создал бот, который автоматически генерирует статьи на этом языке, и он «настрочил» уже 4–5 миллионов статей — нередко состоящих лишь из одной строчки.

Руководство по надежным источникам, несомненно, существует для редакторов Википедии. Различить качественные статьи от проплаченных не составляет большого труда. Но как же трудно бывает иногда написать объективную статью! Например, я взялся сделать статью о только что случившемся землетрясении в Измире, и стал искать информацию от непосредственных свидетелей по хэштегам в Твиттере. Проблема в том, что ты никогда не сможешь проверить эти данные полностью, если только одно и то же видео, например, не было снято двумя разными людьми.

Недавно в Британии состоялась дискуссия, является ли Daily Mail достаточно надежным источником, поскольку они приписывали известность незначительным людям (просто родственнице селебрити, например). Эта же проблема существует и в Википедии. Кто-то пишет о себе статьи из тщеславия, кто-то хочет очернить кого-то и пишет о нем статью в Википедию, но является ли данная информация релевантной, достоин ли вообще данный человек внимания? Какие данные о нем ценны? Статья в Википедии это же не ваше CV, это о том, почему описываемый человек — публичная персона.

Иерархия источников зависит от того, о чем вы пишете. Если это научная статья, то на первом месте стоят, несомненно, рецензируемые научные журналы. Но большое количество информации мы просто не можем пока проверить. Был пример, когда мы не знали, что делать со статьей о диете для здоровья, которая предполагала просто ничего не есть целую неделю … В ближайшие 10, 20, 30 лет, когда больше библиотек будут оцифрованы, у нас появится, с чем сравнивать, у нас будет гораздо больше источников для того, чтобы улучшать Википедию и приводить её в надлежащий вид. Мы живем в эпоху цифровой революции: еще до 1990-х всё было в бумажном виде, помните?

Говоря о лоббировании интересов, хочу вспомнить случай 2009 года с Deep Water Horizon, когда произошел разлив нефти, за который была ответственна компания BP. В Википедию обратился их человек по коммуникации: он указал на то, что 2/3 статьи о компании касается данной катастрофы. Мы сочли его претензию осознованной. То есть, не всегда лоббирование неприемлемо. Но в основном компании не понимают правила цивилизованного вмешательства. Когда люди просят меня улучшить их статью на рациональных основаниях, я не отказываю.

Многие музыканты принимаются редактировать свои страницы, раздувая свои успехи. С другой стороны, подавляющее число — это белые музыканты, в то время как заслуживающие внимания чёрные просто не представлены. Если вы часть сообщества, вы видите эту грань, когда кто-то пытается минимизировать плохое или преувеличить хорошее.

Защищена ли Википедия от вандализма, от ошибок, от ненадежных источников? Не существует такой вещи, как полная объективность и нейтральность. Я не думаю, что Wikimedia Foundation будет настаивать на этом. Это как семеро слепцов ощупывают слепца и говорят, что он как дерево, или как хобот, или как веревка — и ни один не ошибается, но говорят ли нам их взгляды о слоне как он есть? Википедия старается уменьшить предвзятость, увеличивая количество «контрибьюторов», редакторов. Есть области, где у нас нет контента, потому что эти сообщества не пишут в Википедию. Вандализм по большей части происходит не серьезный: например, школьники могут зайти на страницу своей школы и написать, что их друг лучший в футболе.

> *По моему убеждению, рецепт решения всех этих проблем простой: привлекать как можно больше людей к редактированию.*

ИНТЕРВЬЮ С СО-ОСНОВАТЕЛЕМ ВИКИПЕДИИ DR. ЛАРРИ СЭНГЕРОМ

«Я решил, что не хочу идти в академическую философию, и основал Википедию», — говорит Ларри. Сейчас он развивает другие американские интернет-проекты, которые считает намного важнее Википедии. В 2000 году Университет штата Огайо присвоил Сэнгеру степень доктора после защиты диссертации «Эпистемическая цикличность: Очерк по проблеме мета-обоснования».

— Ларри, расскажите, пожалуйста, кратко о своём бэкграунде и об интересах, которые вы преследуете на сегодня?

— Я родился в городе Бельвью в Вашингтоне и вырос в Анкоридже, Южная Аляска. Первым моим действительно большим проектом стала Википедия. После я занимался проектом Reading Bear, который учит детей читать, был консультантом до последнего года в Эврипедии. Текущий мой проект **The Knowledge Standarts Foundation** — мы только начали, хотя над идеей я работал уже очень давно. Энцикло-концепты как блогосфера для обновлённых энциклопедий, построенные на URSS, позволят искать по всем энциклопедиям мира с системой рейтинга по предмету. Мир больше не ограничен Википедией. Способности как энциклопедий, так и блогосферы расширены и переплетены, чтобы обеспечить каждому делиться своими мнениями с миром в энциклосфере.

— Поскольку вы вложились в успешный старт Википедии, как бы вы описали её трансформацию сквозь все годы? Вы ушли из неё после года жизни, по причине того, что, пользуясь Вашим выражением, «она была захвачена троллями».

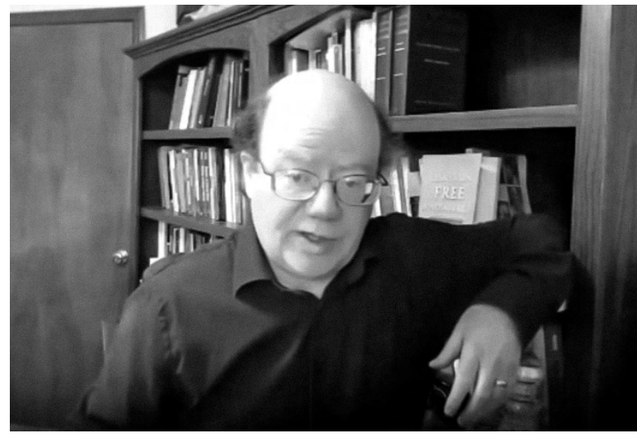
— После знакомства с концепцией «вики» я предложил основателю компании BomisДжимми Уэйлсу применить эту концепцию в отношении Nupedia, чтобы ускорить её наполнение. Это привело к созданию веб-сайта Wikipedia (название придумал я, как главный редактор), которая изначально задумывалась для предварительной разработки материалов, которые потом были бы размещены в Нупедии. Предшественница Википедии была более академическим проектом. Большинство ранних участников Википедии пришли именно оттуда и вложились первые 6–9 месяцев в Википедию — это было как хорошее начало с хорошей привычкой. Я сформулировал основную часть политики, принципов и правил Википедии и её сообщества. Но в дальнейшем Википедия действительно была занята «плохими актёрами», люди, у которых не было в сердце интереса к серьёзным знаниям и честным исследованиям.

В какой-то момент компания утратила способность платить мне, а затем я и сам полностью обрезал связи, потому что управлять Википедией стали «трудные» люди, которых Уэйлс отказывался называть; менеджмент стал наполнен «выездными экспертами» без реальной роли в проекте. Такое существование продолжилось без кого-либо на реальной роли, как была у меня первые 15 месяцев проекта.

4,5,6 лет было нормально — Википедия завоёвывала мир, вошла в первую десятку сайтов мира как доминирующий в поиске. А потом контент стал более и более противоречивым, зависящим от мнений. Не только точка зрения научного истеблишмента стала превалировать, но и политическая, вытесняя постепенно нейтральную точку зрения из Википедии. К 2015 году свормулированная мною политика нейтрального мнения уже отсутствовала напрочь.

Плюс, добавилось полное отсутствие прозрачности — **информации о том, кто контролирует Википедию**. Да, **законные собственники это фонд WikiMedia**, да, вы можете идентифицировать тех кто в совете директоров, но они не контролируют контент! Контент контролируется администраторами, а большинство их идентичностей анонимно. Сотни, если не тысячи влиятельных анонимных администраторов. Они могут быть представителями корпораций, шпионами, пропагандистами, которые работают на правительство, на новости, на промышленников. Возможность для мошенничества и коррупции невероятно высока.

Если мы что-то и узнали из Википедии в последние 4 года, так это то, что знание — сила, а способность формировать нарратив в большой степени подталкивает события вперёд. И у Википедии есть большая доля этой способности.

Скрин из скайп-видео, во время интервью (ноябрь, 2020)

— А насколько вообще это надёжный источник? Допустимо ли его применение для исследования, а не только для получения справодной информации?

— Зависит от сферы исследования. В любом случае, нужно консультироваться с экспертами. Википедия действительно огромна. 10–15 лет назад люди говорили, что статьи по математике, информатике надёжны, потому что они из относительно объективных источников. Например, как работает операционная система или каковы свойства химических элементов. Такого рода информация может быть скопирована из профессионально курируемых источников. Но даже на такое полагаться уже не стоит.

Думаю, общий совет, который можно дать всем исследователям — это использовать множественные источники, которые перепроверяют друг друга.

Для определённых тем Википедия полезна, но особенно её польза проявляется для поиска источников. Хотя, по мере специализации тем, качество статей в Википедии становится всё более и более неровным. Даже написанное выдающимся профессором и поэтому не проверенное никем, может содержать ошибку.

— Когда вы как учёный проводите исследование, как вы ранжируете источники? Какие для вас в приоритете? Какого рода источникам вы сами доверяете?

— Сейчас я пишу книгу о философии религии. Знаете, споры о существовании Бога. И в этой области 2 очень разных вида источников. Классические ещё более-менее одноголосны, потому что с тех времён осталось лишь то, с чем люди были согласны, остальное уничтожалось. Но когда касается 21 столетия, тут множественные соревновательные традиции: аналитическая, католическая, протестантская традиции… Эти люди не говорят друг с другом. Выбрать надёжный источник, когда столько написано, очень трудно. Можно написать уважаемую работу в одной традиции. Но обзорную между ними — написать невозможно: каждая отдельно взятая традиция попросту игнорирует всё остальное.

В какой традиции я работаю? Я пользуюсь стандартными справочниками типа BlackwellCompanions «A company for Epistemology», Стэнфордской энциклопедией по философии — ну, это чтобы начать. Собственно, это аналитическая традиция. И надо быть готовым к тому, что если вы выбираете аналитическую традицию, то они даже не упомянут о высоко уважаемых людях из других традиций.

— Правила научных сообществ порой крайне затейливы… Что вы скажете о состоянии науки на сегодня? Я не говорю только про «жёсткую» науку. Может, наши предшественники были лучше — в 19, 18, даже 16 веке?

— О 16 веке я не знаю. Золотым веком исследований я считаю время между 1930-ми и 1970-ми, по крайней мере, в философии. Там был баланс между поиском истинной сути, вниманием на вещи, которые действительно важны, и ясным изложением, не уходящим в несущественные детали. Сейчас, в какую бы литературу я ни нырял, замечаю, что издатели далают плохой отбор, под маркой социологии «протаскивается» больше активизма под именем «исследований».

Людей сейчас расхолаживают от того, чтобы заниматься самыми важными вопросами. Огромное количество ресурсов затрачиваются на каждый аспект знания, мы становимся настолько специализированными, что не можем охватить большие вопросы в своих областях.

— Рецензированные журналы: у учёного может быть много статей в журналах, но ни одной монографии. Является ли учёным тот, кто не следует этим критериям и только монографию написал? Как бы вы это прокомментировали?

— Это коварный, даже обидный для меня подход к академии. Я думаю, что это, честно говоря, смешно, нынешние требования к учёным. Экономические факторы делают нереалистичными ожидания содержательного исследования от учителя в колледже. Ранее делали учительскую карьеру, опубликовав всего 2 статьи. Нам нужно возвращаться туда. А мы идём в обратном направлении. Особенно что касается пользы исследования: часто она не может быть доказана. Это просто пустая трата времени.

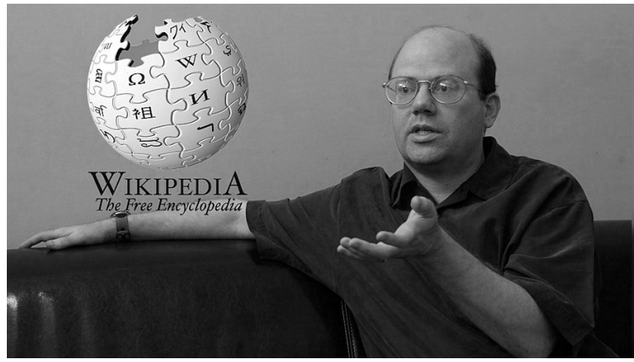
— Популярные авторы формируют общественное мнение, но можем ли мы гарантировать надёжность «авторитетных» работ?

— Конечно, нет! Мне вообще не хочется говорить о надёжности людей — я бы хотел говорить о надёжности заявлений. Хорошие представители своей области могут быть, но есть несогласие в самой области. Авторитет в области значит, что эти люди авторитетны в правде. Каждого стоит проверять в отдельности.

Значение авторитета в академии это нечто коварное; привлекательное для журналистов, потому что им нравится иметь людей, которых можно цитировать. Но что касается исследования, когда кто-то действительно заботится о том, чтобы получить правду — вы должны быть своим собственным авторитетом. По факту, не то, чтобы то, что они говорят, ничего для меня не «весило», но я действительно чувствую себя виноватым, если позволяю им решать за меня. Это просто лень.

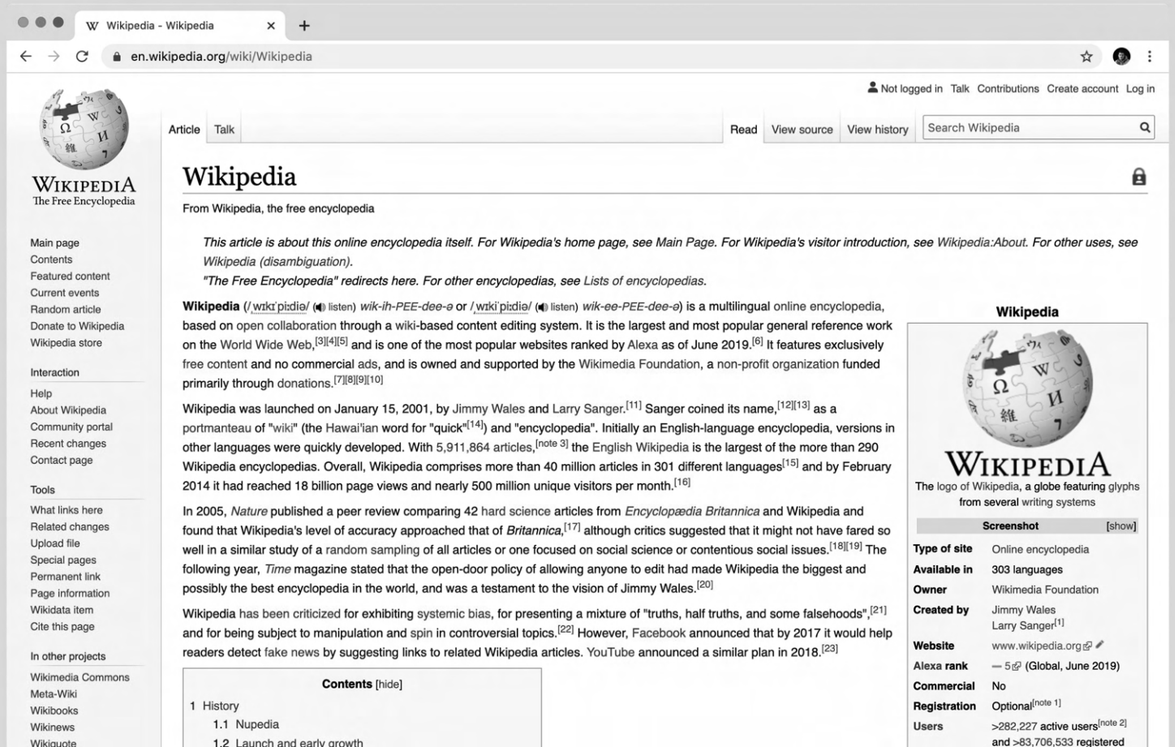
— Мой следующий вопрос касается «псевдонауки», или junk science, как это называют в Штатах.

— Таковые есть только в популярном восприятии. У псевдонауки лишь репутация ненадёжной. Она может быть повёрнутой со сменой интеллектуальной моды. Её нельзя воспроизвести, она не по канонам. Впрочем, хоть у этого термина и нет ясного определения, именно в связи с природой объекта, он всё больше используется по мере политизации науки.

— Вы работали и работаете над несколькими проектами. Могли бы вы выбрать один, наиболее приложимый для научного исследования?

— Если вы хотите работать в сотрудничестве, я бы рекомендовал Citizendium. Он дружествен для академиков, не как Википедия, но при этом должен быть читабельным. Он будет не делать выводы, а организовать материал в статьи. Вы узнаете о нём больше в ближайшие годы. Я очень счастлив тем, что делаю.

ВИКИПЕДИЯ, DBPEDIA И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ БУДУЩЕГО

DR. ВЛАДИМИР ЛЕВОНЕВСКИЙ

Доктор, доцент кафедры информационных систем в Познаньском экономическом университете

Википедия сегодня наиболее популярная энциклопедия и один из самых посещаемых сайтов в мире. Еще недавно Википедия была на пятом месте по популярности. Этот ресурс может редактировать каждый человек, даже не обязательно имея свой аккаунт. Поэтому существует угроза добавления неправильной информации или информации плохого качества. **С одной стороны это свободная энциклопедия и каждый может её редактировать, с другой стороны — она часто критикуется за низкое качество.**

На сегодня создано уже более 300 языковых разделов Википедии. Каждый раздел может создавать свои критерии оценки качества и некоторые статьи имеют наивысшую оценку, что обозначается определенной медалью. Проблема в том, что, когда мы оцениваем статью Википедии, нужно обращать внимание на её разные элементы, которые позволили бы оценить качество материала.

Мной была опубликована статья в 2017 году о проблемах автоматической оценки качества и обогащения информации в Википедии[1]. Проблема оценки качества статей Википедии не нова; обычно она решалась посредством классификации статьи в определённый класс. К примеру, в русскоязычной Википедии есть категория избранных статей, хороших статей, добротных статей, и так далее. В английской Википедии соответствующие другие названия, значки, оценки и критерии — всего 7 оценок качества. В некоторых языковых версиях таких оценок меньше. Например, немецкая использует только две оценки качества. Проблема еще в том, что каждая статья в каждой версии может иметь разный стандарт классификации качества, поэтому тяжело сравнить эти статьи между собой в разных языках за счёт того, что присутствуют разные критерии в языковых разделах Википедии. В моих исследованиях[2] было предложено оценивать качество по непрерывной шкале от 0 до 100, то есть мы можем оценить качество статей, получив количество баллов и затем сравнить, которая из языковых версий является наилучшей на конкретную тему. Эта система оценки была включена в некоторые онлайн-проекты, например WikiRank.net.

Мы провели оценку и анализ около 40 млн. статей, а также в какой языковой версий размещено больше статей лучшего качества, какое распределение качества и так далее. Естественно, английская Википедия может похвастаться статьями в целом лучшего качества.

Следующая наша научная работа[3] затронула исследования более 10 млн. категорий в Википедии, где мы попробовали определить около 20–30 основных тематик статей и оценить их качество в рамках каждой языковой версии. **Одна из задач — понять, в каких языковых версиях лучше пишут об учёных, а в каких лучше пишут о фирмах, продуктах, в целом о экономике и так далее.**

В этом году нами была опубликована работа[4], где мы оценивали источники на

основании исследования более 200 млн. примечаний и сносок в различных языковых версиях Википедия. Так мы нашли те источники, которые являются более достоверными и популярными в рамках каждой из его версии. Там ещё много чего можно дорабатывать и совершенствовать, но сегодня мы в состояние автоматизировать процесс оценки качества информации в Википедии на разных языках. Также мы можем оценить определенные источники на определенном уровне точности, так как часто могут быть какие-то ошибки и погрешности.

Нашей задачей является совершенствование этих механизмов и улучшение качества алгоритмов. **Мы нашли способ определить, какая языковая версия имеет информацию лучшего качества на определенную тему.** Более того, исследуемые методы позволяют автоматически переносить эту информацию в другие языковые версии. Например, украинская версия сейчас содержит около миллиона статей. Английская содержит более 6 млн. статей. Мы уже видим потенциал около 4–5 млн. статей, которые можно перевести с английской. Но могут быть какие-то темы, которые не описаны в английской, но описаны, например, в польской, немецкой или русской Википедиях и так далее. Некоторые объекты или события могут быть описаны лучше, и это можно исследовать автоматически — используя, в частности, оценки качества по непрерывной шкале от 0 до 100. Так можем найти какие языковые версии лучше всего описывают конкретный объект. Затем, в первую очередь, использовать эти языки, чтобы перенести информацию, например, в украинскую Википедию. Белорусская Википедии имеет еще большее потенциал развития: в ней в настоящее время около 200 тысяч статей. Даже английская с её более 6 млн. статей имеет также большой потенциал к развитию. Это показало наше исследование ранее. английская Википедия может быть обогащена еще более чем 9 млн. статей из других языковых разделов. Есть объекты, которые не описаны в английской Википедии, но которые важны с точки зрения локальных языковых сообществ: города, персоналии, события и т.д.

Переносить информацию предлагается с помощью семантических баз данных, чтобы делать это без ошибок. Например, проект **DBpedia**[5] агрегирует информацию с разных языков и объединяет разные характеристики объектов в одну онтологию. Если, например, в английском языке население звучит как “population”, по-польски “populacja”, по-украински “населення”, по-белорусски “насельніцтва” и так далее, та сематическая база понимает, что это одно и то же и будет просто называть общим понятием, к примеру “population total”. С другой стороны, в этой онтологии есть проблема различных написаний одного и того же значения, например, если кто-то записал дату с точками, кто-то может написать через черточку, кто-то может вообще использовать слова, тогда эта семантическая база в состоянии унифицировать эти значения и потом сравнивать с датой. Это позволяет позже сравнивать и оценить, какая версия имеет более актуальные данные. **Если семантическая база данных (СБД далее)** понимает данные, то она в состоянии генерировать новые данные даже в виде отдельных предложений на разных языках из так называемых **семантических троек**.

В основе методов автоматической оценки информации используются алгоритмы машинного обучения, в частности алгоритмы классификации, которые стараются найти разницу между статьями лучшего качества и более низкого качества. Одним из важных параметров для определения качества является длина статьи, количество примечание, изображений, авторов. В своей научной диссертации[6] я использовал более 150 параметров в таком алгоритме классификаций. Но это не предел. Можно в том числе брать во внимание дополнительные параметры. Например, морфологический: анализировать в тексте глаголы, существительные, связи между ними. Но при этом для каждого языка необходимо иметь специальные словари. На основании наиболее важных параметров мы можем показать уже не просто классификацию на отдельные категории (классы качества), а сделать из этого алгоритма модель регрессии.

Мы стремимся к наивысшему качеству. С увеличением некоторых важных параме-

тров — качество увеличивается. Например, чем больше (длиннее) статья, тем больше вероятность того, что она лучшего качества, чем больше источников — эта вероятность также возрастает. Можно брать во внимание плотность источников: текста может быть много, но это не показатель качества, если источников совсем мало. Поэтому плотность источников может играть ключевую роль. Поэтому, статья не обязательно должна быть длинная, чтобы быть хорошего качества.

Итак, на первом этапе используя алгоритм машинного обучения можно взять как можно больше извлечённых параметров, а потом алгоритм покажет какие из них являются наиболее важными с точки зрения оценки качества. Далее эти важные параметры можно использовать для построения других алгоритмов.

О ВЛИЯНИИ ВИКИПЕДИИ НА НАУКУ, НА ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ, КОЛЛЕДЖАХ, УНИВЕРСИТЕТАХ

Я считаю, что в целом Википедия оказывает положительное влияние на науку, а также на процесс образования. Дело в том, что мы должны брать во внимание развитие технологии, технический прогресс. Сайты, которые раньше были более статичными в интернете, а второго поколения стали более динамичными. Теперь популярность контента зависит общества, от пользователей интернета, которые могут оставить свои комментарии и оценки, согласиться или не согласится с публикацией. Т.е. от поведения пользователей Интернета зависит, что будет показыватся другим читателям, например какие новости будут показываться в вверху списка новостей или какие документы появятся выше в поисковой выдаче.

Википедия является одним из наиболее посещаемых сайтов в мире и в том числе учеными. Это позволяет предположить, что она также может влиять на формирование науки. Например, включение идей в Википедию приводит к тому, что эти идеи больше используются в научной литературе. Это подтверждают опубликованные два года назад исследования. Возможно, это также замотивирует ученых улучшать качество материалов в этой энциклопедии. Как самая большая энциклопедия в мире, Википедия отражает, в том числе, состояние научных знаний и содержит не проверенную специалистами информацию, а с другой — там можно найти сноски на интересные материалы. Согласно моим исследованиям, всё больше появляется открытых научных источников, а это может помочь учащимся найти различные качественные исследования на определённую тему.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

Классификация существует, но не существует общепринятой классификации источников. Обычно это зависит от характеристики и области применения. Но среди них можно выделить, например, источники в электронном виде и традиционные источники (документы, бумажные заметки, прямой разговор с другим человеком). Источники можно поделить на надежные, проверенные, а также на те, которые не вызывают доверия. Затем, описанные на основании собственного опыта, переживаний и сторонних событий. Общедоступные и доступные лишь немногим. Могут быть также первичные, вторичные и третичные источники.

Википедия классифицирует источники по последнему примеру. Так, к п**ервичным источникам относятся те, на которых основаны другие исследования**. Это интервью, различного рода протоколы каких-то событий, заседаний, дневники, оригинальные или полевые исследования, то есть работа по сбору первичной информации. Это также исследования, опубликованные в научных журналах. Даже стихи можно отнести к первичным источникам.

Вторичные — те, которые **описывают или анализирует эти первичные источники**: словари, учебники, энциклопедии, а также публикации в которых интерпретируются или синтезируется оригинальные исследования.

Третичные источники — те, которые иногда появляются как подтверждение информации, иногда пропускаются. Их используют для поиска вторичных и первичных источников. Например, индексы или библиографические базы данных, которые обычно содержат информацию о публикациях: автора, дату, место публикации. Также могут быть выдержки по первичным и вторичным ресурсам, а некоторые могут содержать цифровую копию этого ресурса. Всё зависит от наших требований и области, в которой мы хотим оценить или классифицировать эти источники.

О КАЧЕСТВЕ СТАТЕЙ ВИКИПЕДИИ

Есть достаточно много характеристик, которые могут помочь оценить так называемую правдивость. У каждого государства или определенной группы людей могут быть собственные взгляды интерпретации объектов или событий, особенно исторических событий. Правдивость источника может зависеть не только от самого источника, поэтому необходимо исследовать каждый источник отдельно по общепринятым критериям. В самой Википедия существует достаточно подробная инструкция о том, как оценивается адекватно и верность источников, особенно хорошо это сделано в английской Википедии. Но, главная проблема заключается в том, что это оценка субъективная и зависит от темы конкретного утверждения. Например, в русскоязычной Википедии можно прочитать, цитирую:

> “ДЛЯ ВИКИПЕДИИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ ИСТОЧНИКОВ, АВТОРИТЕТНЫХ ПО ЛЮБОМУ ВОПРОСУ И НЕ АВТОРИТЕТНЫХ НИ ПО КАКОМУ”.

Часто оценка достоверности источника основывается на присутствии или отсутствии процесса рецензирования. Если этот процесс присутствует, то берут во внимание репутацию организации, которая отвечает за рецензию. Например, это может быть издательство, редакция журнала и так далее. С другой стороны, если автор узнаваем, или авторитетен, то уже менее важное место публикации этого материала. Материал может опубликовать материал даже в своем блоге, на бесплатном хостинге. Более важным элементом анализа источника является также мнение других относительно его достоверности. Тут, безусловно играет роль информетрия. Если мы оцениваем вторичные источники, то Википедия рекомендует проверить независимость авторов от заинтересованных сторон, а также существование редакторского контроля и проверки фактов, изложенных в материале.

ЛОББИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ В ВИКИПЕДИИ

Я не редко встречал лоббирование и исследовал это явление отдельно. Мы можем этому не удивляться, потому что там, где существует люди, всегда будут какие-то интересы, отдельная мотивация. Википедия уже давно критикуется за то, что есть свобода и можно сказать частично хаос, и даже предрекали закрытие Википедии ещё в 2012 году. Но она ещё работает, и активно развивается и совершенствуется. Это очень интересный социальный феномен.

Людям есть смысл посвящать свое время тому, чтобы улучшать качество Википедии. Нужно помнить о том, что мы пользуемся этой энциклопедией и она может нам помочь быстро найти нужную информацию, но мы должны думать и про других, чтобы они тоже имели доступ к хорошей и качественной информации. Хоть мы стараемся совершенствовать алгоритмы, которые автоматически оценивает их обогащают различные языковые версии, помощь людей будет только «в плюс».

АЛГОРИТМЫ ССЫЛОЧНОГО РАНЖИРОВАНИЯ. КАЧЕСТВО И ВЛИЯНИЕ РАНЖИРОВАНИЯ ПРИ ПОИСКЕ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Мною была написана научная работа[7] совместно с немецкими учеными, которая

основывалась на индикаторах и показателях **SEO**, предоставленных фирмами, занимающимися поисковой оптимизацией. В рамках этих исследований мы анализировали видимость статей в результатах поиска **Google**. Мы анализировали с точки зрения разных стран, потому что **Google выдает другой результат в зависимости от того, где мы находимся и откуда этот запрос посылаем.** В ходе исследований оказалось, что статьи с лучшим качеством обычно имеют больше шансов быть выше в результатах поиска чем те статьи, над которыми можно и нужно дополнительно потрудиться. В общем важно понимать, что поисковые системы неохотно делятся своими секретами алгоритмов ранжирования, которые, кстати, периодически меняются в том числе для того, чтобы минимизировать возможную подкрутку или искусственное влияние на результаты поиска со стороны владельцев сайтов.

Раньше документы ранжировались в основном на основании частотности искомых слов и фраз в тексте. Понятно, что найдутся люди, которые будут создавать искусственные страницы, где таких ключевых слов будет много. Несмотря на то, что Google уже относительно долгое время является лидером на рынке поисковых услуг в интернете — это не был первый поисковик в мире. Благодаря включению в алгоритм ранжирования новых переменных, в особенности такого индикатора, как PageRank, результат поиска Google стал отличаться высоким качеством. В связи с этим каждая серьёзная поисковая система имеет свои алгоритмы, построенные на общих и также уникальных индикаторах.

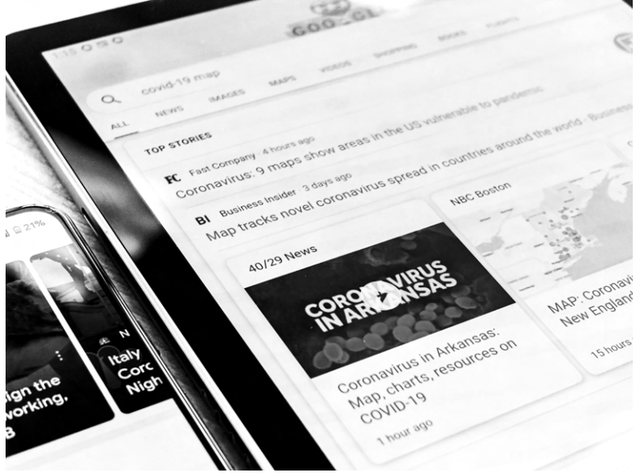
ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И КАЧЕСТВО НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ БАЗ

Такие базы однозначно нужны. Если говорить про качество, опять же всё зависит от конкретной базы и наших задач. Приведу примеры таких баз, которые я сам использую в своей работе. Например, есть такая база Scopus. Она индексирует около 40 тыс. научных изданий, туда не все материалы могут попасть, а только те, которые соответствуют определенным критериям качества. Запрос на включение нового названия в базу может подать любой ученый с помощью специальной формы. Также можно забрать эту возможность у издания, издательства, если материалы не соответствует качеству.

Scopus — это популярная библиографическая база данных, но она закрыта для общего доступа (существует платная подписка). Возможности полноценного поиска информации, классификации, например, доступны университетам. Кроме того, эта база агрегирует данные с разных издательств, журналов относительно названия, авторов, краткого описания, ключевых слов авторов. Дополнительно, эта база на основе анализа содержимого документов добавляет свои ключевые слова, что позволяет проще находить нужные документы. В ней есть разные инструменты анализа группы статей, например, самых популярных ученых в определенной области, самых цитируемых. Можно поделить выбранные публикации на различные отрасли науки, поделить на страны авторов и так далее.

Другая база — Web of science. У неё задача примерно такая же, она отбирает только те источники, журналы, публикации, которые соответствует качеству и определенным критериям. В ней есть дополнительные механизмы, которые **позволяют быстрее находить нужные документы, анализировать публикации и выявлять популярные организации**, ученых определенной области, цитируемость авторов и т.д.

Важно, чтобы такие базы существовали и «держали» стандарт. Люди и журналы, издательства стремятся присутствовать в таких базах, ведь это говорит про определённую авторитетность и качество их материала.

Следует отметить такие агрегаторы библиографических данных с поисковой системой, как **Google Scholar** или **Microsoft Academic. Их основное преимущество в том, что они бесплатные и доступны для всех, и не обязательно иметь подписку, как в Scopus или Web of Science.** Преимуществом также является то, что они **собирают информацию, публикации с разных мест, не только на сайтах издательств** (официального места публикации), **но и в том числе с других порталов**, где авторы могут поделиться этой публикацией бесплатно. Более того, такие агрегаторы анализируют не только связи между публикациями, но и способны показать контекст цитирования.

Также отмечу, что есть относительно новые библиографические базы данных, которые дают нам свою оценку важности влияния статей. Например, **Altmetrics**. Она рассчитывает важности влияние научных работ на основании таких характеристик, как просмотр, обсуждение, цитирование в социальных сетях, в том числе **Facebook, Twitter,** а также самой **Википедии** (правда не для всех языков). Также показывает количество сохранений в персональных библиографических базах, например, **Mendeley**, которая показывает рекомендации других пользователей. Дополнительно можно проверить цитирование в других научных работах, которые **проиндексированы в Scopus и Web of Science**. Это более сложный механизм, но он позволяет более разносторонне оценить качество работ.

Другая инициатива, **PlumX Metrics**. Она тоже собирает информацию о разных сигналах с различных сайтов и определяет, насколько хорошо цитируется конкретная работа в различных социальных сетях ресурсах, в том числе и на блогах, в новостных ресурсах и даже на **YouTube**.

Также есть такие базы, как Academia.edu и ResearchGate. Эти БД с элементами социальной сети для того, чтобы ученые находили контакты, но также для размещения их публикаций. Конечно, есть и другие, и их становится все больше и больше. Всё это развивается и этого будет всё больше. По моему убеждению, это положительная тенденция.

О ПРОЕКТЕ DBPEDIA

DBpedia — это открытая и бесплатная база знаний, которая постоянно совершенствуется и расширяется большим мировым сообществом. Наша кафедра отвечает за польскоязычный сегмент. Это семантическая база данных, которая трансформирует информацию из Википедии и других открытых источников. Она обогащается автоматически информацией на разных языках и в состоянии генерировать новые данные. Благодаря тому, что это база понимает информацию — она может дать ответы, которые сложно найти в тех открытых источниках. С другой стороны, мы можем подать запрос к этой базе на тему объектов, которые не имеют непосредственного описания этих фактов. Например, можно найти всех описанных в Википедии математиков, которые родились на определенной территории и в определенных годах. Можно даже определить, кто родился на территории уже несуществующего государства, например, Великого княжества Литовского. Можно, к примеру, показать список самых больших городов в определённых исторических отрезках времени.

Пользователи используют эту базу данных в качестве базовых знаний, в том числе для ранжирования документов, для понимания естественного языка, создают-

ся, например, чат-боты, а также другие методы интеграции данных. В настоящее время, если брать статистику, база содержит более 8 миллиардов фактов. Например, факт, что в городе Познань живёт около 550 тыс. человек, или такой-то человек родился в этом месте. Таких фактов более 8 млрд., и они все получены путём сбора этой информации с различных языковых версий Википедии, а также из других открытых источников.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПРИ ПОИСКЕ ДОСТОВЕРНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ОТЛИЧИИ ОТ ФЕЙКОВЫХ

Я бы рекомендовал обращать внимание на разные критерии качества. Нужно помнить, что материалы пишутся (в основном) людьми с определенной целью. Можно задать себе вопрос: с какой целью написан конкретный материал. Проинформировать? Или, может быть, это какая-то шутка для развлечения или жёлтая пресса? А может быть, цель этого материала нам что-нибудь продать? Смотреть нужно, где и кем это опубликовано. Если это государственное учреждение, которое собирает статистические данные, то в основном данные будут хорошего качества. Однако даже если мы говорим про государственные учреждения, нужно смотреть, к какому государству оно относится — в зависимости от этого новости или другие материалы могут быть более объективные или субъективные. Стоит обращать внимание на разные системы оценки сайтов и работ, которые могут помочь определить популярность или авторитетность источников (пример: alexa.com, bestref.net и другие).

Есть также альтернативные источники параметров такие, как **PlumX Metrics** и **Altmetrics**, которые кроме традиционных механизмов оценки качества, берут во внимание более современные социальные аспекты.

В первую очередь, рекомендую обращать внимание на новые технологии, которые упрощают оценку. И конечно же, нужно иногда включать свою голову и обращать внимание что написано в материале. Например, Википедия может использоваться как начальный уровень ознакомления с информацией, затем стоит обратить внимание на источники, в особенности в рецензируемых местах (например, научные журналы), которые позволят перейти на новый уровень изучения нужной темы.

Если говорить про автоматизацию процесса оценки качества, то история развития различных информационных систем, в том числе поисковых, показывает, что недостаточно придумать совершенный механизм на долгое время. Даже те возможности, о которых я упоминал выше, дающие новые параметры для оценки, сегодня могут работать, а через какое-то время потребуют изменений. Таким образом, алгоритмы должны постоянно совершенствоваться. С другой стороны, опыт тех же поисковых систем показывает, что это реально. Развитие технологий, в том числе возможностей, которые дают алгоритмы машинного обучения и искусственного интеллекта, позволяют быстрее определить, какие параметры необходимо брать во внимание и что необходимо изменить в методах. Такие алгоритмы можно будет изменять чаще и быстрее с учётом вызовов и требований современного мира.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1] https://link.springer.com/chapter/10.1007/978–3–319–69023–0_19
[2] https://www.mdpi.com/2227–9709/4/4/43
[3] https://www.mdpi.com/2073–431X/8/3/60
[4] https://www.mdpi.com/2078–2489/11/5/263
[5] https://wiki.dbpedia.org/
[6] www.wbc.poznan.pl/Content/461699/Lewoniewski_Wlodzimierz-rozprawa_doktorska.pdf
[7] https://link.springer.com/chapter/10.1007/978–3–319–99972–2_11

Dr. Владимир Левоневский

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИНФОРМАЦИЯ ЗНАНИЕМ В ЦИФРОВОМ МИРЕ?

СТИВ ДЖЕННАРО (КАНАДА)

Доктор, профессор гуманитарного факультета Йоркского университета

> "THE DINER MUST BE SATISFIED WITH MENU."

В своей статье **«О рейтинге источников и надежности данных в научном исследовании» Дэвид Прокопио** «представил классификацию, которая позволяет иметь четкое представление об источниках, используемых в исследовании», и помогает отличить «научную работу от журналистской» [1]. Хотя я не ученый, но как критический теоретик и философ технологий, работающий в области критической медиаграмотности, вопросы, поднятые Прокопио, не остаются незамеченными. Фактически, проблемы, поднятые Procopio, если их экстраполировать и использовать в качестве **метафреймворка** для исследования знаний, потребления информации и технологий,— дают нам ряд важных вопросов, которые требуются для любого взаимодействия со СМИ, а не только для ученых! В частности, как распространение социальных сетей повлияло на наше потребление информации как знаний? Как действия определенных лиц в социальных сетях изменили представление о том, что является фактом или кто является надежным источником? Примером может служить использование президентом США Дональдом Трампом социальных сетей в обход основных СМИ, которые ранее были основными распространителями информации как знания. Это изменило сам процесс, с помощью которого информация проверяется перед тем, как быть потребленной широкой публикой. И, что важно для этой статьи, произошли изменения в технологическом аппарате — благодаря которым iPhone теперь почти полностью живет внутри наших тел как продолжение нас самих. Несомненно, все это изменило то, как мы потребляем информацию в качестве знаний.

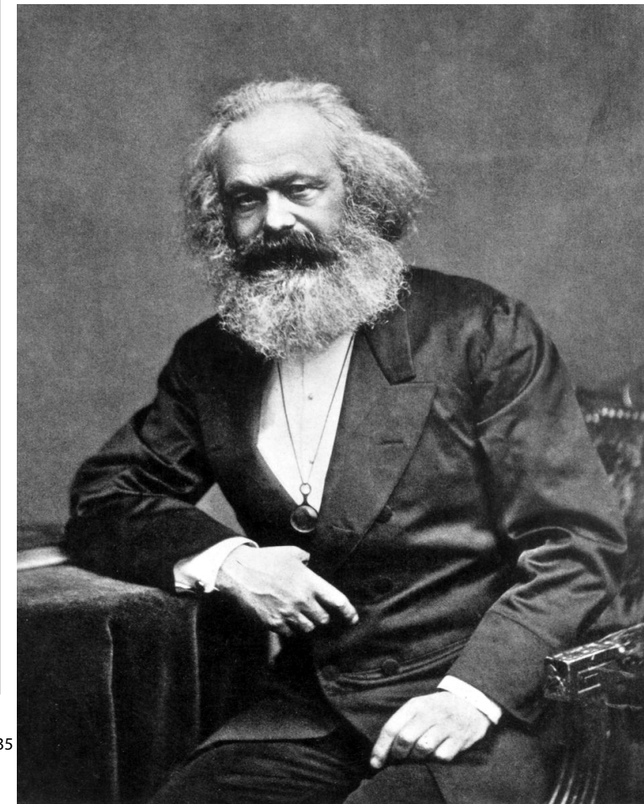
Прежде чем идти дальше, возможно, мне следует сказать несколько слов для пояснения различия между «информацией» и «знанием», поскольку я хочу сознательно разделить эти два термина. Разделяя эти термины, я пытаюсь использовать систему классификации, которую Прокопио дает нам в своей статье о научных источниках. Он утверждает, что **не вся информация является знанием, потому что не все источники являются равными распространителями достоверности**. То же самое можно сказать и о потреблении медиа широкой публикой посредством смартфонов, мобильных и портативных устройств. Н**е вся медиа-информация является знанием**, потому что не вся медиа-информация активно декодируется при использовании.

Чтобы провести сравнение с системой классификации Прокопио по аналогии со здоровым питанием, некоторая «информация» при потреблении может быть немедленно усвоена как «знания». Эти здоровые продукты питания были бы тем, что Прокопио классифицирует как «надежные источники». Однако я бы сказал, что даже **здоровая пища может поставляться в нездоровой упаковке**. Подумайте о яблоке, выращенном на поле, которое в значительной степени зависит от пестицидов для максимального роста, а затем об использовании дополнительных химикатов для сохранения свежести при транспортировке с фермы в супермаркет. Даже когда мы потребляем надежные источники, **мы всегда должны осознавать влияние контейнера этой информации, когда мы потребляем ее как знания**.

В дополнение к тому, что Прокопио называет «надежными источниками», другие источники, как он утверждает, требуют нескольких уровней проверки для подтверждения их достоверности. Эти источники требуют действий со стороны читателя, чтобы превратить «информацию» в «знания». Возвращаясь к метафоре еды, некоторые продукты требуют «большего пережевывания» для переваривания. Из иерархии Прокопио ясно, что чем надежнее источник, тем меньше усилий требуется при потреблении этого источника, чтобы взять его «информацию» и преобразовать ее в «знания». Иногда процесс проверки требует, чтобы человек нашел производителя информации и установил его предвзятость. В других случаях этот процесс проверки требует более четкого понимания пути распространения, чтобы должным образом установить, в какой степени он может считаться заслуживающим доверия. Таким образом, мы можем думать об отслеживании надежности источника, как о грецком орехе; требуется проникновение в твердую оболочку, чтобы найти исходный белок, расположенный внутри.

Карл Маркс однажды утверждал, что информация, замаскированная под знания, действует как опиум для масс [2]. Эта идея была продолжена в описании Теодором Адорно «культурной индустрии» как pablum для масс [3]. Для Адорно и его коллег из Франкфуртской школы распространение СМИ в качестве распространителей информации, упакованной в виде знаний, было проблематичным, поскольку сама структура и цели культурной индустрии, основанные на получении прибыли, лишали носители любой «пищевой ценности», несмотря на то, что они были упакованы как полезные для потребления. Адорно и Хоркхаймер прекрасно предсказали (сами не догадываясь о том) текущий момент, когда социальные сети опустошают «информацию» от «знания» по самой своей структуре, когда они утверждали, что **«посетитель должен быть доволен меню»** [4]. Маркс, Адорно, Хоркхаймер и Прокопио — суть остается ясной: **информация не всегда кодируется знанием независимо от упаковки или контейнера**. Следовательно, расшифровка информации, необходимая для преобразования ее в знания — то, что **Дуглас Келлнер и Джефф Шер назвали «критической медицинской грамотностью»**,— это необходимое условие для здорового пищеварения. [5] Я хотел бы предложить здесь, как расширение классификации надежности источников Procopio, еще один фактор, позволяющий оценить достоверность информации, с которой мы работаем, и которую часто упускают из виду. **Здесь я утверждаю, что контейнер так же важен, как и его содержимое, и требует такого же уровня проверки для классификации.**

Карл Маркс

В нынешней медиа-среде контент социальных сетей: будь то списки друзей, сообщения, пиктограммы, твиты, лайки и т.д.— все это требует критической медиаграмотности для декодирования. Однако то же самое можно сказать и о более ранних достижениях в области коммуникационных технологий (например, печати, радио, телевидения и т.д.). Одно из основных различий между нынешними трансформациями в медиа и более ранними историческими примерами — это близость, целесообразность и первенство самих медиумов, через которые проходят медиа. Нас окружает обилие текстов и закодированных изображений. Мы взаимодействуем с таким количеством этих текстов — так часто — что невозможно сразу расшифровать все символы, тексты и изображения, с которыми мы сталкиваемся в точке взаимодействия. Поэтому мы пассивно натурализуем закодированные сообщения из нескольких символов, даже не подозревая об этом.

Политическая экономия средств массовой информации предполагает исследование объектов, аппаратов и физических пространств, которые транслируют и переносят цифровые изображения, сообщения и идеологии, чтобы подчеркнуть и выявить неравные властные отношения, которые кодируют средства массовой информации на стадии производства со встроенными неравенствами, которые отображаются как нормальные, очевидные или даже невидимые при получении в момент потребления. В современной медиа-среде носители, которые передают медиа-контент пользователям, требуют усиленного декодирования. Что является уникальным для текущего момента, так это примат, близость и целесообразность технологического аппарата (также известного как медиумы) для доступа к информации, упакованной в виде знаний в 2020 году, например смартфоны, iPad и планшеты. Следовательно, это требует дополнительного шага к предыдущим подходам политической экономии средств массовой информации. Здесь «средний» или «контейнер» может относиться к оборудованию, например iPhone, программному обеспечению: сюда входят интернет-браузеры или поисковые системы, платформы, такие как социальные сети, такие как Twitter или YouTube, и даже сотовые службы, кабельные и телефонные компании и Wi-Fi. Провайдеры Fi. Все, что действует как канал, по которому цифровая информация перемещается от места производства к месту приема, является носителем или контейнером.

> *Социальные сети, такие как Facebook, Twitter и YouTube, не только изменили то, как мы общаемся с другими, они также изменили то, как мы взаимодействуем со знаниями.*

Здесь я имею в виду процессы, с помощью которых американцы используют портативные устройства и социальные сети для доступа к «новостной информации» как «знания». По данным исследовательского центра Pew Research Center:

> «В ОБЩЕМ, 81% АМЕРИКАНЦЕВ ГОВОРЯТ, ЧТО ВЫХОДЯТ В ИНТЕРНЕТ ЕЖЕДНЕВНО. В ЭТУ ЦИФРУ ВХОДЯТ 28%, КОТОРЫЕ ВЫХОДЯТ В ИНТЕРНЕТ ПОЧТИ ПОСТОЯННО, А ТАКЖЕ 45%, КОТОРЫЕ ГОВОРЯТ, ЧТО ВЫХОДЯТ В ИНТЕРНЕТ НЕСКОЛЬКО РАЗ В ДЕНЬ». [6]

Наблюдается снижение количества владельцев смартфонов, согласно отчету Исследовательского центра PEW о Использование подростками социальных сетей и технологий Андерсоном и Цзяном отметило, что 95% американских подростков имеют доступ к смартфонам, а 45% говорят, что они находятся в сети «почти постоянно». [7] Несмотря на аргументы в пользу цифрового разрыва, данные исследования показывают, что медиумы играют заметную роль в повседневной жизни большинства американцев. Поскольку смартфон или планшет часто является первой точкой контакта со СМИ для многих людей — когда новости или информация сначала получает пользователь через свои карманные устройства,— понимание приоритета носителя является ключевым требованием для критической медиаграмотности.

В дополнение к увеличению количества времени, которое американцы проводят за своими устройствами, также увеличилось количество пользователей, использующих эти устройства для доступа к «новостям» — конечно, помня, что новости исторически представляли собой упакованную и упакованную «информацию». доставляется как «знание» широкой публике. В сентябре 2012 года в отчете Pew Research отмечалось, что 1/3 всех американцев сообщили о доступе к своей ежедневной новостной информации через свои смартфоны или планшеты [8]. По данным PEW, в 2020 году не только все больше американцев будут иметь смартфоны и использовать их в качестве основного источника новостей, но и 1/4 взрослых американцев отметили, что они получают свои новости в основном с YouTube. И почти 3/4 респондентов отметили, что YouTube был важным средством получения новостей [9]. Но именно здесь потребление информации как знания становится проблемой в социальных сетях, таких как YouTube. В этом недавнем опросе PEW отметила, что из самых популярных новостных каналов на YouTube, которые имели не менее 1000000 подписчиков в 2019 году, только 49% были связаны с новостными организациями, а поразительные 42% были независимыми!

ЭТО ПРИНЕСЛО С СОБОЙ РЯД ДРУГИХ ФАКТОРОВ:

- **Форма**: 70% этих независимых каналов YouTube с более чем 100000 подписчиков сосредоточены вокруг отдельной личности, «ютубера», влиятельного лица или общественного деятеля.
- **Тон**: независимые каналы YouTube в два раза чаще создавали статьи в негативном тоне при представлении своей информации.
- **Теории заговора:** большее количество тем, обсуждаемых в видеороликах YouTube независимыми лицами, занимающимися темами, сосредоточенными вокруг теорий заговора.

Итак, подытоживая, у нас есть сценарий, в котором около **90% потребителей информации держат в руках смартфоны или карманные устройства, и 3/4 из этих людей считают, что YouTube является ценным местом для получения этой информации**, но также почти половина эта информация упаковывается в виде знаний, но никогда не будет соответствовать классификации «надежный источник» согласно Procopio.

В 2005 году я исследовал сдвиг в освещении новостей от того, что я называл настоящими новостями — традиционных новостных центров, таких как **CNN** или **The Washington Post**,— к комедийным новостным шоу, таким как **The Colbert Report** или **The Daily Show**. [10] Что примечательно в то время, так это то, как много американцев в преддверии президентских выборов 2004 года рассматривали коме-

The Washington Post

90° Washington, DC June 9, 2012 Edition: U.S. | Regional Make us your homepage

In the News Belmont Stakes Watergate U.S. soccer Crefio Dollar Lindsay Lohan

Spain to seek bailout of banks from euro zone

Associated Press 10:58 PM ET

Finance ministers from the bloc's 17 countries say they are prepared to give Spain up to $126B to save its banks.

- 90+ comments: Weigh in
- Europe races to save the euro

A bad week for Democrats

Dan Balz

THE TAKE | President Obama suffers a run of bad news.

- 900+ comments: Share your thoughts
- Reid puts campaign machine to work

Syrian rebels gaining ground, strength

Liz Sly 9:20 PM ET

Free Syrian Army acquiring more money, ammunition and structure as effort to aid it quietly gains pace.

- U.N. monitors investigate second massacre

(Cafe Milano's Hector Galvez sets out hors d'oeuvres. | L. Davidson/Post)

The 'new' Washington dinner party

DeNeen Brown

If the parties of old were about private power-brokering, those of today often focus on promotion: of causes, of people, of books.

- A peek inside Washington dinner parties past and present
- Sally Quinn announces the end of power in D.C.

Opinions

Get with the times, baby boomers

William H. Frey

The whole generation must get used to a more diverse America.

SUSTAINABILITY IS MORE THAN A TREND, IT'S A WAY OF LIFE

дийные новости как надежный источник информации по ключевым вопросам перед голосованием. И хотя я размышлял о том, насколько этот сдвиг был проблемным для демократии, оглядываясь назад, мы видим, что на самом деле это было частью более значительного процесса, в результате которого происходило смещение освещения новостей — от эссе типа **Нормана Мейлера**, в котором выражались и исследовались сходящиеся взгляды на проблемы, к **простым заголовкам, которые сенсационны для удовольствия аудитории**. Однострочное освещение новостей в мире **Twitter** стало стандартом даже для таких новостных организаций, как **CNN** или **The Washington Post**. В социальных сетях новостные организации и независимые организации используют простые однострочные строки или базовое изображение, чтобы заменить всю новость и привлечь читателей смартфонов, которые получают доступ к своим новостям из цифровых пространств — часто принося в жертву компонент знаний в новостной статье. заявление о шоке, которое приведет к щелчку, который перенаправляет зрителя на веб-сайт, блог или канал YouTube. Когда новости отправляются прямо на наши телефоны, они отправляются туда, потому что мы активно подписались на их получение; либо через RSS-канал для определенных типов историй, которые нас интересуют, через приложение (бесплатное или платное), которое сортирует наши симпатии и антипатии и затем отправляет их нам через поисковые системы, которые используют алгоритмы для предсказания наших «настоящих желаний», либо даже через платную подписку на выбранного поставщика новостей. Во всех случаях выбор информации, которую мы получим как знания, происходит до того, как мы когда-либо увидим истории — а во многих случаях даже до того, как мы увидим темы! Что отличает этот процесс от социальных сетей по сравнению с телевидением или доставкой газет на дом, так это первенство и интимность информации, упакованной в виде знаний через смартфон.

Когда новости отправляются прямо на наши телефоны, олицетворение этих новостей сразу подсказывает нам, что их содержание является реальным, законным, заслуживающим доверия и непредвзятым; и что он полностью представляет мир — локально и глобально — он призван охватить. Но насколько хорошо однострочное освещение новостей Твиттера действительно выдерживает критическую медийную грамотность? Когда новости приходят в виде однострочных твитов, если читатель не щелкает, чтобы прочитать всю историю или не тратит время на то, чтобы узнать, кто является источником и каков может быть контекст истории, тогда сама новость переваривается, не пережевывая. Сенсационный однострочный заголовок, который был написан, чтобы заманить читателя на домашний сайт новостной корпорации или на независимый канал YouTube, становится самим новостью и приобретает восприятие истины — даже если восприятие является пустым и священным символом.

Такие устройства, как смартфоны, являются портативными, мобильными и обычно всегда находятся рядом с телом. В дополнение к их непосредственной физической близости к пользователям, тип приложений, загружаемых на устройство и используемых несколько раз в день, таких как обмен сообщениями, обновления статуса, календарь, новости и даже информация о погоде, обеспечивает основное состояние устройства в нашей жизни. теперь выполняем многие социальные роли, которые раньше занимали друзья, партнеры, помощники и другие доверенные лица в нашей повседневной жизни. Поскольку сообщения в социальных сетях отправляются и принимаются мгновенно и часто без цензуры со стороны отправителя и без сортировки получателем, активное участие со стороны человека для доступа к знаниям, а не только к информации, требует критической медиаграмотности, которая в первую очередь смотрит на среду доступа, нуждающегося в расшифровке. IPhone — это не просто портативное устройство, которое помогает человеку в процессе общения. IPhone — это само общение.

В разделении медиа и медиума на два разных термина мы видим жизненно важную переосмысление аргумента **Маршалла Маклюэна о том, что медиум — это сообщение!** [11] Речь идет о форме в равной степени. Это о контейнере столько же, сколько и о контенте.

ОБ АВТОРЕ

Доктор Стив Дженнаро имеет докторскую степень в Университете Макгилла, исследуя пересечения медиа, технологий, психологии и идентичности молодежи. Он получил докторскую степень по философии образования в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе у Дугласа Келлнера. Стивен Дженнаро является одним из основателей Программы исследований детей, детства и молодежи Йоркского университета, автором книги «Продажа молодежи», соредактором журнала «Молодежь и социальные сети» (выходит в 2021 г.) и соавтором книги «Галактика Гуглбург» (предстоящий 2022 год). Доктор Дженнаро регулярно публикуется в областях, связанных с философией технологий, образованием, критической теорией и исследованиями в СМИ молодежи, идентичности и политики.

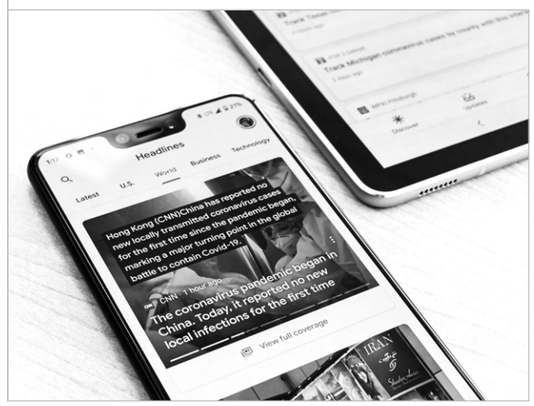
Стив Дженнаро был одним из первых приверженцев электронного обучения в высшем образовании, он помог разрабатывать и проводить курсы в смешанных, полностью интерактивных, экспериментальных и игровых форматах, начиная с 2005 года. Его новаторский подход к педагогике получил международное признание: он мировой лидер в области передового опыта по вовлечению студентов, разработке курсов, а также цифровому обучению и обучению. Помимо своего собственного преподавания, доктор Дженнаро работает дизайнером учебных материалов на крупнейшем в Канаде факультете гуманитарных наук Йоркского университета в Торонто.

ССЫЛКИ:

[1] Прокопио, Давид. «О рейтинге источников и надежности данных в научном исследовании», «Еврейское обозрение», 2 июня 2020 г., https://jewishreview.co.il/about-the-rank-of-sources-and-the-reliability-из-данных-в-научном-исследовании-10202.

[2] Эта цитата первоначально появилась во «Введении» Маркса 1843 года «Вклад в критику философии права Гегеля» при обсуждении религии. Маркс отмечал, что «это опиум для народа». https://www.marxists.org/archive/marx/works/1843/critique-hpr/intro.htm

[3] Адорно развивает эту идею в своем эссе 1944 года с Максом Хоркхаймером «Индустрия культуры: Просвещение как массовый обман» в книге «Диалектика просвещения», когда он отмечает: «Потребителю нечего классифицировать. Продюсеры сделали это за него. Искусство для масс разрушило мечту, но по-прежнему соответствует принципам мечтательного идеализма, против которого сопротивлялся критический

идеализм». https://www.marxists.org/reference/archive/adorno/1944/culture-industry.htm. Он также возвращается к этому понятию в его 1967 «Пересмотренная культура промышленности» отметив, что «хотя индустрия культуры, несомненно, спекулирует на сознательном и бессознательном состоянии миллионов, к которому она направлена, массы не являются первичными, но вторичные, они являются объектом расчета; придаток техники. Потребитель — не король, как хотелось бы, чтобы мы верили в культуру, не его субъект, а его объект». Теодор Адорно и Дж. М. Бернштейн, The Culture Industry Selected Essays on Mass Culture (Лондон: Routledge, 2001), 99.

[4] Адорно и Хоркхаймер в статье «Индустрия культуры» утверждают: **«Индустрия культуры постоянно обманывает своих потребителей в том, что она постоянно обещает. Вексель, который своими сюжетами и постановкой привлекает удовольствие, бесконечно затягивается; обещание, из которого на самом деле и состоит все зрелище, иллюзорно: все, что оно на самом деле подтверждает,— это то, что реальная цель никогда не будет достигнута, что посетитель должен быть доволен меню».** https://www.marxists.org/reference/archive/adorno/1944/culture-industry.htm.

[5] Келлнер, Дуглас и Джефф Шер. Руководство по критической медиаграмотности: привлечение средств массовой информации и преобразование образования. Лейден: Brill Sense, 2019.

[6] Перрин, Эндрю и Мадху Кумар. **«Около трех из десяти взрослых американцев говорят, что они« почти постоянно» в сети»**,— исследовательский центр PEW, 25 июля 2019 г., https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/07/25/americans-в-сети-почти-постоянно.

[7] Андерсон, Моника и Цзинцзин Цзян, «Подростки, социальные сети и технологии 2018», Исследовательский центр PEW, 31 мая 2018 г., https://www.pewresearch.org/internet/2018/05/31/teens-social -медиа-технологии-2018.

[8] «Будущее мобильных новостей», Исследовательский центр PEW, 30 сентября 2012 г., https://www.journalism.org/2012/10/01/future-mobile-news.

[9] Стокинг, Гален и др., «Многие американцы получают новости на YouTube, где новостные организации и независимые продюсеры процветают бок о бок», Исследовательский центр PEW, 28 сентября 2020 г., https://www.journalism.org/2020/09/28/многие-американцы-получают-новости-на-YouTube-где-новостные-организации-и-независимые-продюсеры-процветают-бок-о-бок.

[10] Дженнаро, Стив. «The Daily Show: лицо американских новостей в 2005 году». Критикос, Том 2, (апрель 2005 г.). https://intertheory.org/gennaro.htm

[11] Маклюэн, Маршалл и Квентин Фиоре. Medium is the message. Нью-Йорк: Bantam Books, 1967.

Стив Дженнаро

ДАВЛЕНИЕ ОЦЕНКИ В НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

ХОСЕ М. ТОРРАЛЬБА

Профессор, Мадридский университет Карлоса III

Ученые должны использовать в своей научной работе множество источников, но главный из них — **это научные журналы, научные конференции**, другая научная информация. Раньше одним из первоисточников информации были для нас конференции, на которых вы могли присутствовать и видеть предыдущие. Обычно на конференции люди представляют работы, которые не всегда завершены. Иногда это предварительная работа, иногда — законченная работа. Но конференции — хороший источник информации. Также, конечно, научные журналы.

> *Я думаю, что самые важные источники — это научные журналы.*

Сегодня благодаря Интернету у вас есть доступ к мировым научным журналам. Найти в сети любую информацию не так уж и сложно.

В ответ на вопрос: **«Как лучше всего отличить объективную информацию и достоверные источники от поддельных?»** на мой взгляд:

> *В научном мире никто не верил напрямую новостям из любого другого источника, кроме научных журналов.*

В этом смысле есть несколько ученых, которые действительно верят некоторым фальшивым новостям, потому что большинство из нас может напрямую обратиться к источнику информации — в научные журналы. Если новое не основывается на действительно контрстабильном, действительно простом способе сопоставления информации, обычно мы в это не верим. По этой причине фейковые новости не влияют на ученых так сильно, как на обычных людей, потому что у ученых был хороший источник информации в научных журналах.

На вопрос о неписаных правилах в Академии и о том, **почему принято делать то, что иногда не имеет ничего общего с результатами научной деятельности**, сложно ответить. Я думаю, что существует множество «этических» кодексов, в которых вы должны следовать этому кодексу редактирования. Таким образом, в принципе ученые не должны публиковать неконтрастные результаты в соответствии с надлежащими экспериментальными методами. Существует очень стандартный научный метод, основанный на экспериментировании и контрасте — как сопоставить результаты с реальным экспериментом. И в принципе хорошие ученые должны знать эти этические правила в отношении публикации. Так что, на мой взгляд, если вы не следуете этим этическим правилам, вы плохой ученый. **Не менее важно быть настоящим ученым с этической точки зрения, чем с точки зрения знаний**. Итак, этика так же важна, как и знания.

Я думаю, что с каждым днем все больше людей занимаются вопросами этики. Так, есть много серьезных журнальных статей, в которых люди могут понять общие правила этики в науке. Поэтому я думаю, что если вы не следуете этим правилам, то это происходит потому, что вы действительно не хотите этого делать, потому что более или менее все знают, как действовать с научной точки зрения.

Когда мы говорим о том, с чего начинается понятие «научный» и какова граница между наукой и мусорной наукой, я думаю, что наука — это когда вы следовали научному методу. Это самый простой ответ. Научный метод означает экспериментальный подход: вы должны предложить тезис, вы должны попытаться рассмотреть (настроить) это с помощью одного экспериментального подхода, и вы должны подтвердить, что ваша диссертация была выполнена с помощью экспериментального подхода. Если нет — это не наука. Так что если вы предложите одну теорию, **но она не будет основана на экспериментальном подходе, это не наука**.

На мой взгляд, наука построена на прочной основе экспериментального подхода, когда вы должны подтверждать, вы должны проверять, действительно ли ваш тезис разработан или нет, подтвержден он или нет. Так что в этом настоящая разница между наукой и другими вещами.

Когда мы говорим о том, «должны ли мы просто доверять тому, что доказывает ученый, и должны верить этому в нечто заслуживающее доверия просто потому, что некоторые ученые так говорят, я, конечно, говорю «Нет». Мы не должны в это верить. В научном мире у нас есть преимущество в том, что большинство научных журналов, когда вы отправляете статью или отправляете информацию, если это журнал с хорошей репутацией (хороший журнал), эта статья рецензируется как минимум двумя коллегами. И эти люди — люди внешние по отношению к вашей жизни, вы можете из не знать. Так что другие ученые и все науки основаны на оценке экспертов, которые стараются удостовериться, что публикуемая вами информация является не фальшивой.

Я думаю, что сейчас гораздо более важная проблема заключается в том, что в научном мире мы испытываем сильное давление со стороны оценки.

> *Давление настолько велико, что люди изо дня в день стараются публиковаться все быстрее и быстрее — это приводит к тому, что некоторые правила начинают нарушаться.*

И есть много журналов, которые на самом деле не являются хорошими журналами: это выглядит как хороший научный журнал, но рецензирование не так хорошо, зато они очень быстро публикуют статьи с не очень хорошо развитой системой рецензирования. И это порождает много науки «второго дивизиона». Но с точки зрения журналиста и обычных людей они не различают, какая информация является хорошей. Большинство ученых знают, какие журналы являются хорошими, а какие — плохими. **Но есть много так называемых «научных» журналов, которые не так хорошо зарекомендовали себя в своей системе рецензирования; они каким-то образом публикуют много фейковых новостей, статей, не прошедших должное рецензирование.** Так что сегодня это очень высокий риск.

ЛИЧНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

ВЛАДИМИР СКВОРЕЦ

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии Запорожского национального университета

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ: ПРОБЛЕМЫ И АСПЕКТЫ»

Ознакомившись с информационным листом о проведении научной конференции **«Источниковедение сегодня: проблемы и аспекты»**, я оказался очарован этой темой. Это мое состояние было обусловлено несколькими обстоятельствами, которые были в моей жизни и оказали решающее влияние на мое отношение к науке и к жизни.

Во-первых, **источниковедение — это важная отрасль исторической науки, разрабатывающая теорию и методику изучения и использования исторических источников** (вещественных, письменных, фольклорных и др.). История является одной из немногих универсальных наук, поскольку, ее содержание охватывает явления, предметы и процессы в природе, жизни общества и отдельного человека. Без исторического метода невозможно проведение какого-либо научного исследования. Логика исторического метода состоит в том, что любое изучаемое явление рассматривается по такому алгоритму: как и почему появилось данное явление, из каких элементов оно состоит, какие функции выполнял каждый из этих элементов, как и почему это явление изменялось, какую роль выполняло это явление на разных этапах своего развития. Поскольку информация о любых явлениях и процессах всегда извлекается из определенных источников, то источники являются основой научного исследования. Без использования надежных источников настоящая наука просто невозможна.

Во-вторых, мое понимание источниковедения формировалось в то время, когда я был студентом исторического факультета Днепропетровского государственного университета (1979–1984 годы). Для моих однокурсников курсы «Источниковедение» и «Историография» преподавал замечательный человек, прекрасный ученый-историк **Николай Павлович Ковальский**. Он оказал огромное влияние на меня и многих других студентов, которые учились на историческом факультете Днепропетровского государственного университете, поскольку смог привить интерес к работе с историческими источниками и историографическими материалами.

Третьим обстоятельством, которое актуализирует рассматриваемую проблему, является то, что все действительно научные знания всегда создаются исследователями, которые опираются на знания, созданные всеми предшественниками, начиная от мыслителей древнего мира, античности и заканчивая исследователями наших дней. Наследственность научных знаний проявляется в борьбе научных концепций, но наследственность возникает только с опорой на исторические источники, которые являются основой теоретических построений, гипотез, моделей, концепций. Когда встречаем некоторые теоретические построения, которые игнорируют исторические источники и не связаны с реальными

процессами в жизни общества, то это отнюдь не научное творчество, а пустоцвет, который имитирует научную форму. Таких лжеученых в постсоветской Украине развелось немало. Есть и признаки, по которым их можно выделить: после диссертации почти нет публикаций в научных журналах, они избегают научных дискуссий, в которых нужно было бы показать, как работает их концепция в решении практических проблем. Эти имитаторы научной деятельности не имеют своего научного лица.

Мой профессиональный опыт работы учителем (я 25 лет преподавал историю и правоведение в школе), научно-педагогическим работником (12 лет преподавания в Запорожском национальном университете), а также жизненный опыт дают основания говорить о научных источниках шире, чем сложилось в источниковедении.

> *Для получения научного результата важны не просто источники, а знания об источниках и знания, которые извлечены из конкретного источника.*

А это уже идет речь о познавательной деятельности исследователя, который осуществляя мыслительные операции с источником, получает определенные знания. Эти знания и являются результатом научной деятельности, который приобретает форму теоретического построения в форме идеи, гипотезы, проблемы, концепции, теории.

Полученный и проверенный на практике научный результат является одним из оснований, по существу, источником для дальнейшего научного поиска. Поскольку ключевую роль в этом процессе играет исследователь, то в осмыслении проблемы научного источника необходимо выходить на понимание роли личности исследователя как важнейшего источника научного, технического и художественного творчества.

Речь идет о выходе за рамки чисто научного понимании источника. Переход на философский уровень понимания источника, требует признания того, что источниками являются не только предметы, явления и процессы в природе, обществе и жизни человека, но и сама личность исследователя, который, создавая научные знания, формирует источник его дальнейшего развития. Вспомните о понятии «первоисточник», которым обозначали труды великих мыслителей, но эти труды создавались людьми, то есть сами авторы тоже являются источниками (идей, знаний, концепций, теорий и определенного мировоззрения).

> *По моему глубокому убеждению, именно личность является главным источником научного, технического и художественного творчества.*

На моем жизненном пути мне выпала честь общаться и попасть под влияние таких личностей. Среди них были **Николай Павлович Ковальский** и **Виталий Иванович Воловик**. Ознакомление с биографией, научным и педагогическим творчеством, общественной деятельностью этих выдающихся ученых, дает основания говорить о том, что создает ученого. Использование получившего признание в исторической науке и социологии биографического метода в исследовании творчества ученых позволяет оценить роль личности ученого.

О ЛИЧНОСТИ Н. П. КОВАЛЬСКОГО КАК ИСТОЧНИКЕ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Николай Павлович Ковальский — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения и историографии, 27 лет (с 1967 г. по 1994 г.) работал преподавателем Днепропетровского государственного университета. С именем Н. П. Ковальского связано создание и функционирование днепропетровской школы источниковедения, которая была хорошо известной среди ученых не только в Украине и Советском Союзе, но и за их пределами, в Польше, Германии, США, Канаде. Многие сотрудники кафедры источниковедения и историографии, которой заведовал Н. П. Ковальский, защитили диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Среди них такие авторитетные ученые-историки как И. Ф. Ковалева, А. Г. Болебрух, И. И. Колесник, С. Н. Плохий, В. В. Подгаецкий, Ю. А. Мыцик, А. К. Швидько, А. А. Удод.

Николай Павлович Ковальский был личностью общенационального масштаба, который не только четко видел проблемы молодого украинского государства, задачи, которые необходимо решать, но и находил пути и ресурсы для их решения. Когда Украина стала независимым государством, Н. П. Ковальский, который был родом из Острога, стал одним из инициаторов возрождения старейшего высшего учебного заведения Украины — Острожской академии (ныне — Национальный университет «Острожская академия»). В возродившемся университете Н. П. Ковальский стал первым проректором по научной работе и возглавил кафедру истории и культурологии, а также создал в Остроге филиал Института украинской историографии и источниковедения им. М. Грушевского НАН Украины. Реализация этого выдающегося историко-культурного и образовательного проекта требовала решения сложнейших задач: **найти и объединить своих единомышленников, найти необходимые ресурсы и финансовую поддержку в правительственных кругах Украины и за рубежом**. Успешная реализация этого проекта свидетельствует о том, что Н. П. Ковальский совершил подвиг во благо украинского народа. Острожская академия является современным университетом, который сумел возродить многие традиции прошлого, и нацелен на формирование будущих поколений украинской элиты. За годы своей научно-педагогической деятельности Н. П. **Ковальский подготовил около двух десятков кандидатов и докторов наук.**

Я всегда помню фразу Н. П. Ковальского, которую он часто повторял:

«ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НАПИСАНА КРОВЬЮ».

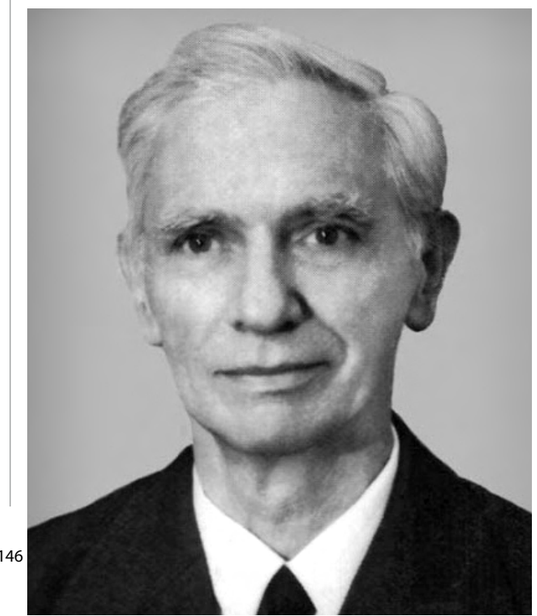
Это действительно аксиома исторической науки, которая является необходимым условием понимания исторического процесса. Позже, когда я занялся изучением философии, ко мне пришло понимание, что эта фраза не является достаточным основанием для понимания диалектики исторического процесса. В августе 2018 г. в Пекине состоялся XXIV Всемирный философский конгресс, который проходил под девизом **«Учиться быть человеком»**. Эти две мысли, Н. П. Ковальского о том, что история человечества написана кровью, и всемирного конгресса о необходимости учиться быть человеком, служат источником понимания их диалектической взаимозависимости.

> *Фраза «человеческая история написана кровью» означает войну и другие формы жестокого насилия, то есть, проявление биологической природы человека. Фраза «Учиться быть человеком» означает признание человека и человеческой жизни высшей социальной ценностью, это трудный поиск пути утверждения гуманизма, то есть социальной природы человека.*

Наука свидетельствует, что в основе исторического процесса всегда лежала борьба этих двух диалектических противоположностей — биологической и социальной природы человека. Это диалектическое противоречие можно выразить формулою:

> *«История человечества написана кровью, но в ходе кровавых событий истории постепенно утверждалось отношение к человеческой жизни как высшей социальной ценности».*

Николай Павлович Ковальский

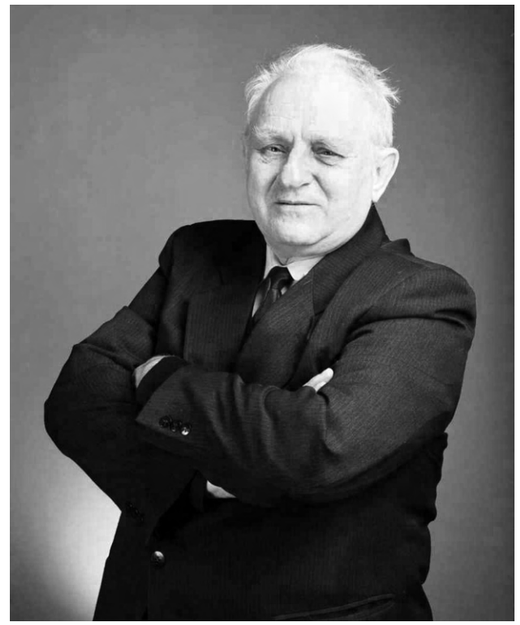
В современном украинском обществе, как и в обществах других стран мира, ценности социальной природы человека находятся под давлением биологической природы человека. Поэтому **задача каждого ученого**, а особенно гуманитариев, **состоит в противостоянии расчеловечиванию человека, нередко попадающего под влияние его биологической природы.**

О ЛИЧНОСТИ ВОЛОВИКА ВИТАЛИЯ ИВАНОВИЧА КАК ИСТОЧНИКЕ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

На моем жизненном пути, когда я уже был в возрасте 41 года, мне выпало настоящее человеческое счастье — я встретил **Виталия Ивановича Воловика**. Я нашел своего Учителя, а мой Учитель нашел в моем лице одного из своих многочисленных учеников и последователей в науке. Он оказал определяющее влияние на мое становление как ученого. **Для меня Виталий Иванович стал Учителем и Духовным отцом**. Из своего личного жизненного опыта я убедился, что личность учителя является чрезвычайно важным источником формирования личности ученика.

> *Без учителей не может быть никаких великих достижений учеников — это аксиома нашей жизни, которая всегда только подтверждалась наукой и никогда и никем не опровергалась.*

Виталий Иванович Воловик является советским и украинским ученым, философом, педагогом, краеведом, журналистом, общественным деятелем и писателем, который стал автором 11 романов и одной повести, посвященных истории Запорожского края. После окончания физико-математического факультета Запорожского государственного педагогического института Виталий Воловик работал учителем, а затем комсомольским организатором на строительстве г. Днепрорудного. В. И. Воловик обучался в аспирантуре и докторантуре Академии общественных

Виталий Иванович Воловик

наук в Москве, где ему пришлось общаться с ведущими советскими обществоведами, а значит и многому научиться у них. В период с 1987 по 2013 год Виталий Иванович Воловик, возглавляя работу кафедр философии, организовал аспирантуру, подготовку аспирантов и докторантов. В 1994 году В. И. Воловик стал основателем и главным редактором научного журнала **«Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини»**. Этот научный журнал представляет собой специализированное издание, которое стало платформой для публикаций исследований по социальной философии и уже 25 лет служит формированию сообщества специалистов по социальной философии. Таким образом, деятельность В. И. Воловика была нацелена на создание условий для подготовки высококвалифицированных кадров по социальной философии и социологии. В. И. Воловик лично подготовил 9 докторов наук и 18 кандидатов наук, то есть создал запорожскую научную школу социальной философии. Благодаря большой научной, организационной и педагогической деятельности В. И. Воловика и его единомышленников, к началу XXI века в Запорожском национальном университете сложились предпосылки для создания фа-

культета социологии и управления. В 2001 г. был создан факультет социологии и управления, а в его составе кафедра социологии, то есть, подразделения, в которых работает большинство ученых, которые сформировались в рамках научной школы В. И. Воловика.

Особого внимания заслуживает изучение идей и результатов научного творчества В. И. Воловика, который сделал большой вклад в разработку категориально-понятийного аппарата социальной философии, что служит методологической основой изучения общества как социального организма страны. Виталий Иванович Воловик разработал методологию исследования социальных процессов по основным направлениям социально-философского осмысления форм общественного сознания, таких как историческое, политическое, религиозное, научное, педагогическое сознание. **Важное место в творчестве В. И. Воловика занимает разработка методологии исследования и оптимизации развития украинского общества**, обоснование концепции Отчизны для народа Украины и теоретической модели партии (блока партий) социального прогресса как необходимого условия успешной модернизации украинского общества.

Художественное творчество В. И. Воловика имеет большое значение для формирования отношения жителей Запорожской области к истории родного края. Большой интерес читателя вызвали романы В. И. Воловика «Следы», «Пороги», «Вера», которые вошли в трилогию «Воля-волюшка». Четыре автобиографических романа — «Да будет день» (детство, юношество и студенческие годы писателя), «И прилетят соловьи…» (работа комсоргом на новостройке г. Днепрорудного), «Искатели земного рая», «Блажен, кто верует» (работа в составе руководства Запорожской области) вошли в тетралогию «Время выбирает нас», в которой описан трудовой и жизненный путь Виталия Ивановича в контексте социальной жизни Запорожского края в 60–80-е годы XX столетия. Позже, был издан роман «Отцы — не дети», который также является автобиографическим и посвящен истории и жизни Запорожского края в период первого десятилетия периода независимости Украины. Первые строители г. Днепрорудного во время презентации романа В. И. Воловика «И прилетят соловьи…» в отзывах о содержании романа отмечали правдивость отображения их жизни и с любовью назвали автора «наш запорожский Шолохов».

Особенно следует отметить, что научное и художественное творчество В. И. Воловика пронизано чувством оптимизма и непоколебимой веры в светлое будущее украинского народа, в его способность обеспечить поступательное развитие и процветание Украины.

О ВЛИЯНИИ В. И. ВОЛОВИКА НА МОЕ НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО

С Виталием Ивановичем Воловиком я познакомился в феврале 2001 года на курсах повышения квалификации в Запорожском областном институте последипломного педагогического образования. Слушателей курсов приглашали на учебу в аспирантуру, и я выразил желание учиться. Уже осенью я успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен в аспирантуру, а моим научным руководителем был назначен В. В. Воловик. И вскоре я столкнулся с проблемой моего отношения к науке. В течение шести месяцев я с определенным интервалом предоставил Виталию Ивановичу четыре варианта статьи, но каждый раз он терпеливо вычитывал, писал замечания на 1–2 страницы и констатировал, что статья еще не получилась. Я уже начал думать, что взялся не за свое дело, что я, наверное, не способен к занятию наукой, но считал, что бросить работу над статьей тоже будет проявлением слабости. И вот на восьмом месяце нашего общения с Виталием Ивановичем, когда, находясь на грани отчаяния, я принес ему пятый вариант статьи, мой учитель при мне прочитал его, рекомендовал убрать один абзац и сказал, что в таком виде статья готова к печати и соответствует требованиям к научным публикациям. Это был прорыв. Задание было выполнено. Я был по-настоящему счастлив, я убедился, что смогу заниматься наукой.

Дальше было легче. Я понял как надо писать статьи, как работать с источниками, как оформлять результаты своего научного поиска. Были еще 2–3 случая, когда статьи

приходилось переделывать, но в основном они уже в первом варианте рекомендовались к публикации.

Одной из проблем в начале моего пути как исследователя было то, что я уже выработал в себе историческое мышление, а нужно было овладеть философским мышлением.

> *Если историк в своем исследовании опирается в основном на индуктивный метод — мысль движется от единичного к общему, то в философском мышлении преобладает метод дедукции — мысль движется от общего к единичному.*

Именно терпение В. И. Воловика и мудрое управление процессом обучения способствовало формированию у меня и других аспирантов философского мышления. В. И. Воловик в течение многих лет проводил методологические семинары для аспирантов и докторантов, которые оказались очень эффективной формой подготовки исследователей.

По оценке одного ученого, для того чтобы исследователь смог разработать собственную концепцию, он должен найти тысячу источников, выбрать из них сотню самых важных для изучения своей проблемы, а из них выбрать 10 источников, с содержанием которых нужно поработать очень тщательно, буквально по страницам и абзацам. Кстати, практически все книги своего Учителя Воловика В. И. я прочитал, при том многие с карандашом в руке для пометок важных моментов в содержании его текстов. Это необходимо для того, чтобы книги служили действительным источником знаний и идей. Я могу сказать, что всегда низко склоняю голову перед своим Учителем В. И. Воловиком, который научил меня пользоваться источниками, в том числе философского характера, а значит, вел меня путем освоения философского мышления, то есть мышления, основанного на философских категориях и имеющих теоретический характер — форму теоретических моделей. Моя благодарность моему Учителю выражена в том, что я, как и другие ученики Виталия Ивановича, стремлюсь в своем научном творчестве опираться на идеи и теоретические модели В. И. Воловика. Это означает, что **научная философская школа В. И. Воловика продолжает дело своего основателя: идеи, концепции, теории В. И. Воловика продолжают жить.** И личность В. И. Воловика, и его научное и художественное творчество продолжают оставаться источником развития научного и философского знания, в котором остро нуждается современное украинское общество. Одним из важнейших требования В. И. Воловика к научному творчеству был принцип единства социальной теории и социальной практики.

> *Виталий Иванович часто говорил о том, что важнейшим условием успешной научной работы аспиранта является наличие органической связи между учителем и учеником, то есть между творчеством каждого из них.*

Между творчеством В. И. Воловика и моим творчеством такая связь действительно существует. Виталий Иванович рассматривал общество как социальный организм. Он разработал очень многие понятия социальной философии, философии истории, полити-

ческой философии с включением в них понятия социальный организм. Социальный организм — это понятие, которое выражает набольшую степень целостности общества как социальной системы. Мой учитель понимал, что для постсоветского украинского общества именно такой подход является наиболее актуальным, поскольку украинское общество является очень сложным и противоречивым по национальному, языковому, культурному, религиозному и региональному составу. В моей первой монографии **«Жизнеустройство народа как социальный феномен»**, которая стала основой для докторской диссертации, ключевое понятие базируется на понимании общества как социального организма. Жизнеустройство — это понятие, которое обозначает исторически сложившийся порядок взаимосвязи человека, природы и общества, который обеспечивает интеграцию субъектов жизнедеятельности в социальный организм страны и воспроизводство последнего как органической целостности, основанной на воспроизводственных процессах, включающих воспроизводство человека, экономической системы, социальной структуры, политической системы, техносферы, социокультурной сферы и образа жизни социальных субъектов.

В настоящее время мое научное творчество представлено 120 публикациями: статьи в научных журналах, две монографии в единоличном авторстве, 2 монографии — в соавторстве, около полтора десятка — учебно-методические пособия и материалы. Сделать все это без источников просто невозможно. В моей монографии **«Трансформация социоисторического организма Украины: аналитика социальных процессов»** из 520 страниц общего объема список литературы составляет 60 страниц, то есть больше 10% общего объема. И эти ссылки являются подтверждением теоретического построения модели украинского общества в постсоветский период.

Я могу с полной уверенностью утверждать, что без личности Виталия Ивановича Воловика и его творчества не было бы и моего научного творчества. Или оно могло быть совершенно другого содержания и формы.

ЧТО СОЗДАЕТ УЧЕНОГО?

Характеристика личности Николая Павловича Ковальского и Виталия Ивановича Воловика, их трудовой, научной и общественной деятельности, дает основание для выводов о том, какие факторы создают ученого. Во-первых, результаты научной и творческой деятельности ученого, которые зафиксированы в его монографиях, научных статьях и других публикациях, которые содержат разработанные им идеи, концепции, теории. Во-вторых, его личный вклад в подготовку ученых, которые являются специалистами наивысшей квалификации. В-третьих, наивысшим показателем творческих достижений ученого является создание им собственной научной школы. В-четвертых, высокая результативность в решении практических проблем жизни общества, в частности, образования и науки. В-пятых, реальное влияние ученого на формирование мировоззрения и отношения к жизни своих учеников, студентов, аспирантов и докторантов.

Значение каждого ученого определяется его отношением к науке и местом, которое занимает его творчество в науке. Наука является, по-существу, специфической сферой человеческой деятельности, в которой создается новое знание (в форме идей, гипотез, постановки и решения проблем, концепций и теорий), более или менее приближенное к истине и проверяемое практикой решения задач взаимодействия человека с природой, обществом и техникой. Жизнь науки проявляется в выдвижении идей, разработке на их основе проектов, соперничестве проектов, которые отстаивают различные ученые. Научная жизнь успешно развивается там, где есть научная дискуссия (не путать с телешоу), то есть дискуссия ведется признанными учеными, на научном языке, что значит обязательно с опорой на источники, и при этом своим содержанием приближается к решению практических проблем.

В науке давно сложилась традиция, согласно которой определенный авторитет ученого поддерживается отношением к его творчеству научного сообщества, представители которого в своем научном творчестве являются последователями или критиками этого ученого.

Перед людьми, которые серьезно занимаются наукой, всегда стояла проблема: как защитить свою среду от проходимцев, которые имитируют научную деятельность, представляя свои публикации как некий научный результат. Одним из таких **средств защиты среды ученых-профессионалов утвердилась традиция получения доступа в научное сообщество путем защиты диссертации**. Напомню, что традиция защиты диссертаций пришла к нам как одно из важнейших достижений самоорганизации жизни в городах периода Средних веков. В ту эпоху в городах были созданы профессиональные сообщества, такие как цехи — союзы ремесленников, гильдии — союзы купцов, братства — союзы подмастерьев, а в некоторых наиболее богатых и влиятельных городах университеты — союзы преподавателей и студентов. Для получения статуса ремесленника человек должен был пройти сложный путь от ученика мастера (несколько лет) до подмастерья (тоже несколько лет), освоить основные операции и умения ремесленника, лично изготовить шедевр — образец ремесленного изделия, которое по своим качественным показателем вполне отвечает требованиям, сложившимся в цехе, в состав которого входит ремесленник. И только защитив свой шедевр перед союзом ремесленников, то есть цехом, подмастерье мог получить статус ремесленника, а значит те права, которые имели другие члены цеха. По аналогии, в средневековом университете происходила защита диссертаций соискателей, то есть ученый представлял свой «научный шедевр» и должен был его защитить перед судом профессоров. Таким образом, защита диссертаций перед ученым советом — это прекрасная традиция, пришедшая к нам из эпохи Средневековья, но по существу являющаяся формой самоорганизации профессиональных сообществ, способная поддерживать высокий уровень профессионализма его членов и нацеливающая на пополнение новыми профессионалами, которые не только отвечают уже достигнутому уровню требований сообщества, но и стимулирующая к тому, чтобы его превзойти. Без опоры на серьезные источники и обоснование определенной новизны соискатель просто не мог получить признания научного сообщества.

Обобщая свои рассуждения о том, что создает ученого, хочется подчеркнуть, что **величайшим достижением науки являются научные школы, которые выросли, опираясь на традиции самоорганизации профессиональных сообществ.** Именно поддержка этих научных школ со стороны общества и государства является основной предпосылкой обеспечения готовности решать проблемы жизнеобеспечения общества, противостояния тем угрозам, перед которыми оно оказывается.

Владимир Скворец

ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ФОТОГРАФИИ КАК КОМПЛЕКСНОГО ИСТОЧНИКА И ИНСТРУМЕНТА ДЛЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ИРИНА ЛОПАТЮК

Член-корреспондент Украинской академии наук, действительный член Экспедиционного корпуса (Институт памяти)

В представленном докладе, полагаю, в первую очередь уместно отметить многофункциональность и естественную надежность фотографического инструмента, используемого в исследованиях источников в целом и в антропологических и гуманитарных науках в частности.

По моему мнению, фотографический снимок или фотография является:

1. фиксирующим фактом объективной реальности;
2. проективным фактом, отображающим общую картину мышления и психики человека, выступающего в качестве оператора и зрителя (ссылка на терминологию Р. Барта);
3. концептуальным фактом, фактом мира идей. В то же время фотография наделена значением, а значит, единовременно;
4. **фотография** — это факт коммуникации, некий медийный факт (медиа-факт), поскольку фотография выступает медиатором, фактом коммуникации и выбора как оператора, так и спектатора (зрителя), своего рода специальным средством общения, выступающим в роли посредника.

В ближайшем будущем фотография может стать одним из ключевых источников исследовательской информации. В наши дни, в эпоху развития видео- и фотоиндустрии, цифровые и аналоговые фотографии становятся все более доступными. Данные тенденции открывают прекрасные возможности для создания благотворных условий, способствующих комплексным научным исследованиям, а также для создания фотографической среды для будущих поколений.

С точки зрения тенденций, сегодня преобладает цифровая фотография различных форматов (полный кадр, кроп и пр.).

Для оценки базовой классификации фотографии как источника и среды для научных исследований предлагается следующий подход.

- **Цифровые фотографии** (выполняют основную функцию регистрации текущих событий и инцидентов в жизни и деятельности человека);
- **Аналоговые фотографии**. В настоящее время аналоговая фотография возрождается высокими темпами (несмотря на кажущийся эксклюзивным «технологический скачок» в электронных и цифровых технологиях).

Исследователям важно помнить, что сегодня ведущие издательства и крупнейшие библиотеки мира перестали принимать монографии без аналоговых фотографий. Для иллюстрации монографии следует представлять негативы. Другими словами, если вы являетесь ученым или исследователем, и в настоящее время вы что-то фотографируете и намереваетесь в дальнейшем использовать результаты ваших исследований в любой плоскости научной деятельности, вам необходимо представить аналоговую фотографию (отпечатки и негативы).

Тенденция к возрождению также указывает на то, что в ближайшем будущем ожидаются следующие события.

Аналоговая фотография будет развиваться в еще более высоких темпах. Уже сегодня компании производят новые пленки, новые типы реагентов, совершенствуют процесс проявки. В производстве применяются машины, которые отображают и одновременно печатают, сканируют аналоговые фотографии. В общей конфигурации организации деятельности учёных такие тенденции будут способствовать непосредственной профессиональной деятельности и позволят (при наличии соответствующей методики) максимально эффективно решать научные задачи.

Ниже приводятся практические рекомендации, основанные на современных тенденциях и реалиях потенциала и возможностей научных исследований в 21 веке.

Настоятельно рекомендуется, чтобы **фотограф-ученый располагал двумя камерами** (одна аналоговая, вторая — цифровая). Цифровой фотоаппарат необходим для регистрации научной деятельности, т.е. на этапе первичного «научного исследования», когда мы только приступили к изучению предмета, и более необходимы сами данные, нежели доказательства.

В таком случае **рекомендуется использовать преимущества цифрового фотоаппарата**, а именно его возможности более быстрой записи данных с целью последующего качественного анализа поля неизвестного в ходе научной работы. Фактически, мы создаем блок памяти с фотографиями, чтобы даже спустя некоторое время ничего не забыть.

В частности, этот **подход актуален для экспедиционной деятельности.** Многочисленные аспекты первоначального знакомства с предметом могут быть опущены, а в дальнейшем при повторном анализе фотографических серий можно заметить детали, которые не были обнаружены в первый раз.

Аналоговая фотография незаменима для фиксации фотофактов. Другими словами, существует следующая методическая рекомендация (с ней я впервые познакомилась в монографии **«Фотография как источник научной информации»** доктора философских наук Олега Мальцева, в соавторстве с профессором, доктором философии Максимом Лепским и членом-корреспондентом УАН, журналистом Алексеем Самсоновым):

a) создать **предпосылку** фотофакта с помощью цифрового фотоаппарата (зафиксировать ход исследований);
b) затем сфотографировать на аналоговый (плёночный) фотоаппарат, тем самым создав **фотофакт**.

К примеру, в первый раз в экспедиции делается снимок объект на цифровой фотоаппарат. Во второй раз этот же объект фиксируется на плёнку.

Если повторная съемка невозможна, можно снимать обеими камерами одновременно. **Полезно приобрести простой навык фотографирования и использовать оба фотоаппарата в параллели**.

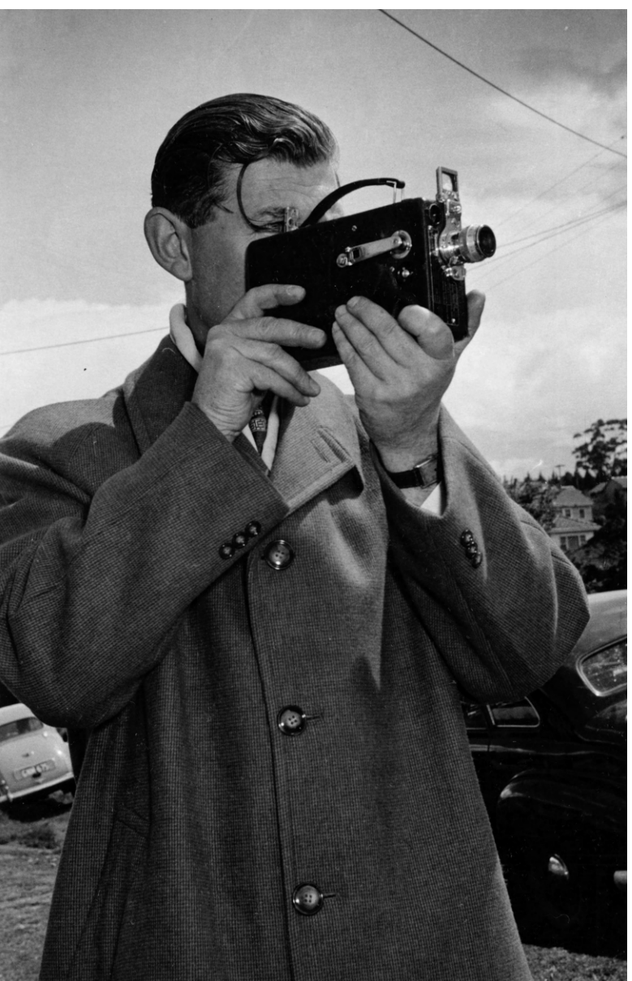
Тенденция к популяризации фотографии сравнима с геометрической прогрессией; вполне предсказуемо, что и аналоговая, и цифровая фотоиндустрия будут быстро развиваться.

1. **Цифровая** — в направлении удобства и автоматизации.
2. **Аналоговая** — в направлении простоты в обращении.

В плане методологического и тактического анализа фотографической продукции, безусловно, будут внедрены новые методы

работы с фотографическими образцами, которые должны включать, с одной стороны, интегрированные системы анализа (например, психологический, филологический, социологический конфигурационный подход). Фактически, мы идём в ногу со временем, переходя к объективному формированию достоверных разнообразных методов анализа на стыке наук. Таковы научные международные ориентиры в странах Америки и ЕС, в чём несложно убедиться, удостоверившись на собственной практике.

С другой стороны, существуют тенденции, определяющие вектор создания новых методов, в том числе компьютерных программ, анализирующих фотографические образцы. Скорее всего, то, что мы сегодня выполняем визуально и вручную, инженеры будущего попытаются автоматизировать, что может оказаться настоящим вызовом, поскольку задачи такого рода требуют специального программного обеспечения для искусственного интеллекта «нового поколения». В настоящее время только человек способен качественно проанализировать фотографию. Ни одна машина в этой области не сможет конкурировать с человеком.

Если в дальнейшем фотография будет развиваться двумя параллельными курсами, в методической части прогнозируется внедрение новых техник и методических подходов, реализуемых на стыке наук, а также стремление к компьютеризации непосредственно самого процесса анализа.

Также возможно, что данные программы позволят человеку принять решение о выборе метода анализа. К примеру, вполне вероятно, что будет создана специализированная диалоговая программа, позволяющая искусственному интеллекту и человеку взаимодействовать друг с другом и коммуницировать. Аналогичным образом, некоторые исследователи, фотографы и/или инженеры смогут создать базы данных образцов фотографий, например, цифровые банки данных в Интернете, в которых можно было бы заказать любую подборку фотографий, не опасаясь подделок (т.е. хранилище такого рода будет отвечать за подлинность фотографий, предоставляемых для научных исследований).

Тем не менее, внимание должно быть сосредоточено на том, что в любом случае нельзя доверять «хранилищу» как таковому, всё надлежит проверять и перепроверять самостоятельно. Однако создание таких баз данных, содержащих подлинные образцы фотографий, значительно сократит время работы исследователя.

В заключение я бы отметила, что фотография, несомненно, является наиболее значимым источником научной информации ввиду её уникальных свойств, которыми не располагает ни один другой аналог. В отличие от прочих видов источников информации, фотография обладает преимуществами, которые одним словом можно охарактеризовать как «объективность».

Ирина Лопатюк

ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ФОТОГРАФИИ КАК КОМПЛЕКСНОГО ИСТОЧНИКА И ИНСТРУМЕНТА ДЛЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РАБОТЕ С ФОТОГРАФИЕЙ КАК С ИСТОЧНИКОМ НАУЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

МАРИНА ИЛЬЮША

Руководитель Научно-исследовательского института «Международное судьбоаналитическое сообщество

«КАМЕРА НЕ ВРЕТ, ВРУТ ЛЮДИ»

Задаваясь вопросами эффективного научного исследования, направленного на разрешение разных научных задач, следуя прогрессу и отвечая требованиям времени, ученому было бы неплохо владеть такими универсальными инструментами, которые позволяли бы не только добывать информацию, но и создавать объективные продукты научной деятельности.

> *Фотоаппарат и фотография — это надежные инструменты, позволяющие создавать объективную научную информацию.*

В рамках доклада будет представлена комплексная методика, разработанная ученым, руководителем Экспедиционного корпуса, академиком УАН Мальцевым Олегом Викторовичем и позволяющая исследователям, ученым разных областей науки самостоятельно приобрести навыки работы с фотографией как с источником научных доказательств.

Возникновению данной методики предшествовала большая научно-исследовательская работа Мальцева Олега Викторовича. Именно в научных экспедициях, исследовательских рейдах разрабатывались и проходили апробацию ее ключевые положения.

Данный доклад описывает основные положения методики и тезисные пояснения каждого её шага. **Методика состоит из 17 рабочих процедур (РП).**

1. Изучите фотографию как научный феномен

Ранее, в XIX–XX вв., многие ученые были фотографами и предпочитали окружать себя коллегами из соответствующего общества. Такая практика, как членство в европейских фотографических обществах, открывала огромное количество новых возможностей и позволяла взаимодействовать со специалистами разных научных отраслей. Исследуя фотографию как научный феномен, каждый ученый может многое для себя прояснить относительно окружающего поля неизвестного.

2. Становитесь фотографом

Как говорил Олег Викторович, данный шаг необязателен, он носит скорее рекомендательный характер. Эта рабочая процедура позволит сформировать свой собственный фотоархив и выборку материалов, отвечающую задачам ученого.

3. Коллекционируйте фотографии о предметах ваших исследований

Создание исследовательской среды из фотоматериалов собственного авторства способствует формированию объективного исследовательского фундамента.

4. Станьте членом фотографического общества

Взаимодействие с разными экспертами из фотографического общества дает огромные возможности. Например, получение доступа к уникальным материалам, выборкам (психологическим, антропологическим), возможность работы в научных группах, а также проведения совместных исследований.

5. Изучите репортажи и фоторепортажи, имеющие отношение к предмету ваших изысканий

Здесь автор методики рекомендует работать с фоторепортажами, сделанными в разные эпохи представителями разных государств и научных школ.

6. Рекомендуется изучать философию Шеллинга / Бодрийяра / Выготского

Конечно же, этот перечень выдающихся философов и мастеров своего дела можно продолжать бесконечно. На данном шаге рекомендуется обращать внимание на философию и психологию искусства, объективное умение работать с информацией и различать «симулякры и симуляции». А еще полезно изучить труды предшественников, которые до вас работали с фотоаппаратом и фотографией как с источником научной информации.

7. Фундаментально изучите методологию науки

Изучение методологии науки — это фундамент и основа будущей успешной и результативной деятельности каждого ученого. Работа с фотоаппаратом и понимание методологических основ философии напрямую способствует формированию умения строить эвристические и логические модели исследования, а также выбора наилучшей научной тактики.

8. Изучите методологические подходы других ученых

В XX–XXI вв. появилось огромное множество новых методик (как валидных, так и не выдержавших проверки). Поэтому для ученого важно расширять свой кругозор и знать, какие технологии и методики используют его коллеги, соратники или критики, и, конечно же, понимать, какие методы являются рабочими и какие из них можно использовать, а на что полагаться нецелесообразно.

9. Необходимо осваивать психологические методы исследования фотовыборок

Дело в том, что ряд психологических глубинных тестов был создан на базе фотографий, портретов и символических изображений. Например, такие как тест Роршаха, портретный тест Липота Сонди. Стимульный материал тестов действует на человека так же, как и фотографии, когда на них смотрят, поэтому исследователю было бы полезно хотя бы ознакомиться с подобными тестами и изучить механизмы их работы.

10. Важно подвергать фотографии исследованиям с позиции применения различных методик.

Поиск и отбор наиболее эффективных методик анализа фотографического материала способствует качественным показателям результативности научного исследования.

11. Создавайте собственные фотовыборки
Такой подход крайне полезен при исследовании, начиная с формирования точной исследовательской базы и заканчивая финальной презентацией результатов научной работы. Собственные фотовыборки позволят проиллюстрировать ход научного исследования соответствующими фотографиями, а также выступят инструментом доказательства и верности проведенного исследования.

12. Систематически упражняйтесь в анализе фотографического материала
Такая работа позволит быстро научиться извлекать максимум полезной информации из фотоисточников посредством применения вариативных валидных методик.

13. Консилиумы и не только: учимся критике
Рекомендуется подвергать критике исследования коллег, соратников, людей «по иную сторону» научных взглядов, а также собственные исследования. Не зря древняя истина времен Сократа гласит:

«В СПОРЕ РОЖДАЕТСЯ ИСТИНА».

14. Упражняйтесь в логике, подвергая критическому анализу собственные умозаключения.
Ученым, исследователям, экспертам полезно упражняться и подвергать критике собственные выводы и умозаключения. Критика и оппонирование — это важный элемент научной деятельности.

15. Рекомендуется учиться работать с архивами.
Работа с архивами, как с государственными, так и с частными, а также работа с различными письменными источниками, фотоархивами прошлых лет, изучение книг и монографий других ученых существенно расширяет масштабы исследовательской среды.

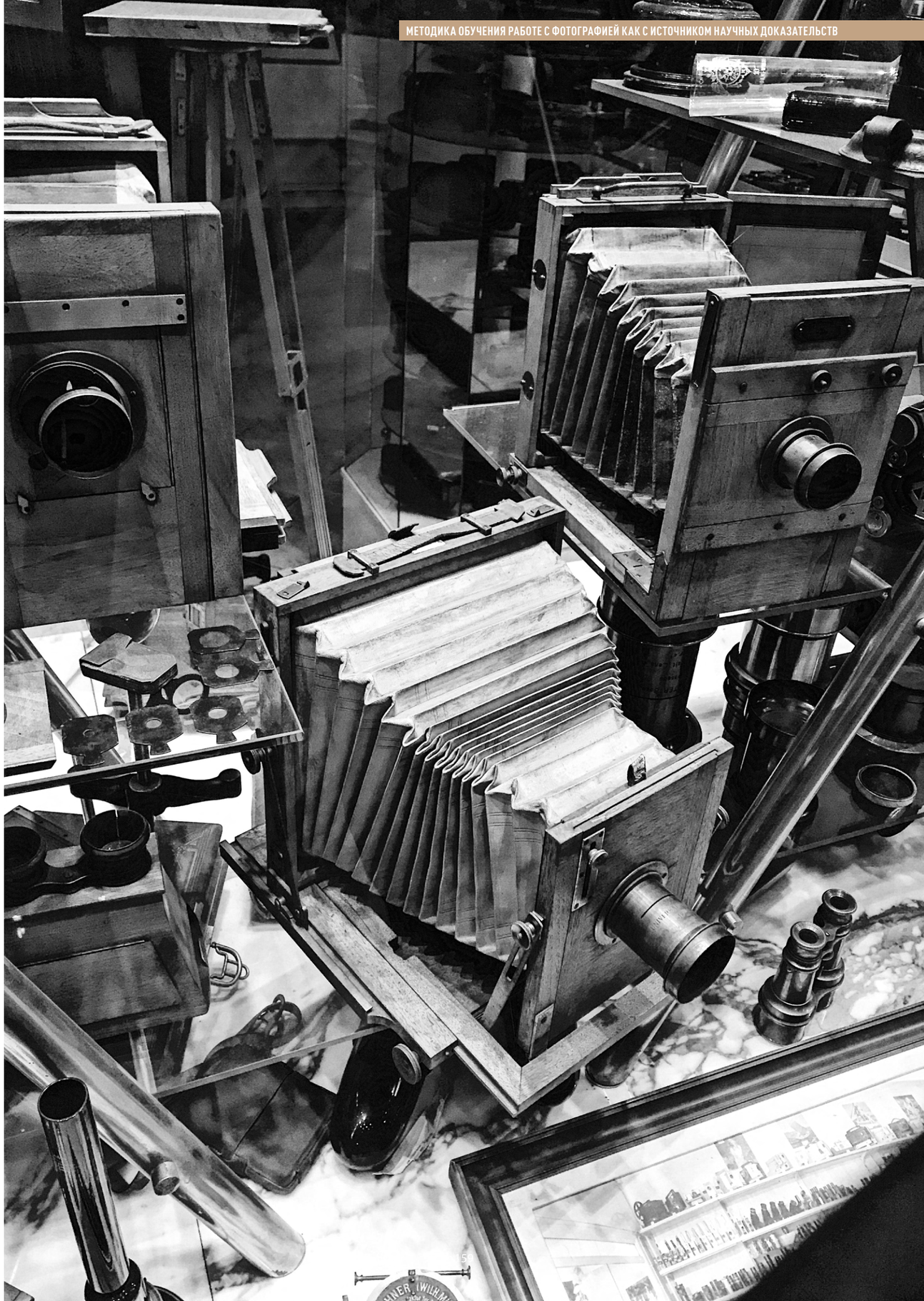
16. Совершайте поездки с исследовательскими целями (в другие страны, регионы вашей страны, города и пр.).
Это позволит воочию увидеть тот или иной объект и собрать нужные вам для исследования доказательства.

17. В консультационных целях рекомендуется выбрать опытного ученого, умеющего работать с мнемоническими аспектами визуальных источников.
Консультирование и беседы с экспертами, умеющими работать с фотографией как с источником научных данных, способствуют скорости и эффективности научного исследования и решению поставленных научных задач.

Методическая система, разработанная Мальцевым Олегом Викторовичем, может также являться персональной программой подготовки и повышения квалификации любого ученого, который намерен использовать фотографию как источник научной информации и как инструмент научных доказательств.

Марина Ильюша

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РАБОТЕ С ФОТОГРАФИЕЙ КАК С ИСТОЧНИКОМ НАУЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

ЧТО ДЕЛАЕТ НАУКУ / УЧЁНЫХ НАСТОЯЩИМИ?

МИХАИЛ МИНАКОВ

Доктор философских наук, старший научный сотрудник Института Кеннана, исследовательского центра, созданного в 1974 году на базе Международного центра Вудро Вильсона с целью исследования СССР (теперь — постсоветских стран), главный редактор международного рецензируемого журнала «Идеология и политика», философской платформы «Койне Community» и экспертного блога «Kennan Focus Ukraine».

Наука как долгоживущая, транскультурная интеллектуальная практика, включающая точные, естественные и социальные науки, а также гуманитарные науки, имеет свою собственную историю и, следовательно, различные исторические формы. Среди них античные, классические и постклассические формы науки.

> *Однако я утверждаю, что даже несмотря на то, что идеалы науки менялись, и поэтому значение науки может показаться относительным, ее основная аутентичность оставалась нетронутой и определенной, во все исторические периоды она была верна своей подлинной идее — приверженности истине.*

Античная наука была открыта для тайн, фактов, логики и мифологических верований. В этот период методология легко смешивалась с ритуалами, как в текстах Демокрита: см., например, его утверждения о связи между плодородием поля после ритуальной обработки его беременной женщиной (Taylor 1999: 233). Однако Демокрит будет настаивать на том, что:

«ЕСТЬ ДВА ПУТИ ПОЗНАНИЯ: ОДИН ПОДЛИННЫЙ, А ДРУГОЙ — НЕСОВЕРШЕННЫЙ. К ПОСЛЕДНИМ ОТНОСЯТСЯ ВСЕ: ЗРЕНИЕ, СЛУХ, ОБОНЯНИЕ, ВКУС, ОСЯЗАНИЕ. РЕАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНО ОТ ЭТОГО. КОГДА НЕСОВЕРШЕННОЕ НЕ МОЖЕТ БОЛЬШЕ НИЧЕГО — НИ ВИДЕТЬ БОЛЕЕ ДЕТАЛЬНО, НИ СЛЫШАТЬ, НИ ОБОНЯТЬ, НИ ВКУШАТЬ, НИ ВОСПРИНИМАТЬ НАОЩУПЬ С БОЛЬШЕЙ ЯСНОСТЬЮ — И ТРЕБУЕТСЯ БОЛЕЕ ТОНКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ, ТОГДА ПОЯВЛЯЕТСЯ ПОДЛИННЫЙ ПУТЬ ЗНАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗЛИЧАТЬ БОЛЕЕ ТОНКО».

(Тейлор 1999: 223)

Демокрит, а также Платон, Аристотель и Цицерон разделяли один и тот же научный идеал: настоящая наука имеет дело с тем, что является вечно неизменным и универсальным, например, с основаниями математики и геометрии.

Идеал универсальности рассматривался как тот, который требует метафизики. Существует фундаментальное разделение

существа на мир постоянно меняющейся реальности и мир вечных идей, которые относятся к изменчивому миру как его причине и архетипу (см.: Платон B23, Аристотель B1:1). А знание идей и причин составляет истинную науку или искусство мудрости:

«ОПЯТЬ ЖЕ, МЫ НЕ СЧИТАЕМ НИ ОДНО ИЗ ЧУВСТВ МУДРОСТЬЮ; ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, НЕСОМНЕННО, ОНИ ДАЮТ НАИБОЛЕЕ АВТОРИТЕТНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ДЕТАЛЯХ. НО ОНИ НЕ СООБЩАЮТ НАМ «ПРИЧИНУ» ЧЕГО-ЛИБО: НАПРИМЕР, ПОЧЕМУ ОГОНЬ ГОРЯЧИЙ; ГОВОРЯТ ТОЛЬКО, ЧТО ЖАРКО».

(Аристотель B1: 1)

> *Во многих отношениях классическая наука — от Исаака Ньютона до Склодовской-Кюри — смотрела на мир как на единую трехмерную вселенную с причинными связями, определяемыми как законы природы. Подлинная наука видна в естественных и точных науках, в то время как социальные и гуманитарные науки лишены законов и видения единой реальности (см., Например, Newton 1934: 15).*

Однако классический универсальный идеал науки постоянно обсуждался между рационалистами — последователями Декарта — и эмпириками (включая Бэкона и Локка). Более того, классические научные идеалы постоянно пытались применить к обществу и культуре Вико, Кант, Коэн и Дильтей.

В результате парадигматической смены идей и методов наука в начале 20 века вступила в свою новую, смелую постклассическую эпоху. От Эйнштейна и Бора до современной науки мы стали свидетелями растущих дисциплинарных разделений и междисциплинарности, понимания науки как субъективного и интерсубъективного труда, вовлечения теории относительности — от методологии до космогонии — и сомнений в вечности Вселенной.

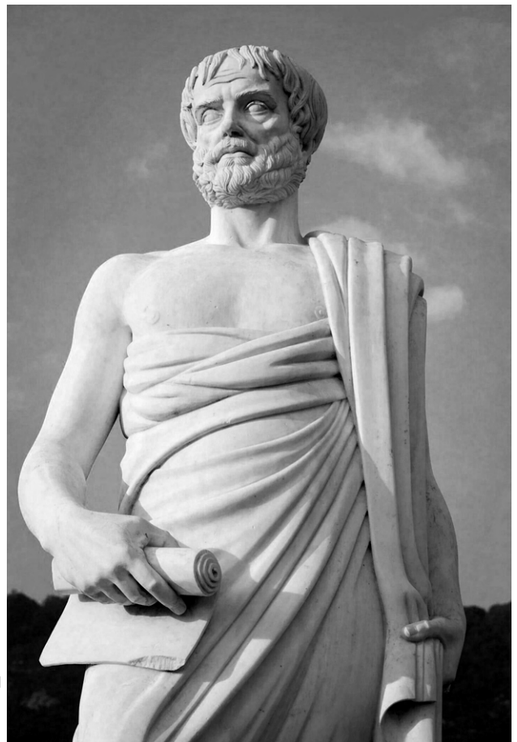
> *Постклассическая методология основана на мировоззрении разорванного, изменчивого и вечно незавершенного знания, где истина постоянно неопределенна, множественна и нестабильна.*

Я перечислил здесь три исторических контекста с различным пониманием науки и знания. В прошлом было много других периодов в других культурах, где научные идеалы воспринимались иначе. Однако это не означает, что подлинный научный идеал временно и культурно относителен.

«НАСТОЯЩЕЕ РЕШЕНИЕ РЕЛЯТИВИСТСКИХ СОМНЕНИЙ В НАУКЕ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ НАУКИ КАК СОСУЩЕСТВОВАНИЯ РЕАЛЬНЫХ И ИДЕАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ».

Как однажды предложил Ч. С. Пирс (Peirce 1998: 28ff).

Здесь я продолжаю аргумент Пирса о том, что наука — это межкультурная практика, объединяющая разные поколения, кото-

рая была, есть и будет практиковаться сообществом людей, связывая свои действия с научными идеалами истины, аргументации, суждения и универсальности. По сути, с древности до наших дней мы знаем об ученых, а не о науке как об отдельном субъекте. С одной стороны, сообщество ученых всех периодов действует так, как будто их выводы всегда универсальны и окончательны; без такой уверенности в науке нет смысла. С другой стороны, социология науки показывает, насколько быстро устаревают знания в разных дисциплинах: например, в медицине знания меняются каждые два года, в физике — каждые пять лет и т.д. (См., Например, Ball 2019). Эта двойственность научного знания коренится в природе людей — существ, обладающих рациональностью, эмоциями и склонностью бороться за власть также в научных сообществах. По этой причине идеал вечной истины практикуется вместе с с ограниченностью конкретных людей, групп и институтов.

> *У нас всегда есть доминирующие и маргинальные позиции, которые подрывают равенство тех, кто ищет истину. Но со временем это социальное отклонение от научного идеала исправляется, и, таким образом, наука прогрессирует.*

Итак, я пришел к выводу, что:

> *Настоящая наука — это практика, направленная на получение универсально установленного истинного знания, которое может быть проанализировано любым другим разумным существом, но в то же время настоящие ученые помнят об их ограниченности и о необходимости быть готовыми к повторной работе: собственным исследованиям или исследованиям коллег, которые могут исправить их ранее установленные знания.*

РЕКОМЕНДАЦИИ:

- Аристотель. (1924). Метафизика, изд. У. Д. Росс. Оксфорд: Clarendon Press.
- Болл, П. (2019). Наука должна идти в ногу со временем. Nature, ноябрь, https://www.nature.com/articles/d41586–019–03307–8.
- Ньютон, И. (1934). Математические принципы естественной философии сэра Исаака Ньютона и его система мира. Беркли: Калифорнийский университет Press.
- Пирс С. С. (1998), The Essential Peirce, Vol. 2: Избранные философские сочинения: 1893–1913, Блумингтон: издательство Индианского университета.
- Платон Менон. Персей, http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=plat.+meno+70a.
- Тейлор К. С.У. (1999). Атомисты: Левкипп и Демокрит. Фрагменты, текст и перевод с комментариями. Торонто: Университет Торонто Press.

Михаил Минаков

ФАТАЛЬНЫЕ УЯЗВИМОСТИ НАУЧНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ КАК ОСНОВА ФЕЙКОВ

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Доктор философских наук, профессор кафедры социологии Запорожского национального университета

Предложенная тема дискуссионных панелей международной научно-практической конференции актуализирует внимание к фактологической, методической и методологической достоверности основы будущих исследований, всего того, что может верифицировать, проверить базу теоретизирования и практической основы деятельности, в нашем случае, ученых, обезопасить науку от фатальности фейков, которые могут привести к необратимому разрушению существования и развития науки и общества.

Фейк в эпоху виртуализации, диджитализации (как оцифровки первоисточников, которые часто тоже не верифицированы, а могут быть и искажены), **информационных и репутационных войн становится глобальной угрозой наравне с терроризмом, пандемией и другими глобальными, локальными и микроугрозам**. Отсюда такая популярность и актуальность как факт-чекинга, так и теорий постправды, которые направлены на раскрытие фейков — неправды, но не направлены на раскрытие правды и поиска истины.

Давайте рассмотрим этот вопрос последовательно от простого к сложному, от абстрактного к конкретному. Начнем с базового — с **отличия правды от неправды, истины от лжи**. Правда рассматривается как адекватность восприятия человека в определенном времени и пространстве, в конкретно-исторических условиях, в конкретной практике человека. Безусловно угол зрения, точка зрения, ракурс восприятия могут быть разными в зависимости от структуры личности человека, его статусно-ролевых позиций, возможности и объёма восприятия, при этом мы утверждаем, что это «правда», поскольку обязательным ее критерием является искренность человека, попытка максимально адекватно передать свое восприятия события, ситуации, мира, в стремлении сделать это без искажений и злого умысла. Такая конкретика и особенность, дифференциация, как различия внутренних свойств и условий,— как раз и свидетельствует, что «правда у каждого своя». Правда выступает как единичное, конкретное проявление стремления к истине.

Истина выполняет несколько иную роль — универсального, того, что относится ко всем людям, отсутствие истины приводит людей к краху, трагедии и т.п.

> *Если субъективное искажение правды — это ложь, то субъективное искажение истины — это крах, разрушение и отсутствие результатов социального развития.*

Роль фейков в современном информационном обществе и гиперреальности (как иллюзорной целостности мира — искажающего действительность, социального мира действующих субъектов) **как раз и заключается в дезориентации субъектов** не только в том, что они считают правдой (постправдой — поскольку в правде появился медиатор, посредник цифровая среда, Интернет в целом и социальные сети в частности), но и в информационной войне — разрушение научности и объективности (как истинных основ существования, развития и деятельности).

В науке истинность преобразована в поиск всеобщих и конкретных законов природы, науки и общества, ее специфических форм проявления — закономерностей. Направленность фейков — это не только подача искаженной информации, как разрушение правды, но разрушение знаний законов и закономерностей развития и деятельности. Фейки стоят в едином комплексе с хейтерством, троллингом, буллингом и другими формами — оружием за информационную власть, финансовые и другие ресурсы.

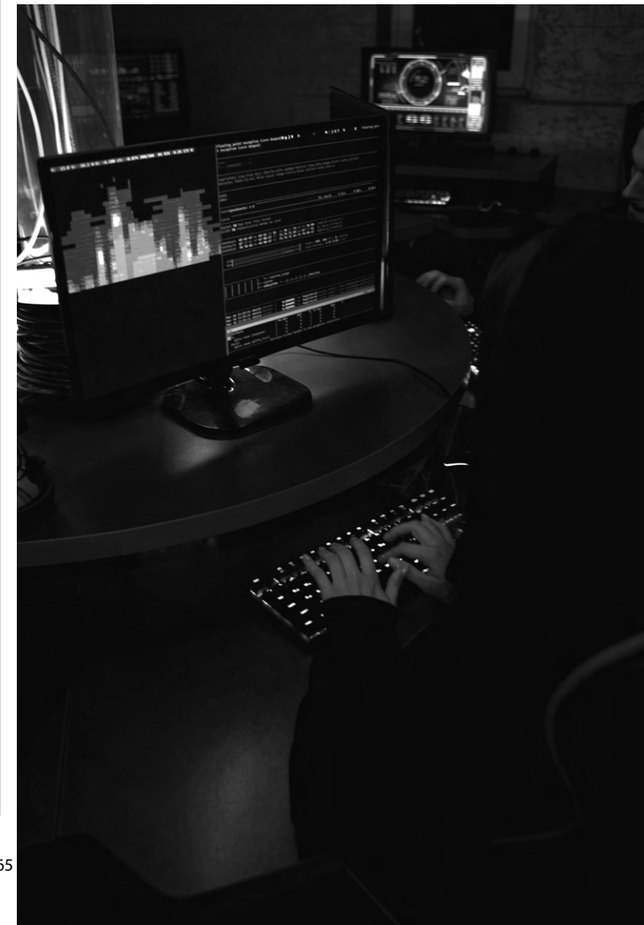
Что же является основой фейков, часто успешно справляющимися со своими заданиями разрушения правды, дезориентации и краха деятельности людей, в том числе научной, а иногда и разрушении личности? Рассмотрим, прежде всего, фатальные уязвимости источниковедения, которые, собственно, являются основой для результативности фейков.

Первой фатальной уязвимостью является отсутствие инструментария верификации, проверки перекрестными источниками и различными методами, или отсутствие доступа к «перекрестным» источникам.

Второй фатальной уязвимостью мы рассматриваем пространственную ограниченность — часто источники находятся вне зоны досягаемости ученого, и он вынужден пользоваться косвенными и опосредованными данными и информацией. Это пространственная ограниченность в факт-чекинге часто проверяется визуальными методами или поиском источников на территории события или процесса.

Третье, временная ограниченность — любимый механизм мошенников или ре-кламистов — «налетай-торопись, покупай живопись», как в известном комедийном фильме, или «поторопитесь — последние единицы». В научном источниковедении эта фатальная ограниченность связана с отсутствием времени на проверку источников, в скорости анализа, заданной внешними или искусственными требованиями — «или дайте ответ или Вы не ученый», или что-то подобное. Иногда, отсутствие времени на анализ достоверности источника определяет смещение с достоверности на доверие источнику. Эта фатальная ограниченность обычно определена тем, что процесс, который изучается, обладает значительно более высокой динамикой разворачивания, чем время, необходимое для его осознания и осмысления, значительная часть которого связана с проверкой на достоверность первоисточников.

Четвертая уязвимость связана со статусно-ролевой позицией в научном поле ученого, его авторитетом, как заместителем проверки на достоверность информации.

Расчет идет на то, что авторитет с высокой статусно-ролевой позицией может сконцентрировать свое влияние для преодоления «возмущения среды» в случае использования недостоверной информации или недостоверная информация получит таким образом легитимацию авторитетом как источником власти. Именно эта позиция становится фатальной как для авторитета, так и для ресурсного научного поля, поскольку исследование достоверности источника подменяется его легитимацией авторитетом.

Пятая уязвимость определена научной субкультурой, как ритуализированной средой, в которой выполненный ритуал подменяет верификацию источника. Так, известным фактом является то, что страхи или сомнения в социальном взаимодействии в группе, часто обретают канал передачи либо ответственности группе или сублимируется на эрзац-объект (как писал К. Лоренц), т.е. вместо решения проблемы своих страхов или сомнений как проверки источника передается ответственность более масштабному субъекту — группе, общности, социальному институту, государству и т.п.

Шестая уязвимость, на наш взгляд, это коммуникативная игра вместо поиска истины. Люди любят, пользуясь метафорой и названием книги Германа Гесса, играть в бисер, играть смыслами, историями, фактами и т.п., доводя их до абсурдности, это связано с «красивостью» непонятного, использование научно проверенных фактов для связывания несвязуемого, попытки определения через непонятное или непонятое. Что превращается в наукообразность, в эстетику усложненного как непонятного и становится фатальной уязвимостью для научного источниковедения. Поскольку дискредитируется не только ученый, но часто и приведенные им источники.

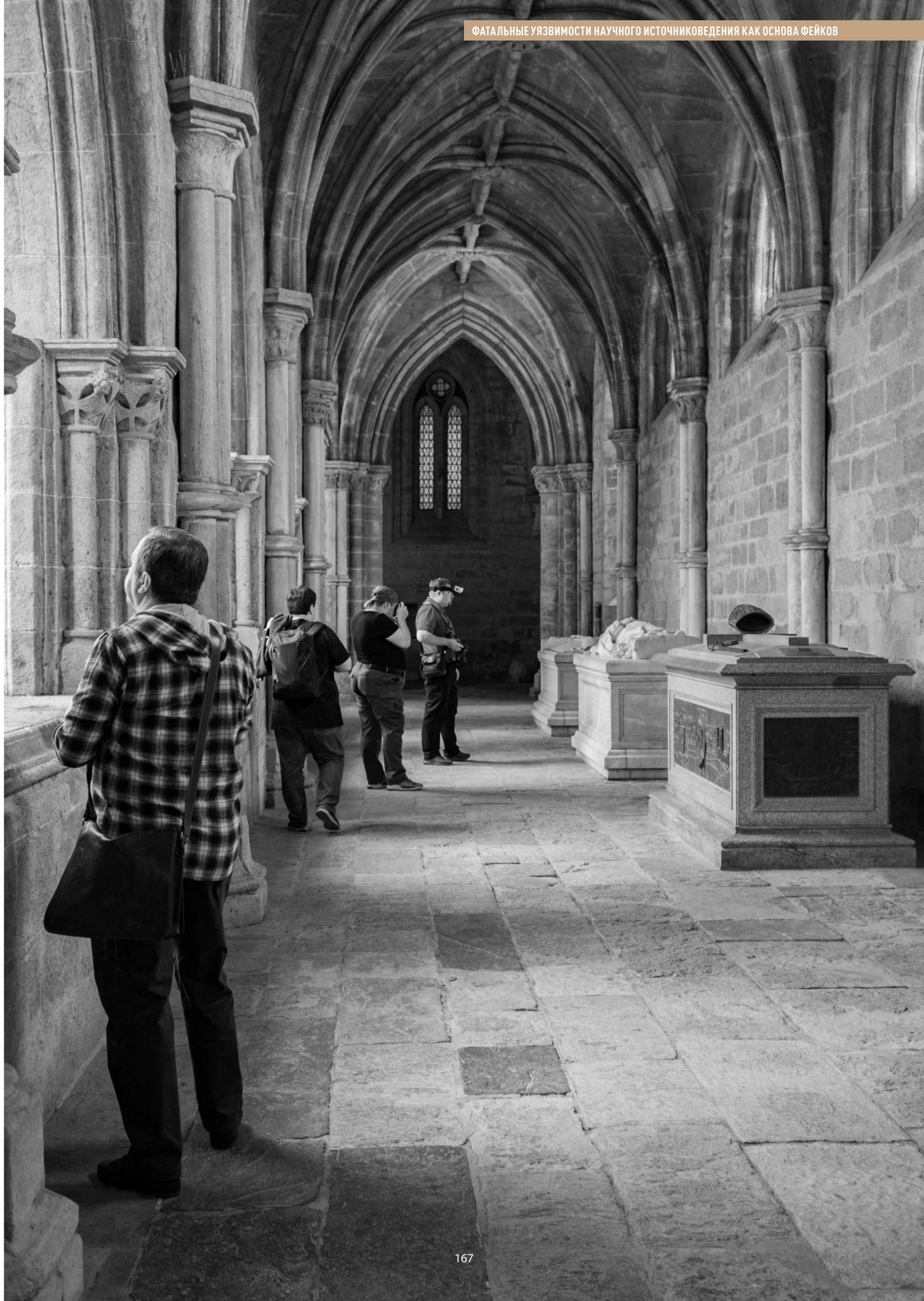
Седьмая уязвимость — это источники, отражающие ad hoc, настолько единичную и узко диапазонную ситуацию, что сама по себе верификация источника является потерей времени. Фатальная ошибка определена процессом переноса специфики ad hoc с единичного на более масштабный класс процессов, но уже в придании статуса универсальности отдельному.

Восьмая уязвимость — это научное бессилие, как неспособность взяться за анализ источника, отсутствие решимости, невладение достаточным инструментарием, усиливающим скорость и достоверность исследования, отсутствие достаточного опыта работы с семействами научных источников.

Девятая уязвимость — это вместо исследования достоверности источников в центре фейка находится вероятность конфликта как внутриличностного (в центре фейка находится личность), так внешнего, социального во взаимодействии с другими субъектами. Вместо изучения достоверности источника исследовательское внимание переключено на возможности и угрозы конфликтного поля, исходами которого могут быть бегство, уступки, компромисс, борьба и значительно реже сотрудничество.

Исследование фатальных уязвимостей источниковедения как основы для формирования фейков в информационной и репутационной войне, еще требует осмысления, но уже сейчас можно утверждать, что условия фатальных уязвимостей источников являются маркерами внимательного и критического отношения ученого.

Лепский Максим

«НАУЧНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ»: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

АФИНА КАРАДЖОЯННИ

Доктор, профессор медиа и коммуникаций Университета Лестера, Великобритания

«ПЛАТОН МНЕ ДРУГ, НО ИСТИНА ДОРОЖЕ»

Аристотель

> *Несомненно, многие ученые обязаны проводить исследования и участвовать в различных научных проектах в чрезвычайно конкурентной среде. Жесткая конкуренция — очевидная тенденция XXI века, которая также достигла и проникла в исследовательскую среду академических кругов. Однако 20 лет назад ситуация казалась иной.*

Я столкнулась с определенными тенденциями «исследовательских настроек» и поняла, что мои коллеги в ЕС сталкиваются с такими же препятствиями. Сегодня, находясь под давлением глобальной конкуренции, европейские ученые не имеют естественной возможности регулировать скорость или сроки выполнения своей научной работы. Следовательно, в наши дни ученым, как правило, приходится работать очень быстро, что создает проблемы в том, как идеи, гипотезы, выводы и т.д. анализируются, разрабатываются и реализуются. Главный фактор научного прорыва больше не связан с качеством идей и их влиянием, а определяется параметрами скорости производства документации.

Эта **«невысказанная тенденция»** окрашивает качество того, что делают ученые. В самом деле, всегда есть определенные исключения, например, попытки ориентированных на результат экспертов сопротивляться «быстрому и легкому» виду обучения. Таким образом, с одной стороны, мы должны ценить, прежде всего, профессиональный аспект. С другой стороны, **ученые вынуждены конкурировать с определенной тенденцией «макдональдизации» или тенденцией, которая снижает доверие к качеству и актуальности научной работы**.

Появление «ученого» как профессионального феномена относится к середине XIX века. До этого (эпохи Возрождения и Просвещения) люди разных профессий или опыта занимались тем, что мы сейчас называем «наукой», как **Дж. Галилей** или **И. Ньютон**; некоторые были, например, священниками. Не существовало стандартной классификации и критериев того, кто такой «ученый». В Древней Греции научные исследования проводились философами.

Теперь мы концептуализируем науку как совокупность правил, законов, принципов и терминов физики, медицины, биологии, генетики, экономики и т. д. Для контраста, Нобелевская премия присуждается только по пяти дисциплинам.

> *«Ученый» сегодня — это гораздо более ограниченное определение.*

«НАУЧНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ»: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Оглядываясь назад, мы должны помнить о великих ученых всех времен и народов, таких как Альберт Эйнштейн, Мария Кюри, Ада Лавлейс, Никола Тесла, Исаак Ньютон и многих других. Что удивительно в этих людях, так это то, что они были «ограничены» конкретными областями, классифицируемыми как области STEM. **STEM означает науку, технологию, инженерию и математику и относится к любым предметам, подпадающим под эти четыре дисциплины.** Однако это формирует другую довольно тревожную тенденцию в социальной среде — **специалисты, занимающиеся социальными науками, не признаются учеными.** Это устанавливает когнитивное разграничение в области науки; гуманитарные науки требуют не меньше усилий, силы, настойчивости и навыков.

Тем не менее, экспертам в этих областях подсознательно приходится работать усерднее, чтобы сосредоточить внимание общества и общества на исходных и продуктивных сторонах их воздействия. Это не будет преувеличением; однако мы должны сделать все возможное, чтобы продемонстрировать обоснованность того факта, что ученые — не просто эксперты, которые борются с профилактикой рака или COVID19. Ученые также являются не менее преданными своему делу профессионалами, приумножившими философское, социологическое, психологическое и этическое наследие всех поколений. Более того, этот «эффект умножения» не предполагает бесконечного и безграничного выпуска научных отчетов и статей в сжатые сроки, выполнения технических планов или соблюдения статистических показателей.

Другая тенденция к описанию связана с тем фактом, что некоторые эксперты и исследователи вносят больший вклад в науку, чем те, кто называет себя «учеными». Как и каким образом в таком случае регулировать правомочность категории «ученые» — это продолжающиеся споры.

Более того, нередки случаи, когда по-настоящему талантливые и одаренные молодые люди, нуждающиеся в особом обращении и условиях (в частности, аутичные или эксцентричные иным образом), не могут быть исключены из среды, в которой они могли бы реализовать и раскрыть свой талант стали профессиональными учеными в полном смысле этого слова. Если людям с особыми потребностями повезло и они поддерживаются глобальной сетью или конкретными организациями, необычное и эксцентричное взаимодействие станет выдающимся вкладом. Однако обычно это вопрос удачи или вероятности, что помогает некоторым ученым-любителям отважно войти в академический контекст и преуспеть в академическом контексте.

Если современный академический контекст не терпит талантов, которые он ранее ценил и хвалил, в таком случае мы вынуждены сделать вывод:

> *Мы не терпим различия в талантах, которыми мы, как люди, обладаем. И эта форма обобщения и уничтожения уникальных черт является одной из важнейших причин снижения научного авторитета и значимости ее воздействия в современном обществе».*

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

«ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И СОПРЯЖЕННЫХ ОТРАСЛЯХ»

23-27 НОЯБРЯ 2020 ГОДА

РЕДАКТОРЫ:

ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

AMICUS PLATO, SED MAGIS AMICA VERITAS

Данный документ представляет собой краткое изложение, выводы и основные аспекты **Международной конференции «Проблемы источниковедения в современной науке и сопряженных отраслях»**. В рамках данной конференции были рассмотрены некоторые из наиболее актуальных вопросов оценки источников в современном мире, а именно:

- проблемы выбора надежного источника для проведения научных исследований;
- модель и классификация источников, представленная профессором Давидом Прокоппио на основе совместного исследования с Dr. Олегом Мальцевым;
- допустимость использования онлайн-энциклопедий в качестве источников научной информации, роль Википедии

и аналогичных свободных энциклопедий в исследованиях;
- проблемы анализа результатов, полученных с помощью количественных и качественных методов;
- установки и дисциплинарные предубеждения в современной науке; критерии и требования к ученому;
- качество статей в индексируемых журналах по отношению к научным монографиям; как отличить настоящую научную работу от фейка;
- проблема «церковности» в науке; роль и функции наукометрических баз данных;
- является ли авторитет и популярность автора гарантией надежности источника;
- системоориентирование в источниках и роль экспериментов.

В эпоху диджитализации и засилья простых решений, предлагаемых интернет-лоббистами, создаются гипер-условия, в которых детям уже в школе демонстрируется стереотип, что Google знает всё и что авторитетным лицам, написавшим ряд книг, можно верить. С другой стороны, кажется, что мировые библиотеки находятся на расстоянии вытянутой руки; все, что нужно,— это нажать несколько кнопок — и в вашем распоряжении будет любая информация. **Четыре «черных экрана» — монитор, ноутбук, планшет и смартфон**, как инструменты всё чаще становятся посредником и заменителем знания. **Это не источники, а программы и алгоритмы**, с которыми не поспоришь, они обезличены и не ответственны за качество этих самых получаемых знаний. «Потому что так написано учёными», «Так говорит Google», «Так принято считать» — такие парадигмы сегодня на слуху и на них полагаются.

Однако главные вопросы остаются открытыми:

- Каким источникам информации можно доверять?
- С чем на самом деле можно работать?
- Можно ли безоговорочно доверять тому, что подписано «учеными»?
- Изменились ли параметры и требования к уважаемым специалистам и ученым?
- Пожалуй, самый открытый вопрос — как отделить выдуманное и вымышленное от достоверного и эффективного?

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы источниковедения в современной науке и сопряженных отраслях»** создала все необходимые условия для конструктивного диалога на предмет разрешения вызовов современности в источниковедении как отрасли междисциплинарного прикладного знания и многих других вопросов, долгое время остающихся без ответа и требующих инновационных подходов и объективного диалога на простом научном языке. Ученые, исследователи, эксперты из разных областей и стран выступили на одной площадке в поисках ответов и решений относительно оценки различных видов источников, и актуальных проблем, с которыми сталкивается каждый человек вне зависимости от рода деятельности.

На сегодняшний день в академических кругах не разрешен вопрос оценки статуса и надежности источника. Тот факт, что источник был рецензирован и/или опубликован авторитетным издательством с долгой историей, определенно не может служить единственным критерием его надежности. **Профессор Давид Прокоппио** (Университет Палермо) **впервые представил в своей работе уникальную классификацию и ранжирование источников.** Прокоппио описал с примерами виды источников, их статус и разницу между ними. Данная классификация позволяет отличить, например, научную работу от журналистской, что решает ряд дилемм, с которыми сталкиваются исследователи.

Dr. Олег Мальцев работал совместно с профессором Прокоппио над инструментом, представленном ниже на рисунке ниже, во время экспедиции на юге Италии. Украинский академик отметил, что **данная модель является результатом 10-летнего исследования Прокоппио.** Два вышеупомянутых ученых достаточно длительное время разбирали данную модель и в итоге пришли к общему знаменателю.

КЛАССИФИКАЦИЯ И РАНЖИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ

1) Составной комплексный источник
Должен соответствовать трем характеристикам: содержать научную, прикладную и практическую составляющие.

2) Прикладной научный первоисточник
Этот вид источника ориентирован на прикладную часть; источник научный, но не содержит практической составляющей. Примерами таких неопровержимых первоисточников являются фотографии, архитектура, сама местность (территория) и т.д.

3) Практический составной первоисточник
Данный источник освещает одну узкую проблематику. Примером такого первоисточника может быть руководство по электротехнике.

4) Научно-теоретический источник / научно-популярный источник
Каждое научное теоретизирование требует практической проверки. Этот вид источника содержит научную модель и результаты ее применения.

5) Публицистическая работа / личный опыт
Данная работа основана на личном опыте, когда человек был непосредственным свидетелем событий (книга путешественника, дневники, заметки).

6) Аналитическая публицистика
Рассуждения человека на определенную тему, деятельность увлеченного энтузиаста, который потратил немало времени на сбор данных и их изучение. Сам источник

КЛАССИФИКАЦИЯ И РАНЖИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ

1. Составной комплексный источник
2. Прикладной научный источник
3. Практический составной первоисточник
4. Научно-теоретический / научно-популярный источник
5. Публицистика / личный опыт
6. Аналитическая публицистика
7. Архивные данные
8. Журналистские работы
9. Материалы СМИ
10. Художественные произведения и другие литературные жанры
11. Необработанные или сомнительные источники информации

является сомнительным и требует проверки, поскольку не содержит элементов научного исследования. Это попытка анализа и систематизации человеком некоторых данных на базе его собственного опыта и восприятия, перенесенные на бумагу.

7) Архивные данные
Частные данные и государственные архивы — это слабоструктурированный материал. На первый взгляд может показаться, что государственные архивы содержат точные данные, но это не всегда так. Во-первых, вы сталкиваетесь с множеством разных данных, требующих длительного и тщательного анализа. Во-вторых, один документ из архива может полностью противоречить другому, расположенному в другой части архива. Не говоря уже о том, что нужно иметь доступ к полному объему данных в архиве по предмету исследования, учитывая то, что многие записи могут быть потеряны (например, во время войны, аварийных ситуаций, стихийных бедствий и т.д.). Архивные источники — это слабо структурированные материалы, которые сложно анализировать, и на их систематизацию могут уйти десятилетия.

8) Журналистские работы (книги, статьи)
Журналистская работа носит узкоспециализированный характер. Это выражение точки зрения автора, зачастую поверхностное.

9) Материалы СМИ
Статьи, публикации, очерки являются источником научной информации, но не являются проверенным источником.

10) Художественная литература и другие литературные жанры

11) Неклассифицированные или сомнительные источники информации

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Как отметил Dr. Олег Мальцев, эта классификация является не только первой и единственной в мире, но и универсальной, и, что наиболее важно, она четко определяет статус источника. По его словам, данная классификация также показывает, как научные источники становятся ненаучными:

> *«На сегодняшний день достоверность письменных источников является актуальной проблемой, поскольку академическое сообщество почему-то считает, что письменные источники должны быть первичной основой исследования. В моей практике работы с письменными источниками, я читаю одно, но, когда потом провожу экспедиционные исследования в тех самых местах, о которых читал, я вижу совершенно другое. Почему-то в академической науке считается, что любой письменный источник превалирует по надёжности над всеми остальными. Но это совершенно не так! Любой письменный научный источник требует серьезного анализа, прежде чем полагаться на него в исследовании».*

DR. ДУГЛАС КЕЛЛНЕР

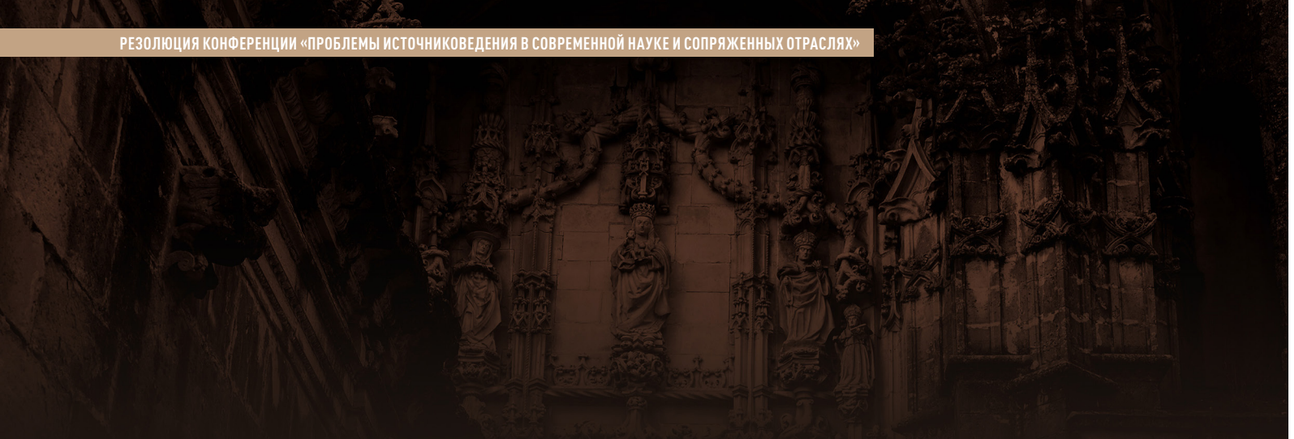
Dr. Дуглас Келлнер отметил, что система Прокоппио является комплексной, и он отметил ее полезность, оригинальность и продуктивность. Профессор Келлнер подошел к вопросам источников, надежности данных и науки с социальной и культурной точек зрения, как это было сделано в критической теории Франкфуртской школы, британских культурных исследованиях и французской теории постмодерна, такой как теории Жана Бодрийяра. Кроме того, он отметил различие «между надежной и двусмысленной журналистикой в источниках информации, а не между научной работой и журналистской работой, как это делает профессор Прокоппио», по той причине, что информация оцифровывается, виртуализируется и распространяется по большей части через СМИ и социальные сети.

> *«Когда я приехал в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (UCLA) в середине 1990-х, в течение многих лет я ездил по миру, читал лекции и посещал конференции, и, казалось, я подхватил все виды гриппа, существующие в странах от Латинской Америки до Азии. В UCLA мне делали прививку от гриппа каждый год, и с тех пор мне удавалось его избегать. Очевидно, что наука и хорошо протестированная, подтвержденная современная медицина, предоставляют надежную информацию и доказательства этому, а статья Прокоппио охватывает широкую область для оценки надежности источников», — отметил профессор Келлнер.*

ЛЮДМИЛА ФИЛИПОВИЧ

Профессор Людмила Филипович подчеркнула, что достоверность исторических источников всегда является актуальной проблемой, а для философа и религиоведа подлинность источников имеет первостепенное значение.

«Даже я видела ограниченность в исторических источниках, личных свидетельствах, опросах, официальных документах, подготовленных очень серьезными учреждениями. Когда я работала с церковными архивами, я видела их субъективность. Но всем всегда было и будет интересно, насколько можно доверять тем историям, которые описывают факты», — прокомментировала проф. Филипович.

DR. СТИВ ДЖЕННАРО

Dr. Стив Дженнаро подчеркнул:

«Как критический теоретик и философ технологий, моя работа по критической медиаграмотности глубоко связана с вопросами, которые были подняты в статье профессора Прокопио. Я думаю, его слова обоснованны, потому что подлинность письменных работ в академических кругах сейчас становится более острой проблемой, чем когда-либо. Мы видим как дискредитация в новостях, средствах массовой информации и научных данных влияет на цитирование и истину. По сути, мы видим, что популярные средства массовой информации вполне могут стереть истину или знания. Это то, на что мы можем указать и определить, исходит ли это из достоверного источника. Это то на что мы можем указать и сказать что мы можем сделать фактчекинг когда та или иная информация исчезнет из массовой тенденции. Что еще более важно, чтобы этот подход оставался в академических кругах.

Dr. Дженнаро справедливо заметил, что «[…] не вся информация является знанием, потому что не вся информация активно дешифровывается при ее потреблении».

«Фактически, если проблемы, поднятые Прокопио, будут экстраполированы и использованы как мета-структура общей схемы для проверки знаний, информационного потребления и технологий, то это поднимает ряд важных вопросов, которые касаются не только ученых, но и какого-либо взаимодействия со СМИ! В частности, как распространение социальных сетей повлияло на наше потребление информации в качестве знания? Как действия определенных лиц в социальных сетях изменили представление о том, что является фактом или кто является надежным источником? И, важно отметить то, как изменения с технологической стороны — при условии, что iPhone теперь почти является частью тела и продолжением нас самих — изменили то, как мы потребляем информацию в качестве знания?»

ПРОФ. МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Проф. Максим Лепский поделился своим взглядом на представленную классификацию:

«Профессор Прокопио представил четкую иерархию источников. Для социолога журналистские публикации также были бы интересны для контент-анализа и отбора различных журналистских источников, даже если они не так надежны, как составные научные источники, написан-

ные на стыке нескольких дисциплин. Хочу отметить, что Экспедиционный корпус, возглавляемый Dr. Мальцевым, использует не менее значимые источники в качестве доказательств во время экспедиционных исследований в разных странах, такие как архитектура, символика и исследование исторического и культурного наследия страны».

ВИКИПЕДИЯ И БЕСПЛАТНЫЕ ОНЛАЙН-ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Проблема надежности источников информации стала особенно актуальной в нашу эпоху. С повышением уровня доступности источников, о котором мы могли только мечтать до изобретения Интернета и появления социальных сетей, мы сталкиваемся с совершенно другой задачей. Как среди обилия битов и байтов действительно найти то, что отвечает требованиям «объективности», «достоверности» и «надежности»? Википедия стала основным источником поиска информации, и, к сожалению, некоторые ученые даже используют ее в исследовательской работе, не учитывая тот факт, что **информация в Википедии может быть неполной и даже ложной.**

DR. ЛАРРИ СЭНГЕР

Сооснователь Википедии Dr. Ларри Сэнгер считает, что оценка Википедии как одного из инструментов исследования зависит от области исследования.

«Трудно сделать действительно верное обобщение относительно какой-либо конкретной области исследований. Например, есть предположение, что статьи 10–15-летней давности о математике, информатике и большинстве точных наук являются достоверными, потому что они основаны на достаточно объективных источниках, практически неоспоримых. Сложно исказить факты о том, как работает компьютерная операционная система или химические свойства какого-либо соединения. Такого рода информацию можно легко найти в специализированных источниках. Однако, я бы отметил, что полагаться на Википедию даже в случае вышеуказанных направлений очень рискованно. Я бы не стал этого делать. Я бы посоветовал исследователям использовать несколько источников для подтверждения информации. Я думаю, это очень важно», — отметил Dr. Сэнгер.

SOURCE EVALUATION IN SCIENCE AND CORRELATED AREAS

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Dr. Олег Мальцев разделяет ту же точку зрения и акцентирует внимание на том, что **ученым не следует полагаться на Википедию и использовать ее в качестве источника научной информации:**

«Если человек ищет истину и объективную информацию, то Википедия не может быть соответствующим в научном исследовании источником ни для ученых, ни для студентов. Принимать написанное в Википедии за истину — значит обречь себя на ошибку. Однако если исследователь начинает воспринимать Википедию как психологический инструмент, который используется для передачи политической информации, то она становится полем для исследований. Википедия — отличный психологический инструмент для передачи политической информации. Если кто-то хочет изучать политическую информацию в определенной сфере жизни и деятельности, то Википедия — идеальный ресурс для этого».

Dr. Мальцев поделился информацией о проведенных им исследованиях — он попросил ученых проанализировать, насколько точны статьи в Википедии в тех областях, на которых они специализируются. Во всех случаях ученые обнаружили искажения, неточности и предвзятые взгляды на предмет.

DR. МАССИМО ИНТРОВИНЬЕ

Dr. Массимо Интровинье считает, что Википедия может быть **«хорошей стартовой точкой» для поиска обобщенной информации, которая в целом является надежной**. Например, когда речь идет о рождении/смерти людей или библиографии, но иногда даже такие данные содержат много ошибок. Профессор подчеркнул, что одной Википедии недостаточно, если человек хочет получить фактическую и достоверную информацию:

> *«Википедия становится все менее надежной вследствие разности мнений. Из моей преподавательской работы со студентами, изучающими религию, можно выделить практическое правило «чем более спорной является тема, тем меньше следует доверять Википедии как источнику», потому что она становится полем битвы. Манипулировать информацией в Википедии становится просто, когда тема вызывает споры, особенно с точки зрения социологии и истории религий».*

Массимо Интровинье подчеркнул, что **манипуляции в Википедии также становятся более политическими.**

DR. ДЖЕФФРИ БРАЙАН УЭСТ

Dr. Джеффри Брайан Уэст отметил, что Википедия является полезным инструментом только для получения общей информации. Он отметил, что среди всех существующих онлайн-энциклопедий **«Британника», вероятно, является наиболее выдающейся на англоязычном пространстве, поскольку она написана настоящими экспертами.** В случае с Википедией — это не всегда так. Он указал на положительные стороны Википедии, поскольку она дает быстрый обзор и обновленную информацию по некоторым темам:

> *«Людям становится все труднее следить за информацией и проверять факты, потому что сегодня существуют временные барьеры. Мы сталкиваемся с огромным количеством данных и новостей, и у большинства из нас просто нет времени на проверку этой информации».*

В то же время профессор Уэст считает, что не следует полностью доверять Википедии при выполнении научной работы:

> *«Я согласен с мнением Dr. Мальцева о том, что Википедия опасна и может ввести в заблуждение человека, несмотря на мой энтузиазм относительно Википедии».*

Кроме этого, профессора беспокоит распространение некоторых журналов, которые формируют мнения, основанные на поверхностных или немногочисленных взглядах.

DR. ДЖЕЙМС ФИНКЕНАУЭР

Спикер и участник конференции Dr. Джеймс Финкенауэр также считает, что когда дело доходит до серьезных академических исследований, то Википедию нельзя использовать в качестве инструмента в научной работе. Она может быть полезна для поиска общей информации на бытовом уровне, но не для информации академического уровня.

> *«Википедия — это сайт-агрегатор, она не публикует оригинальные исследования, она собирает статьи и информацию из самых разных источников в одном месте. Однако там есть ссылки, по которым люди могут перейти на другие источники. Знания — это не просто данные. Как вы работаете с этими данными создает знание».*

ВЛАДИМИР ЛЕВОНЕВСКИЙ

Dr. В. Левоневский считает, что в целом Википедия оказывает положительное влияние как на науку, так и на процесс обучения.

> *«Дело в том, что мы должны учитывать развитие технологий и технический прогресс. Теперь популярность контента зависит от общества, от пользователей Интернета, которые могут комментировать и оценивать, соглашаться или не соглашаться. И это в том числе оказывает влияние на то, что увидят другие читатели».*

DR. АТИНА КАРАТЦОДЖИАННИ

Dr. Атина Каратцоджианни отметила важные аспекты Википедии, которые могут послужить основой для дальнейших исследований:

> *«Утверждение о том, что Википедия должна быть нейтральной, очень интересно. Я не думаю, что человек может быть нейтральным в некоторых вопросах, которые крайне спорны сами по себе. Википедия — это некоммерческая организация, она существует за счет пожертвований. И возникали серьезные споры о том, как эти пожертвования использовались различными организациями и «ветвями» Википедии […] Если мне необходимо быстро найти обобщенную информацию о событиях, то я открываю Википедию, но ни в коем случае не буду полностью опираться на эту информацию и принимать ее за факт».*

ЛУЦЮК АНАТОЛИЙ

Луцюк Анатолий, администратор Украинской Википедии, придерживается другой точки зрения. Он отметил, что создавалось множество проектов, но именно Википедия стала ведущей:

> *«Наша Википедия имеет твердую основу, которая 20 лет позволяет существовать и конкурировать с мировыми энциклопедиями, например, с Британникой. Важным аспектом является селекция источников для написания статей, и мы стараемся за этим следить. Статьи на политические темы получаются хуже других просто потому, что трудно классифицировать источники, и отделить надежные источники от ненадежных».*

ЧТО СОЗДАЕТ УЧЕНОГО? ПРОБЛЕМА «ПОНЯТНОСТИ» НАУЧНЫХ РАБОТ ДЛЯ ШИРОКОЙ ПУБЛИКИ. КАК ОТЛИЧИТЬ НАСТОЯЩУЮ НАУЧНУЮ РАБОТУ ОТ ФЕЙКА

Сегодня преобладают общепринятые заявления и стереотипы о том, что человечество «шагнуло вперед в светлое будущее прогресса и технического совершенства». Безусловно, не объективно делать вывод, что современная наука процветает благодаря научным открытиям и неуклонной эволюции. Напротив, чаще встречается обратная тенденция, что свидетельствует о ее стагнации. С точки зрения методологического дискурса о качестве научных результатов в XXI веке, важным аспектом является оценка и исследование источников. Мир ученого и мир науки отличаются друг от друга конкретными требованиями. Ученый не может работать с информацией только потому, что она «попала в его распоряжение».

Источниковедение — это неотъемлемая часть любой профессиональной деятельности, которая касается не только ученых.

Когда кто-то использует информацию, не задумываясь о ее надежности, — это приводит к неблагоприятным последствиям. Все люди без исключения могут что-то исследовать или изучать. Однако ученого от эксперта в любой другой области отличает следующий параметр — способность проверять и подтверждать конкретную информацию с помощью надежных инструментов. **Д. Брайан Уэст, О. Мальцев, А. Каратцоджианни, В. Скворец, М. Минаков** и **М. Лепский** сходятся во мнении, что негласные требования, которые академическое сообщество предъявляет к ученым се-

годня, не содержат целесообразных и объективных критериев для оценки ученого.

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

С точки зрения Dr. Олега Мальцева, то, что происходит сегодня в академическом сообществе, метафорически сопоставимо с **«танцами вокруг священного тела науки»**. Другими словами, судить об ученом по количеству его статей, опубликованных журналах, индексируемых в **Scopus** и **Web of Science**, формирует предвзятое мнение.

АТИНА КАРАТЦОДЖИАННИ

Профессор Атина Каратцоджианни отмечает, что понятие «ученый» как профессия стало более популярным в середине XIX века; до эпохи Возрождения и эпохи Просвещения люди разных профессий занимались тем, что мы сейчас называем «наукой». Например, такие как **Г. Галилей** или **И. Ньютон**, а некоторые из них были даже священниками. Сегодня «ученый» — гораздо более ограниченное определение. Даже Нобелевская премия присуждается только по пяти (!) дисциплинам. Кроме того, в социальной среде наблюдается тревожная тенденция: специалистов, занимающихся социальными науками, не признают настоящими учеными. Это устанавливает когнитивную демаркацию в области науки. Однако гуманитарные науки требуют не меньше усилий, упорства и навыков. В науке существуют «негласные правила», которые влияют на качество работы ученых. Конечно, всегда есть исключения. Есть эксперты, ориентированные на результат, которые пытаются сопротивляться «быстрому и легкому» пути достижения научного результата. С другой стороны, ученые вынуждены конкурировать, что порождает тенденцию «макдональдизации» или тенденцию к подготовке научных работ низкого качества и актуальности. Ученые находятся в постоянной конкуренции.

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Профессор Максим Лепский считает, что настоящего **ученого должна создавать наука, как событие**, как чудо, как бегство от повседневности:

> *«[…] ученого по-прежнему формируют научные школы, по-настоящему преданный своему делу учитель и не менее целеустремленный ученик».*

ДЖЕФФРИ БРАЙАН УЭСТ

Профессор Джеффри Брайан Уэст считает, что наиболее важными характеристиками ученого являются **стойкость перед лицом критики, а также страстное стремление к истине.**

МИХАИЛ МИНАКОВ

Поскольку в современном научном мире власть и правительство часто вмешиваются и контролируют академические круги, Михаил Минаков предполагает, что **«в каком-то смысле настоящий ученый — это также и оппозиционер».**

PH.D ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Олег Мальцев отмечает, что наши предшественники придерживались несколько иных научных стандартов. Никогда не было такого, чтобы некое книжное издание устанавливало стандарты в науке. Требования к верстке текста и запятые, отступы и стиль, несомненно, важны, но они не важнее содержания работы.

Dr. Мальцев отмечает, что в старейших научных обществах Европы всегда существовала уникальная практика воспитания молодых ученых. Примерами таких структур являются общества Хайдельберга и ряд других европейских научных обществ с долгой историей по 200–300 лет.

> *«В Хайдельбергском университете есть общество, которое существует с 1428 года. В такие общества приводят за руку, и это выбор человека. Я стал членом такого общества, когда был кандидатом наук. Я имел возможность увидеть изнутри, как молодой исследователь становится ученым, попав в среду знаменитых ученых».*

Dr. Мальцев подчеркнул:

> *«Единственный объективный критерий оценки ученого — это его вклад в общество и его научные достижения».*

На конференции также был поднят вопрос отличия между педагогом и ученым. У человека может быть несколько званий доктора наук, он может быть уважаемым профессором или педагогом, но это не делает его истинным ученым. В одном из своих выступлений Олег Мальцев представил **простое и понятное объяснение основных задач, которые возлагаются на ученых:**

1. Предполагается, что ученые исследуют и проясняют зону неизвестного (и в конечном итоге делают ее известной — что составляет научное открытие).
2. Ученый следит за тем, чтобы зона известного не искажалась со временем под воздействием политических и прочих установок. Если внимание ученого сконцентрировано на неизвестных областях, то это позволяет избежать научного застоя и создания бесполезных работ.

В настоящее время многие статьи помечаются как «научные», но они являются подделками. Что отличает научную работу от остальных? **По мнению Олега Мальцева научная работа должна соответствовать 5 параметрам**

Первый параметр. Четко определенный патронаж — научный контроль с вертикальной иерархией. На любом этапе научного исследования ученый склонен к ошибкам. Чтобы избежать их, требуется наблюдение и обсуждение с коллегами, оппонентами и научным руководителем.

Второй параметр. В начале работы должна быть определена понятная методика. Люди, читающие работу, должны иметь представление об инструментах, которые он использовал для получения результатов, представленных в его работе.

Третий параметр. Научная логика изложения и исследования. Представленная последовательность информации должна соответствовать научному обоснованию, что обязательно редактируется руководителем.

Экспертная оценка. Обратная связь и экспертная оценка со стороны академического сообщества — важный шаг к обсуждению проведенных исследований.

Научная работа. Dr. Олег Мальцев считает, что «кратко описанные выше параметры должны создать научную работу. С моей точки зрения, идеальным инструментом работы ученого является монография, потому что статья позволяет обратить внимание на какую-то проблему, но раскрыть ее не позволяет. По сути, **монография — это идеальный инструмент для ученого, а статья — вспомогательный**».

ДЖЕФФРИ БРАЙАН УЭСТ

Профессор предполагает, что «изначально существует множество аспектов, подходов и инструментов для анализа данных и их представления, которые впоследствии можно охарактеризовать как манипулирование данными».

Что касается манипулирования данными, то необходимо проанализировать два основных вопроса: **доступ к данным и их достоверность.** В течение многих лет профессор Уэст проводил исследования в области физики высоких энергий, с доступом к различным данным компаний, которые можно было бы образно описать как «крупные научные катализаторы».

Он отмечает, что существует «огромное доверие ко всему, что делает группа из тысячи экспериментаторов. Их результаты считаются точными данными. Манипулирование данными происходит за счет корректировок, которые вносятся прямо в процессе исследования. Нередко происходит множество мелких манипуляций, чтобы подогнать «результат» к «общей форме», которую могут использовать другие исследователи.

PH. D. ХОСЕ М. ТОРРАЛЬБА

В качестве ответа на вопрос: **«Как отличить объективную информацию и достоверные источники от поддельных?»** профессор, Ph. D. Хосе М. Торральба отметил, что ученые обычно доверяют новостям только из научных журналов, не доверяя любым другим источникам.

> *«Ученые обычно не верят информации не из научных журналов. Лишь некоторые исследователи могут поверить каким-то фейковым новостям, потому что большинство из нас может напрямую обратиться к источнику информации — в научные журналы.* Это одна из проблем. Также есть проблема прав собственности на данные. Это означает, что данные могут существовать, но к ним нельзя получить доступ, либо нужно платить за это огромные суммы денег. Как правило, «внутренние данные» недоступны. Некоторые компании отправляют исследователю документы, которые не имеют ничего общего с действительностью и представляют собой идеализированные версии данных компании. Что касается биологических, медицинских и фармацевтических компаний, федеральные агентства настаивают на доступности их данных. Однако в большинстве случаев прозрачности там нет».

ДЖЕФФРИ БРАЙАН УЭСТ

Профессор Уэст также обеспокоен тем, что это касается и достоверности данных в Википедии. Если эти проблемы манипулирования данными и источниками научной информации не будут решены сейчас, то это ухудшит общее положение науки в самом ближайшем будущем. Тенденции современной науки

не всегда положительны, сегодня многие ученые вынуждены проводить исследования и участвовать в различных научных проектах, находясь в чрезвычайно конкурентной среде.

АТИНА КАРАТЦОДЖИАННИ

Атина Каратцоджианни подчеркнула, что беспощадная конкуренция также достигла и проникла в академические круги, и сегодня это уже воспринимается как должное. Однако 15 лет назад ситуация выглядела иначе. Профессор **А. Каратцоджианни** и ее коллеги в Евросоюзе лично столкнулись с такими препятствиями:

> *«Современные ученые, как правило, работают очень быстро. Это становится причиной проблем, связанных с анализом, разработкой и реализацией гипотез, выводов и т.д. Главный фактор научного прорыва больше не связан с качеством научных идей и их прикладным положительным влиянием, а определяется параметрами скорости производства определенной документации».*

Каратцоджианни отмечает, что сегодня многие люди воспринимают науку:

> *«как набор правил, законов, принципов и терминов физики, медицины, биологии, генетики, экономики и т.д. Очевидно, что это создает когнитивную демаркацию в области науки. Специалисты в области гуманитарных наук подсознательно вынуждены работать усерднее, чтобы сосредоточить социальное и общественное внимание на своих работах. Это не преувеличение; ученые должны сделать все возможное, чтобы продемонстрировать, что они не уступают экспертам, которые борются, например, с раком или COVID-19. Учеными также являются не менее самоотверженные профессионалы, приумножившие философское, социологическое, психологическое и этическое наследие всех поколений».*

МИХАИЛ МИНАКОВ

Профессор Михаил Минаков рассматривает науку как давнюю транскультурную интеллектуальную практику, которая включает в себя точные естественные и социальные науки, а также гуманитарные науки, имеющие свою собственную историю и, следовательно, различные исторические формы. Среди них античные, классические и постклассические формы науки.

Однако, профессор Минаков утверждает, что несмотря на то, что идеалы науки менялись со временем, исходя из чего значение науки может показаться относительным:

> *«Ее достоверность осталась нетронутой и неизменной. Во все исторические периоды она следовала своей подлинной идее: верность истине. Подлинная наука — это практика, направленная на получение универсально установленного истинного знания, которое может быть проанализировано любым другим разумным существом. Но в то же время гениальные ученые понимают, что они несовершенны, и что их исследования могут быть улучшены ими самими или коллегами», — заключает проф. Минаков.*

МАРИЯ БАРИЛЛА

Историк Мария Барилла отмечает, что в отличие от биолога, химика и физика,— историк не имеет возможности наблюдать и исследовать объект напрямую по очевидным причинам. **Историки имеют дело с первоисточниками** — документами в строгом смысле слова, то есть свидетельствами, следами прошлого, сохранившимися прежде всего в архивах и библиотеках. **В отличие от ученых из других дисциплин, для историков проводить исследования и находить подтверждающие доказательства — непростая задача.**

ДЖОАНН БРОДЕР

Dr. Джоанн Бродер, эксперт по медиаграмотности, советует обращать внимание на «степень предвзятости» при оценке научной работы:

> *«Кто опубликовал исследование? Исследования, спонсируемые и публикуемые организациями, как правило, показывают результаты, подкрепляющие их интересы, тогда как исследования университетов могут быть менее предвзятыми. Исследование также должно содержать цель, которая объясняет, как данные будут использоваться. Литература, описываемая в журнальных статьях, дает читателю необходимую теоретическую перспективу и основу».*

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Профессор Максим Лепский поделился результатами социологических исследований о том, как ученые воспринимаются в обществе и массовой культуре:

> *«Оказалось, что фигуры или персонажи ученого вполне последовательны.*
>
> *Первый образ — это «сумасшедший ученый с огромной силой в руках, достигнутой им при помощи науки». Образ тиражируется, начиная от мультфильмов и заканчивая серьезными фильмами.*
>
> *Второй образ ученого — это «человек, вовлеченный в определенную область, но совершенно не адаптированный к реальной жизни».*
>
> *Третий образ связан с культурой комиксов и блокбастеров, выпущенных DC и Marvel, ярким примером которых является Тони Старк, который живет двумя жизнями.*
>
> *Старшее поколение, сформированное советским образованием, изображало ученого как (1) человека, готового пожертвовать своей жизнью ради достижения результата; (2) ученого, находившегося в авантюрном путешествии (этот тип персонажа описал доктор Мальцев); (3) ученого, который, несмотря на жизненные трудности, занимается любимым делом.*
>
> *Профессор Джеффри Брайан Уэст правильно заметил, что призвание — неотъемлемое качество настоящего ученого».*

Вторая проблема связана с «потерей эффективности науки», часто возникающей из-за неадекватной научной цензуры и нечетких правил. Это происходит, когда поиск направлен не на истину, а на цели, связанные с «научной ритуализацией», как отмечают Проф. Лепский и Dr. Мальцев.

В результате мы получаем два типа ученых: «конформисты», которые приспосабливаются к требованиям, какими бы они ни были, и «борцы», бросающие вызов препятствиям.

В частности, в Украине в настоящее время требуется, чтоб у ученого было определенное минимальное количество статей в журналах, индексируемых в **Scopus** и **Web of Science**.

По мнению профессора Лепского это похоже на форму контроля ученых, занимая их бюрократическими процессами, а не достижением фактических научных результатов. Более того, **требования к публикации в этих журналах больше касаются формата, а не содержания работы.** Ничто из этого не создает настоящего ученого, а просто создает особую среду, эффективность которой вызывает вопросы.

МАРИНА ИЛЬЮША

«**Знание методологии источниковедения — фундамент и основа будущего успеха и эффективности каждого ученого**», — считает молодой ученый Марина Ильюша.

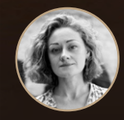

ВЛАДИМИР СКВОРЕЦ

Профессор Владимир Скворец отмечает, что источниковедение становится важной дисциплиной в исторической науке, которая разрабатывает методы исследования и применения исторических источников. Источники сопоставимы с основой научных исследований.

Владимир Скворец считает:

- Во-первых, ученые в первую очередь формируются по результатам их научной творческой деятельности, что находит отражение в монографиях, научных статьях и других публикациях, отражающих разработанные ими идеи, концепции и теории.
- Во-вторых, ученый должен внести вклад в образование других исследователей.
- В-третьих, по его мнению, высшим показателем достижений ученого является создание собственной научной школы.
- В-четвертых, его работы должны иметь значительное влияние на решение практических проблем общественной жизни.
- В-пятых, влияние ученого на формирование мировоззрения его учеников, студентов, аспирантов и докторантов и их отношения к жизни.

ДАРЬЯ ТАРУСОВА

Главный редактор издания «Гранит науки» Дарья Тарусова рассказала на конференции о новом опасном механизме фильтрации источников, который сейчас используется в Интернете, в частности на страницах в Facebook. Журналист заявила:

> *«Недавно мы заметили, что по какой-то странной причине активность на странице издания «Гранит науки» в Facebook стала снижаться. Как будто кто-то нажал кнопку, и журнал стал менее заметен для наших читателей. Когда мы начали исследовать проблему, мы обнаружили, что несколько материалов, размещенных на странице нашего издания каким-то странным, неизвестным механизмом, были помечены как «материалы, содержащие фальшивую информацию или частичную ложь».*
>
> *Журналисты выяснили, что оба поста касаются пандемии коронавируса. Первым было видео доктора юридических наук, члена Ассоциации адвокатов Германии и Калифорнии, в котором он утверждал, что организаторы COVID-19 должны быть привлечены к суду, и объяснял причины этому, исходя из правовых рамок. Второй материал также не был редакционным материалом «Гранита науки», это было открытое письмо бельгийских врачей и медицинских работников, которые призывали политиков и СМИ быть «независимыми и критически относится к информации при принятии решений и составлении мер, направленных на борьбу с эпидемией». Врачи требовали «открытой дискуссии».*

Журналист Тарусова спрашивает:

> *«Это шутка или умышленный саботаж?»*

И самое главное, кто присвоил себе право ставить ярлык «ложь» или «фальшивка» на независимое экспертное мнение юриста, который полагается на правовые стандарты, или на мнение врачей, оказавшихся в эпицентре событий, связанных с COVID-19?».

Выяснилось, что у Facebook есть партнеры в разных странах — ряд агентств, вероятно, работающих по контракту, которые занимаются фильтрацией публикаций: что является правдой, а что — нет. Одно из таких агентств называется **VOX Ukraine**. Журналист объясняет:

> *«Каково же было удивление, когда, изучив этот сайт, нам стало понятно, что это крайне сомнительное агентство. В штате существует 5–6 неких молодых людей, которые возомнили себя некими экспертами (кто им дал такое право?)».*

Д. Тарусова считает крайне актуальным сообщать о текущих новостях исследований в области источниковедения, а также привлекать внимание ученых к тому факту, что если подобные вещи будут происходить и дальше, если не будет механизмов противодействия подобным симуляциям, то все, что ученые делают или пишут, завтра может оказаться помеченным ярлыком «фейк» или «частичная ложь».

> *«Никто не спрашивает ваших научных выкладок, они просто ставят клеймо», — утверждает журналист, — «Невидимая комиссия «этики и эстетики» будет указывать вам, как жить, и что такое хорошо, что такое плохо», а это радикально противоречит принципам свободы слова и свободы вероисповедания. Это нарушение всех международных норм в области прав человека».*

ГАРАНТИРУЕТ ЛИ АВТОРИТЕТ АВТОРА ДОСТОВЕРНОСТЬ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ? ПРИОРИТЕТ ИСТОЧНИКОВ И СИСТЕМООРИЕНТИРОВАНИЕ В НИХ. РОЛЬ ЭКСПЕРИМЕНТОВ.

В современном мире одной из самых критических проблем в области оценки источников является популярность и авторитет автора, которые формируют общественное мнение и даже задают стандарты в направлении исследований. Ключевые спикеры и участники конференции единодушно подчеркнули, что авторитет или популярность автора вовсе не гарантирует достоверность источника. Напротив, любой источник должен подвергаться оценке и критическому анализу с использованием множества векторов и различных подходов, независимо от того, кто является автором.

ЭМИЛИО ВИАНО

Dr. Эмилио Виано отметил основные тенденции, которые преобладают во всем мире, даже в академических кругах, связанных с «авторитетом»:

> *«Есть предположение, что если у человека будет репутация, принятая международным сообществом, то она будет иметь отношение к качеству его работы. Из-за обилия информации, представленной в сети на обычных сайтах, к которым автор может иметь непосредственное отношение, формируется имидж, который далек от правды. Всегда важно проверять источники и перепроверять данные, чтобы сделать объективные выводы. В некотором смысле следующая установка прошлых эпох в наши дни не актуальна: если ученый публикует книгу, то «он как персона и его работа — абсолютно надежны». На современных ученых оказывается большее давление, чтобы они были продуктивными, и они работают в очень конкурентной среде, в которой все труднее соответствовать заданным стандартам. В прошлом публикация нескольких книг была отличительной чертой и говорила об академическом статусе ученого. Сегодня это определенно не так».*

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Dr. Мальцев одинаково подходит к оценке и анализу любой работы, независимо от издателя и имени автора. Он также отметил, что необходимо крайне осторожно подходить к результатам ученых, которые 20–30 лет назад внесли ценный и весомый вклад по конкретной тематике, но с тех пор не продолжают научную работу в этом направлении.

ДЖЕРОМ КРЕЙС

Dr. Джером Крейс подробно рассмотрел понятие «авторитета», откуда он возникает и как человек достигает этого положения в иерархии конкретной профессиональной сферы:

> *«В настоящее время производится так много информации, что люди могут очень быстро подняться до «авторитетной позиции», особенно при наличии таких соцсетей как Twitter или Facebook, посредством «лайков», которым придают необоснованно большое значение. Другими словами, если мы воспринимаем авторитет как популярность и репутацию, а не завоеванный настоящий авторитет ученого в этой области, который может влиять на тенденцию развития сферы, то происходит хаос. Мы должны понимать, что наука — это социальная организация. И она установила иерархию в отношении того, кого мы должны читать и цитировать. Проблема, связанная с «авторитетом» в той или иной дисциплине делает людей необъективными».*

ДЖЕЙМС ФИНКЕНАУЭР

Dr. Джеймс Финкенауэр, член редколлегий многочисленных изданий на протяжении многих лет рецензировал статьи, книги, рукописи, докторские диссертации и другие работы. Он отмечает, что часто рецензенты вынуждены полагаться на честность авторов, потому что обычно у рецензентов нет возможности повторно пройти исследовательский путь автора, проверить все данные и заново провести анализ исследования:

> *«[…] к сожалению, большинство ученых не всегда представляют материал честно и добросовестно. Старшие научные сотрудники знают, что они уже обладают определенным авторитетом, и они этим злоупотребляют. Они понимают, что если отправленная ими работа вероятнее всего будет опубликована без тщательной проверки. Некоторые люди регулярно ссылаются на свои собственные работы, а затем поручают своим студентам ссылаться на них, искусственно поднимая индекс цитирования. Естественно, это порождает искусственное влияние в сфере, достигнутое не совсем недобросовестным путем. В таком случае, разве мы можем полагаться на сложившуюся репутацию ученого?».*

БЕРНАРДО АТТИАС

Dr. Бернардо Аттиас сосредоточил внимание на очень важной академической практике, известной как экспертная оценка, и на том факте, что она не обязательно означает проверку фактов:

> *«[…] обычно, когда люди просматривают исследование, они смотрят, было ли оно правильно процитировано. Отсутствуют ли какие-либо критические ошибки в исследовании; вносит ли работа вклад в академическую сферу? Процесс экспертной оценки не обязательно ставит под сомнение достоверность информации. Мистификация Сокала — отличный пример, когда ученый хотел уличить редакторов журнала в халатном отношении своих функций, намеренно использовал абсурдную информацию и написал ста-*

тью таким образом, чтобы она звучала вполне правдоподобно. Я читал эту статью и обнаружил много недостатков в процессе рецензирования в этом конкретном журнале. Я думаю, что они сделали большую ошибку, приняв эту статью, даже не имея научных знаний для понимания некоторых утверждений. Оглядываясь назад, мы всегда понимаем больше, так как видим картину целиком, но я думаю, что журнал, действительно занимающийся междисциплинарными исследованиями, что является обычным явлением в культурологии, должен привлекать к процессу рецензирования квалифицированных ученых во всех соответствующих областях.»

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Проф. Максим Лепский также подчеркнул, что авторитет автора не является характеристикой достоверности исследования, продолжая тему Мистификации Сокала, он привел несколько случаев, когда подобные эксперименты проводились в Украине и около 10 украинских научных журналов попали в эту «ловушку», когда статьи имели структуру научной статьи, но содержание было совершенно посредственным. Журналы приняли эти статьи просто потому, что у них не хватило смелости сказать «нет». Еще одним важным фактором в академических кругах, по его мнению, является то, что каждый может допустить ошибку, особенно молодые исследователи, но это не должно вести к отказу от научной деятельности, а наоборот, подтолкнуть их более усердно работать над методологией исследования. Ошибки должны давать импульс для дальнейших исследований, а не превращаться в чувство вины или отсутствие научного интереса.

ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ

Dr. Виталий Лунев рассказал о том, что происходит в украинской академической среде:

«С приходом нового министра стандарты в украинской науке резко начинают принимать разные формы. Такие изменения не приводят к качественным скачкам в развитии науки, появлению и признанию научных открытий. Непонятно, как традиция может быть сохранена или создана в постоянно меняющейся системе координат. Ученый оказывается в ситуации необходимости мониторить не изменились ли требования к профессорству, защите кандидатской и вложиться в сроки «тех самых заветных старых требований».

Почему невозможно остановиться в постоянном изменении требований к количеству статей, шрифту текста, оформлению работ и всего прочего… Почему чья-то идеалистичная впечатлительность наукометрией превращается в функцию Закона?

Идеалисты и прагматичные товарищи создают, таким образом, инфантильную генерализацию — обобщая только измеряемые результаты науки с топовостью ученого и его наукометрические показатели. Все что не входит в формулу, попадает в «Прокрустово ложе» и мы оказываемся вынужденными, с одной стороны, обесценить опыт, который не вписывается в придуманные министерством рамки, но на котором выросли поколения ученых нашей страны и нашей научной традиции, а с другой стороны быть вынужденными «дотянуться», простите, «растянуться» в этом «прокрустовом ложе» до идеализированных наукометрических показателей.

Зрелая наука всегда отличается сохранностью методологии и традиций, честными и объективными исследованиями и понятными требованиями, которые не меняются в ночь, и в этом ее этика. Постоянно меняющиеся требования, бесконечная смена идеалов, придумывание новых благ, как и бесконечное требование (обсессия) новых требований это, не что иное, как вечное морализаторство, а значит, незрелость. И так наука приходит к своему кризису, поскольку уходит от понимания своей этической природы (я сейчас не про биоэтику исследований, не про плагиат) в номенклатурную. Удивляет молчание профессиональных, академических, университетских сообществ».

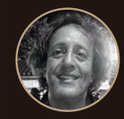
ПРОБЛЕМА «ЦЕРКОВНОСТИ» В НАУКЕ И СВЯЗЬ НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ С НАУКОЙ

Мир ученого и мир науки отличаются друг от друга определенными требованиями. Исследователь не может работать с информацией только потому, что она «попала в его распоряжение». Также не рекомендуется считать какой-либо источник истиной в последней инстанции.

Требования к ученому разные: он должен уметь анализировать и обосновывать, аргументировать и представлять достоверные результаты своей научной деятельности. С точки зрения методологического дискурса о качестве научных результатов в XXI веке, важным аспектом научной основы является оценка и исследование источников.

Однако с преобладанием информационных технологий и всеобъемлющей оцифровкой сама сущность научного знания — **источниковедение — претерпела сильные изменения и моделирование**. Фейковые источники, негласный общепринятый способ публикации, который не требует проверки источников данных, бизнес-проекты, которые научно обосновывают несуществующие вещи — все это, среди прочего, примеры отрицательной тенденции.

Вопрос в том, может ли «ссылка на источник» быть равна «качеству этого источника»? Что, если давно принятый источник содержит при этом неточную (а иногда откровенно ложную) информацию? В настоящее время в академическом мире подразумевается, что письменный источник — это тот самый источник, который обязательно следует использовать и на который необходимо ссылаться в исследовании. Однако не стоит забывать, что даже письменный источник мог быть преднамеренно искажен или являться результатом теоретического проекта, не имеющего ничего общего с действительностью.

DR. ЛЮСЬЕН УЛАХБИБ

Dr. Люсьен Улахбиб считает, что ссылки на работы других ученых зависят от направления и области исследований. Если ученый специализируется в очень узкой области, в которой немного других исследователей (или их вовсе нет), то ссылаться на кого-либо просто невозможно, и следовательно, не стоит ожидать, что другие ученые его поддержат. История знает множество примеров, когда один или несколько ученых противостояли всему академическому сообществу, например, Эйнштейн, Пуанкаре во Франции и многие другие ученые.

ИРИНА ЛОПАТЮК

Ирина Лопатюк как молодой ученый считает, что анализ первичных ресурсов (книги, публикации, трактаты, экспериментальные обзоры и т.д.), предоставленный предшественниками, проводившими комплексные исследования ранее, несомненно, полезен,

«[…] однако, вышеупомянутая практика — только первый шаг к расширению кругозора, чтобы помочь человеку по-

знакомится с идеями, уже существующими в этом мире; чтобы осознать свой личный потенциал научного влияния или достижений. Такой аналитический подход стимулирует размышления, завершая этот процесс постановкой соответствующей исследовательской цели. Тем не менее, это все еще лишь первый шаг исследовательского таинства».

Во-вторых, Ирина Лопатюк выделяет остро стоящие вопросы в отношении попыток исказить методологию научных исследований и поддержки наукометрических баз данных как меры влияния и развития ученых.

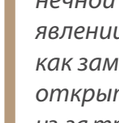
«Есть определенные типы «негласных правил» (они больше напоминают ритуалы, чем процедуры или подходы), которые каждый ученый должен знать и соблюдать. Среди них, например, есть правило ссылаться на предыдущие научные публикации, не принимая во внимание тот факт, что, возможно, никто не проводил исследования по данной теме до него.

Еще одна крайность, которая становится все более и более проблематичной, — это «мерить» ученого по количеству его статей в журналах, индексируемых в Scopus или Web of Science, по сравнению с его монографиями и научными работами. Существует множество искусственных механизмов, которые некоторые общественные деятели и даже ученые применяют в попытке убедить социальное большинство в определенных исследованиях, в достоверности открытий, которые просто недействительны и фальшивы. Одна из наиболее частых причин этого — «особый спрос», как и в случае с политическим бизнес-проектом».

ЭНДРЮ МАРК КРЕЙТОН

Эндрю Марк Крейтон указал на важный аспект восприятия научной работы вне научного мира:

«Я считаю, что для широкой публики наука больше не является единственным авторитетом в науке. С появлением Интернета и расширением коммуникаций, прошлые недостатки и этические проблемы науки в настоящее время стали видимыми и это, возможно, может привести к подрыву научного авторитета. Пытаясь понять коронавирус, исследователи в сфере медицины, врачи и ученые часто не соглашались друг с другом, давали противоречивые советы и изменяли свои рекомендации и информацию о вирусе. Эти неопределенность и меняющаяся информация ожидаема, ведь наука — это процесс, который включает в себя исключение, и это в значительной степени трюизм, который следует воспринимать как обычную практику в академических кругах. Однако для широкой публики, у которой нет академического опыта в науке, такие несоответствия между различными данными могут означать некомпетентность и безответственность».

МАЙКЛ СТРЕВЕНС

Профессор Майкл Стревенс говорит, что академическим кругам нужны «переводчики», чтобы объяснять значений их слов для широкой публики:

«[…] если вы посмотрите на научные журналы, то увидите данные, которые прошли тщательную проверку. Одна нельзя полностью на них опираться. Чтобы понять, какие гипотезы используются для интерпретации доказательств, не нужно читать журналы, необходимо напрямую говорить с учеными. Без этого невозможно получить полную картину того, что именно конкретный ученый думает по поводу продемонстрированных нам доказательств».

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Проф. Максим Лепский считает, что проблема цитирования — это симуляция научной деятельности, когда цитирование становится обязательным и более важным, чем само содержание.

«Похоже, что ученые забывают о своей конечной цели, которая заключается в выявлении и объяснении зон неизвестности, как заметил доктор Олег Мальцев, делая открытия на благо общества. Частично из-за требований, предъявляемых научными учреждениями, ученые попадают в круг, в котором они цитируют друг друга. Есть попытки научную культуру перевести в культуру грамматики и пунктуации. Наукометрические базы должны служить для удобства поиска информации и литературы. Но если за публикацию приходится платить, это приводит к неравенству между учеными: появляются те, кто может себе это позволить, и кто — нет. Я встречал утверждение, что по доходности Scopus стоит между нефтяным и рекламным бизнесом. Я не исследовал этот вопрос, но я слышал об этом». Еще одна проблема в академической среде, по словам профессора Лепского, связана с шоутизацией науки: «Те, кто определяют рейтинг, во многом управляют сферой. «Хитмейкеры» — создатели смыслов и течения их подражателей — не всегда соответствуют задачам науки и методам их решения. Декарта, Ньютона, Лейбница ценили за то, что они могли решать задачи, которые стоят перед государством. Сегодня же наука, видимо, входит в гиперреальность вместо того, чтобы решать задачи, необходимые для развития общества».

ВЛАДИМИР СКВОРЕЦ

Ph. D. Владимир Скворец заявил, что все открытия, новые научные знания, гипотезы и теории создаются на основе ранее существовавших путем критики и переосмысления. Он считает, что ссылка на источники должна быть обязательным требованием для молодых ученых, однако он также встречал качественные работы социологов, у которых не было ссылок, кроме документов и фотографических свидетельств. Например, статья О. В. Мальцева и Дарины Каруны «Связь Якова Блюмкина с современной академической наукой», опубликованная в издании «Гранит науки».

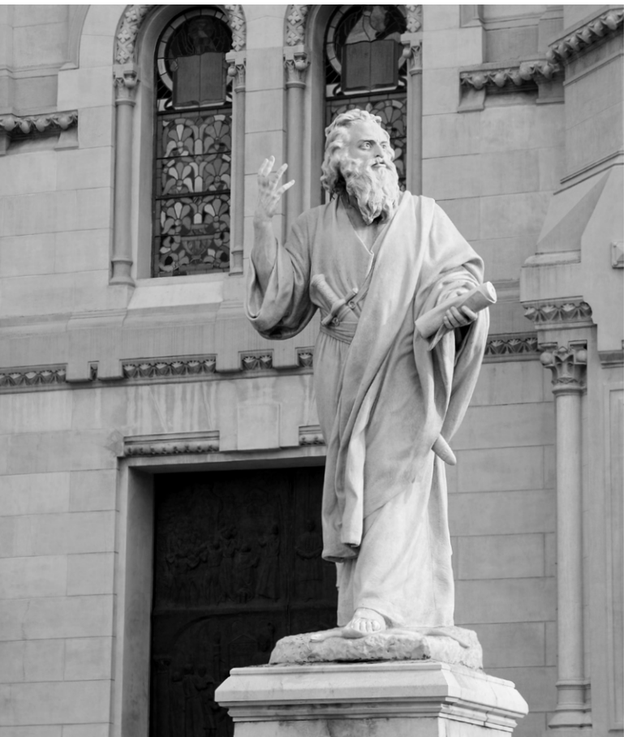
> *«Самое главное, что в этой статье разработана новая оригинальная концепция возникновения советской науки. Авторы статьи показали, как борьба двух ученых, выпускников Хайдельбергского университета Яковлева и Попова, против околонаучных проходимцев Блюмкина и Бокия привела к тому, что определило модель развития и будущее советской науки. Проблема, разработанная в статье, чрезвычайно актуальна для современного научного общества», — отметил Dr. Скворец.*

По его мнению, деятельность наукометрических баз данных противоречивая, деперсонализированная, забюрократизированная и коммерциализированная. Нет гарантии, что статьи, представленные авторами, будут рецензироваться авторитетными учеными, которые способны адекватно изучить и дать научную оценку.

АЛЕКСАНДР САГАЙДАК

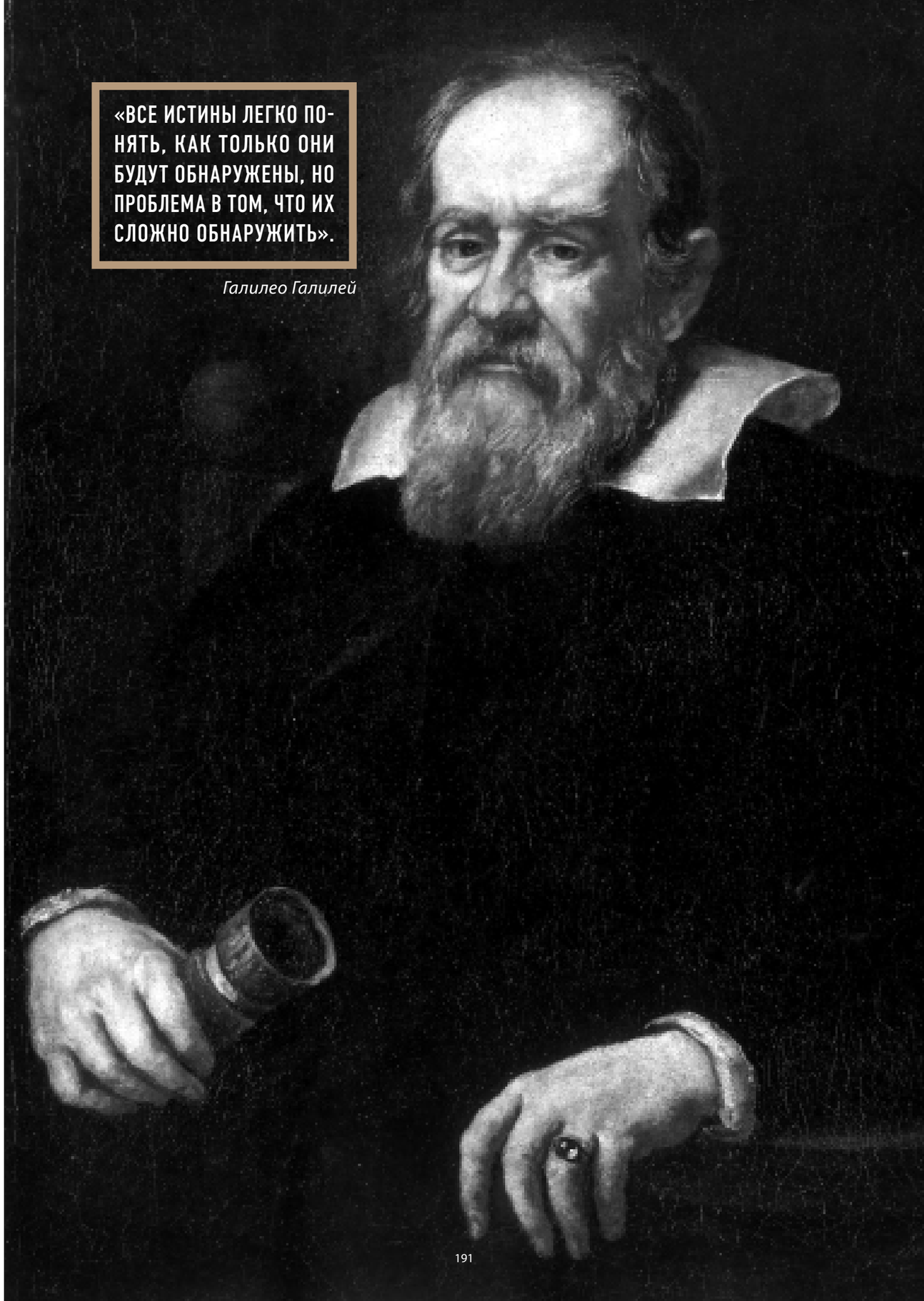
Другой взгляд на сегодняшнюю науку, высказанный Ph. D. Александром Сагайдаком, заключается в том, что наука, как и религия, являются социальными институтами:

> *«Оба института находятся в особом положении по отношению к государству, которое пытается держать их под контролем в течении тысяч лет. С другой стороны, оба института могут выполнять свои социальные функции только если они обособлены, независимы и автономны прежде всего от государства. Если наука является относительно независимой от государства, но при этом начинает зависеть от собственного бюрократизма, то у нее нет хороших перспектив. Что касается наукометрических баз данных, как всегда актуально высказывание венгерского психоаналитика Леопольда Сонди: «Патология есть гипертрофированная норма». Если мы расцениваем нынешнее состояние наукометрических баз как нечто не совсем нормальное, зададимся вопросом: а что же является нормой? В XIX веке таким стандартом была научная репутация, которая выполняла те же функции, что и везде: коммуникация и иерархизация. Когда появилось цифровое общество и потоки информации возросли, появилась потребность в новых, более эффективных способах коммуникации в научных сообществах. Такими методами и стали «наукометрические базы». Очевидно, они очень хорошо выполняют вторую функцию — иерархизации, создавая круг «допущенных» и «недопущенных».*

Проф. Сагайдак подчеркнул, что эти базы данных превратились в инструмент управления, работающий по принципу «Железного закона олигархии» (Роберт Михельс). По его мнению, необходимо «политическое» решение, чтобы вернуть наукометрические базы данных к их основной функции:

> *«[…] под «политическим» я подразумеваю процессы самоорганизации и власти, которые происходят внутри научного сообщества. Базы данных должны помогать ученым в достижении и поддержании нашей главной цели: познания истины».*

ОФИЦИАЛЬНАЯ СТРАНИЦА КОНФЕРЕНЦИИ:

HTTPS://SOURCE.EUASU.ORG/

МЕДИАПАРТНЕРЫ

«THE WESTERN MORNING NEWS»

The Western Morning News is a daily regional newspaper founded in 1860, and covering the West Country including Devon, Cornwall, Isles of Scilly and parts of Somerset and Dorset in the South West of England. The Western Morning News was founded by William Saunders and Edward Spender, father of Sir Wilfrid Spender, on 3 January 1860. It has been published continuously since the first edition, including throughout the 1926 General Strike and the Plymouth Blitz. At the moment it is an online publication.

www.westernmorning.news

THE JOURNAL OF INTERNATIONAL SECURITY AFFAIRS

The Journal of International Security Affairs is the flagship publication of the Jewish Institute for National Security Affairs (JINSA). JINSA is a non-profit, non-partisan educational organization based in Washington, D. C. It is dedicated to explaining the need for a prudent national security policy for the United States, addressing the security requirements of both the United States and the State of Israel, and strengthening the strategic cooperation relationship between these two great democracies.

www.security-affairs.com/about

«CULTURA HISTORICA»

Cultura Historica is a web portal on historical culture, theory of history and historiography. Its aim is to offer a wide and well-linked range of pdf-format texts written by leading scholars in these fields, in an attractive format. We also incorporate a substantial number of links, commentaries on historical films and novels and other didactic resources. This project saw the light in April 2009. That has been possible for the collaboration by a considerable number of colleagues from the International Commission on History and Theory of Historiography, the University of Barcelona and other universities throughout the world.

www.culturahistorica.org

“NEWSLETTER ON THE RESULTS OF SCHOLARLY WORK”

Scientific and popular journal: Newsletter on the results of scholarly work in sociology, criminology, philosophy and political science is a German scientific-popular-science journal. The journal’s main subject is criminology; scientific disciplines: psychology, philosophy, criminology, sociology, political science. The newsletter focuses on studying phenomena such as crime, organized crime, corruption, money laundering, criminal psychology, criminology as a research discipline, philosophical aspects of crime investigation, political analysis of the influence of crime and its activity on society, public and state structures. The journal aspires to maintain the highest ethical standards of publication and scientific proficiency through peer review and strict policies.

www.sci-result.de/journal

“LITERARY-SCIENTIFIC NEWSLETTER”

Literary-Scientific Newsletter is the first all-Ukrainian literary-scientific and socio-political journal initially was published in print from 1898 to 1932. The journal was founded at the initiative of Ukrainian and Soviet historian, public and political figure Mikhail Grushevsky. The “Literary-Scientific Newsletter” published the works of the best Ukrainian writers and scientists and was printed by a scientific society named after Taras Shevchenko. This publication was the first one to publish Ivan Franco’s “Ways-Roads”, Nikolai Voronoy’s “Choral potion” and Lesia Ukrainka’s “Predawn Lights”. It also published Ukrainian translations of Edgar Allan Poe’s, Friedrich Schiller’s, and William Shakespeare’s works.

In 2019 “Literary-Scientific Newsletter” was reactivated by courtesy of academician Ph. D. Oleg Maltsev (head of the Odessa regional branch of the Ukrainian Academy of Sciences) and Kim Kanevsky (distinguished journalist of Ukraine)

www.lnvistnik.com.ua/ru

“GRANITE OF SCIENCE”

The “Granite of Science” is a popular-scientific portal that publishes relevant and reliable knowledge about the state of Ukrainian and world science. The “Granite of Science” has

become a tool for managing social requirements for science in Ukraine. The journal accepted the responsibility to demand from the scientists to be in line with the glorious past of Ukrainian science and the daring future world tendencies to bring the research of state institutions to the orbit of an advanced enlightened community.

www.un-sci.com

"BAUDRILLARD NOW"

Baudrillard Now is an interdisciplinary journal that aims to popularize the works of Jean Baudrillard and analyze today's world through the prism of his ideas and theories. The journal is also intended to provide a forum for work at the crossroads of Baudrillard's philosophy, sociology, radical anthropology and postmodern theory.

www.baudrillard-scijournal.com

SCIENTIFIC JOURNAL "EXPEDITION"

The Expedition journal was conceived as a corporate journal for professional scientists. Here are the shades of the Latin word "expedire": to unravel, to establish, to equip, to implement — everything a scientist does. The journal was created for all engaged in scientific practice and academic research. "Expedition" presents an objective account of history to give an opportunity for all to view this world from a different plane with different perspectives, to reveal the way mechanisms of power are triggered on a certain territory and in the world, and the way some figures subjugated others in the course of the history. Also, the "Expedition" journal studies how historical architectural buildings are used to manipulate changes in the environment and affect human consciousness. Whereby, an individual makes important life decisions guided by unreliable sources of information. "Expedition" journal is the result of the Expeditionary Corps' work over the past 6 years since its establishment.

www.expedition-journal.de

"NÄCHSTE STUFE"

Nächste Stufe. Erweiterte Ansicht auf die Wissenschaft ("Next Level. Advanced View of Science") is an online version of German popular-science journal «Nächste Stufe», which was founded in 2012 and originally was only in print. It was founded by Prof. Dr. Cord Arendes (Heidelberg University),

Prof. Dr. med. Maximilian Schwartz (University of Munich) and Prof. Dr. Lucas Schmidt-Mende.

The objective of the journal is to assemble striking and non-conservative scientific ideas from every corner of the world and enhance literacy and completeness of readers' viewpoints in areas such as history, medicine, sociology, psychology, cybernetics, and information technology.

www.naechstestufe.com

"THE HUMANITIES SCIENTIFIC SOCIETY"

The Society is a successor of the Society for Law and State Knowledge of Odessa by Novorossiysk University founded in 1913. Its predecessor was the Richelieu Lyceum Law Society founded after the judicial reform of 1864. The members of the above societies were scientists, lawyers, judges, prosecutors and honorary figures of the city. The main goal of the society is to popularize legal sciences, humanities and conduct scientific research at the intersection of humanities.

www.facebook.com/humanscisociety

"CONCERN BIG GUNS PHOTOS"

BigGuns Photos Concern was founded in June of 2018. The key concept of the Concern is to present the view of the camera as a logical model which explains how to achieve results in life and to use it as a tool for insights. The main factor of photography is the strength of its impact on a person.

www.facebook.com/BigGunsPhotos

"PSYCHOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL SOCIETY"

Society unites psychologists, psychiatrists, medical specialists and philosophers. The main tasks of the society are to help young scientists and to celebrate the merits of those researchers who have made significant contributions to science. The revival of this society took place on October 29, 2019. The president of the society is the head of the Theurung Association, candidate of psychological sciences Alexander Sagaidak.

www.facebook.com/Психолого-философское общество

"DIGITAL WORLD (DW)"

Digital World (DW) is a popular-science core publication —

your guide in the world of contemporary IT. Innovation and scientific solutions for some become keys to progress, for others it is a dangerous tool for fulfilling self-interested and ethically compromised goals. DW analyzes and investigates both facets of the digital world, which has become an alternative reality for humankind over the past 15 years.

www.dw.expert

THE EASTERN EUROPEAN UNIVERSITY NETWORK

The Eastern European University Network — Association of universities from five countries: Ukraine, Belarus, Moldova, Georgia and Poland. The aim of the network is to partner in research, teaching students and networking with universities. This goal should be accomplished by means of international grants and research projects, exchange of scientific and research services, the use of infrastructure, implementation of joint educational projects — such as the development of international training programs, exchange of students and scholars.

www.facebook.com/Eastern-European-University-Network

ГРАНИТ НАУКИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
О УКРАИНСКОЙ И МИРОВОЙ НАУКЕ

www.un-sci.com

https://t.me/granitnauky

https://www.facebook.com/granit.nayki/

https://un-sci.com/ru/

+380 (50) 879 78 57

+3712608007

Riga, Garozas 3 — 1

Номер в регистре: 0007404830

ISSN 2661-572X (Online)

ISSN 2661-5711 (Print)